

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2024 № 7

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»).

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт
всеобщей истории РАН, Москва, Россия), А.В. Денисов (Москва, Россия),
Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия), С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия),
В.А. Мельянцев (Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия),
Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР),
М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), О.И. Тетерин (Москва, Россия), Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения
РАН, Москва, Россия), В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2024 № 7

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title
“Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision
of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute
of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic
Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages,
Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams
University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno
(Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow),
V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

- Мельянцев В.А.** Насколько существенно и устойчиво развивающиеся страны перегоняют развитые по динамике производительности? 5

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Нуждин И.И., Дмитриев Р.В.** Региональные диспропорции российского экспорта сельскохозяйственной продукции в страны Африки 17
- Лузянин С.Г., Алексеева Ю. Н.** Геополитические и инвестиционные измерения политики Китая на Ближнем Востоке 24
- Хмелева Г.А., Гусева М.С.** (Самара). Китайский путь к глобальному торгово-экономическому лидерству 32
- Филин Н.А., Ходунов А.С.** Протестное движение в Иране в 2022 г.: испытание для политической стабильности 41
- Shishkina A.R.** Gender and Demographic Aspects of the Arab Spring Protests: Youth Bulges, Women's Participation and the Role of Internet 49
- Волков С.Н., Жамбиков А.М.** Итоги первого 10-летия «Повестки дня 2063» 57
- Лученков И.Р.** Христианские общины в политической жизни современного Ирака 66

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

- Иконникова Т.Д.** «Чрезвычайное положение»: интрига невышедшего фильма 73
-

© Российская академия наук, 2024
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2024

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в РИНЦ, входит в список ВАК, ядро РИНЦ и в базу RSCI.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

TOP PROBLEM

- Meliantsev V.A.** How Significantly and Sustainably are Developing Countries Surpassing
Advanced Economies in Terms of Productivity Dynamics? **5**

POLITICS, ECONOMICS

- Nuzhdin I.I., Dmitriev R.V.** Regional Disproportions in Russian Exports of Agricultural Products
to African Countries **17**
- Luzyanin S.G., Alekseeva Y.N.** Geopolitical and Investment Dimensions of China's Policy in the
Middle East **24**
- Khmeleva G.A., Guseva M.S.** (Samara). China's Path to Global Trade and Economic Leadership **32**
- Filin N.A., Khodunov A.S.** Protest Movement in Iran in 2022: A Test for Political Stability **41**
- Shishkina A.R.** Gender and Demographic Aspects of the Arab Spring Protests:
Youth Bulges, Women's Participation and the Role of Internet **49**
- Volkov S.N., Zhambikov A.M.** Results of the First 10 Years of the Agenda 2063 **57**
- Luchenkov I.R.** Christian Communities in the Political Life of Modern Iraq **66**

CULTURE, LITERATURE, ART

- Ikonnikova T.D.** *Emergency*: Behind the Scenes of an Unreleased Film **73**
-

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2024

The authors opinions may not coincide with position
of the Editorial.

Included in RSCI (Russian Science Citation Index).

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

DOI: 10.31857/S032150750031387-7

Насколько существенно и устойчиво развивающиеся страны перегоняют развитые по динамике производительности?

© Мельянцев В.А.^а, 2024

^а МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

*Производительность – это еще не всё,
но в конечном счете это почти всё.*

Пол Кругман, лауреат Нобелевской премии по экономике

Резюме. Вследствие осуществления рядом азиатских *развивающихся стран* (РС) серии прагматичных реформ и экспортоориентированной индустриализации эти страны в последние 2–3 десятилетия сумели, потеснив *развитые государства* (РГ) на рынках готовых промышленных товаров, заметно перегнать их по темпам прироста не только *производительности труда*, но и *совокупной факторной производительности*.

Однако РГ в целом всё еще многократно превосходят не только менее успешные, но и успешные РС *по уровню* производительности, что, судя по рассчитанной автором модели, определяется намного более высоким, чем в РС, качеством их институтов и управления, образования населения и применяемых технологий.

Чтобы сохранить свое лидерство в динамике производительности, *развивающимся странам*, которые испытывают мощное сдерживающее давление стран Запада, надо, продолжая борьбу за установление более справедливого многополярного миропорядка, энергичнее осуществлять реформы, способствующие повышению качества институтов, опережающему росту человеческого капитала, формированию эффективной, технологически более сложной и организационно более продвинутой экономики, опирающейся и на внутренний рынок, и на активное включение в мирохозяйственные связи.

Ключевые слова: развитые и развивающиеся страны, производительность, конвергенция, накопление, человеческий капитал, институты

Благодарность. Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

Для цитирования: Мельянцев В.А. Насколько существенно и устойчиво развивающиеся страны перегоняют развитые по динамике производительности? *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 7. С. 5–16. DOI: 10.31857/S032150750031387-7

How Significantly and Sustainably are Developing Countries Surpassing Advanced Economies in Terms of Productivity Dynamics?

© Vitalii A. Meliantsev^а, 2024

^а Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Abstract. In the last 2–3 decades due to a series of pragmatic reforms and export-oriented industrialization, carried out by a number of Asian *developing countries* (DCs), these countries have managed to significantly displace *advanced economies* (AEs) in the markets of finished industrial goods, and, on the whole, noticeably surpass the latter in terms of growth rates not only of *labor productivity*, but also *total factor productivity*.

However, the AEs still outstrip many times not only less successful, but also successful DCs in terms of productivity level, which, according to the model calculated by the author, is determined by the much higher quality of their institutions and management, educational levels of the population and technologies used than in *developing countries*.

In order to maintain their leadership in productivity dynamics, DCs, which are experiencing powerful deterring pressure from Western countries, must, while continuing the struggle to establish a more equitable multipolar world order, intensify the implementation of inclusive reforms that contribute to improving the quality of their institutions, accelerated growth of human capital, and the formation of an effective, technologically more complex and organizationally more advanced economy, based both on the internal market and active inclusion in world economic relations.

Keywords: developed and developing countries, productivity, convergence, capital formation, human capital, institutions

For citation: Meliantsev V.A. How Significantly and Sustainably are Developing Countries Surpassing Advanced Economies in Terms of Productivity Dynamics? *Asia and Africa today*. 2024. № 7. Pp. 5–16. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031387-7

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, *производительность труда* (ПТ) и *совокупная факторная производительность* (СФП)¹ – важнейшие драйверы экономического роста, повышения международной конкурентоспособности и уровня благосостояния населения. Долгое время считалось само себе разумеющимся, что *развитые государства* (РГ), располагающие богатым инновационным потенциалом, растут преимущественно за счет интенсивных факторов, увеличения производительности. А *развивающиеся страны* (РС), даже если они очень стараются, наращивая вложения в *физический*² и человеческий капитал, растут в основном за счет экстенсивных факторов. И у них вклад ПТ и СФП в прирост ВВП сравнительно невелик.

Опираясь на расширившиеся в последнее время базы данных, в т.ч. Всемирного банка и МВФ, постараемся, сделав необходимые расчеты, уточнить/скорректировать расхожие представления о динамике и важнейших факторах роста *производительности труда* в развивающихся странах и развитых государствах.

ТРЕНДЫ

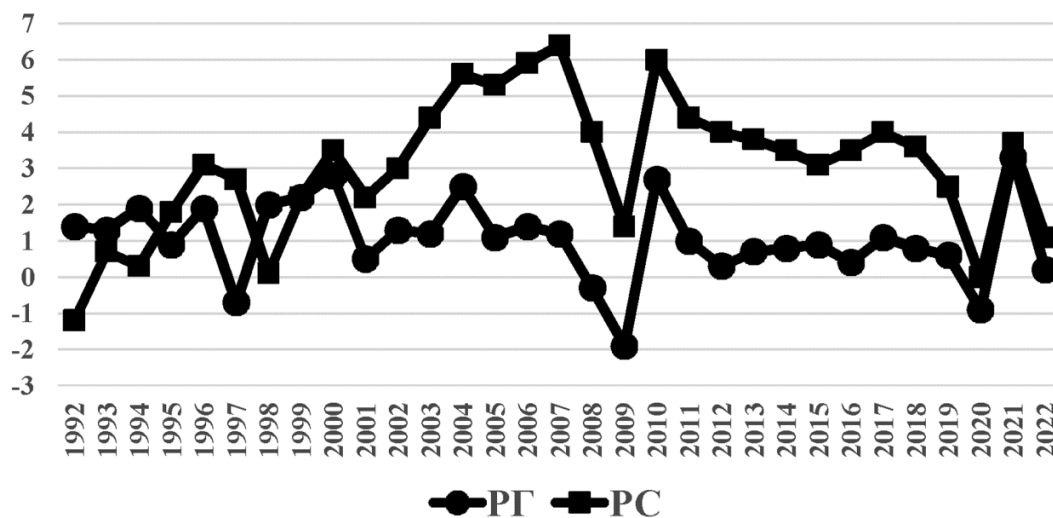

График 1. Развитые государства (РГ) и развивающиеся страны (РС): динамика темпов прироста ВВП в расчете на одного занятого, 2000–2022 гг., %.

Graph 1. Advanced economies (AEs) and developing countries (DCs): dynamics of GDP growth rates per person employed, 2000–2022, %.

Графики 1–3 и диаграмма 1 рассчитаны по: *IMF Data*. <http://www.imf.org>; *World DataBank*. <http://databank.worldbank.org>. (accessed 15.03.2024)

¹ СФП характеризует меру эффективности экономики, отношение выпуска (например, ВВП) к сумме совокупных затрат труда и капитала (здесь и далее – *прим. авт.*).

² Физический капитал в своей основе – это здания, строения, машины и оборудование.

Данные *граф. 1*, в котором отражена динамика *погодного* прироста ПТ (по ВВП в расчете на одного занятого по ППС 2017 г.³), показывают, что если в отдельные годы последнего десятилетия прошлого столетия РГ еще в целом опережали РС по темпам прироста ПТ, то в дальнейшем, прежде всего в результате успехов ряда крупных развивающихся стран (КНР, Индии, Индонезии, Таиланда, Вьетнама, а также ряда новых индустриальных стран (НИС), ныне ставших развитыми), РС стали заметно обгонять развитые государства по темпам прироста *производительности труда*.

Если в 1980–2000 гг. *среднегодовой темп прироста* (СГТП) *производительности труда* был в РГ в 1,5 раза выше, чем в среднем по РС (2,2 vs 1,5%), то в 2000–2022 гг. уже по РС он был более чем в 4 раза выше, чем в среднем по РГ (3,7 vs 0,9%). В целом за 1980–2022 гг. СГТП *производительности труда* по РС оказался на 3/4 больше, чем по РГ (2,6 vs 1,5%; см. *диагр. 1*).

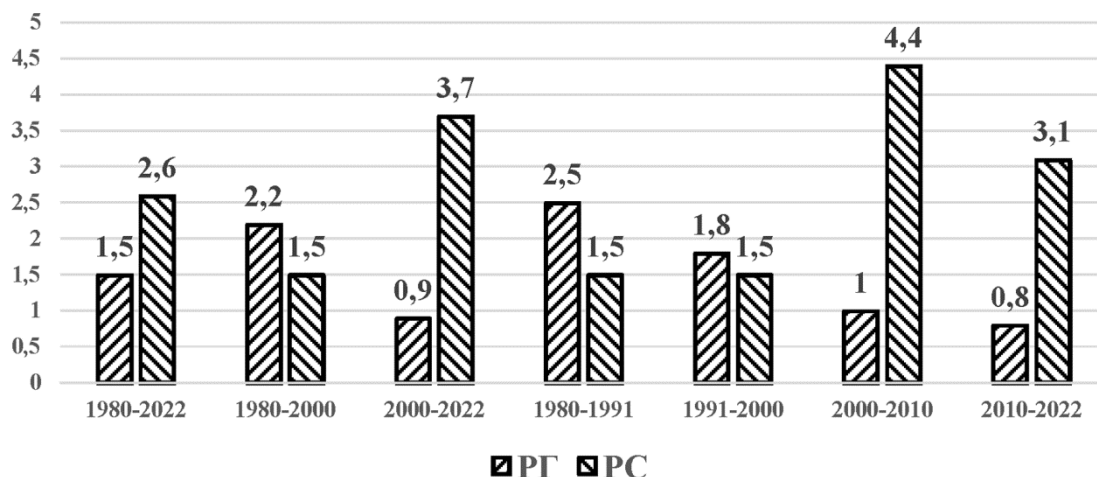

Диаграмма 1. Развитые государства (РГ) и развивающиеся страны (РС): среднегодовые темпы прироста (СГТП) производительности труда (ПТ), 1980–2022 гг., %.

Diagram 1. Advanced economies (AEs) and developing countries (DCs): average annual growth rate (AAGR) of labor productivity (LP), 1980–2022, %.

Однако важно подчеркнуть, что *развивающиеся страны* сильно дифференцированы по этому показателю. Если в РС Восточной, Юго-Восточной Азии и Южной Азии, сделавших в немалой мере ставку на экспортоориентированную индустриализацию, среднегодовой темп прироста производительности труда в 1980–2022 гг. достигал соответственно 5,6 и 3,6%, то в среднем по другим регионам РС, специализирующихся в международном разделении труда (МРТ) преимущественно на экспорте сырьевых товаров, он не превышал 1%, составляя по арабским странам, Африке южнее Сахары (АЮС) и Латинской Америке всего 0,1–0,3%⁴.

Относительный уровень разрыва в уровнях производительности труда между РГ и РС, достигнув в 1980 г. внушительной – 6-кратной – величины, продолжал увеличиваться до 2000 г., составив 6,9 раза (см. *граф. 2*). А затем экономический прогресс в крупных и средних азиатских РС привел к тому, что разрыв между РГ и РС сократился в 2022 г. почти вдвое – до 3,8. Однако если относительный разрыв по РС Восточной и Юго-Восточной, а также РС Южной Азии уменьшился в 1980–2022 г. соответственно с 18 до 3,4 раза и с 13 до 5,4 раза, то по Африке южнее Сахары он вырос почти на 3/4 – с 6 до 10,3 раза.

Небезынтересно заметить, что, судя по нашим расчетам, основанным на изменяющейся динамике *производительности труда* в РГ и РС, конвергенция между этими двумя группами стран по *относительному уровню ПТ* произошла не столько за счет замедления динамики *производительности труда* в РГ (менее чем на 2/5), сколько за счет её ускорения в РС (более чем на 3/5).

Хотя *абсолютный разрыв в уровнях ПТ* в целом между РГ и РС в 1980–2022 гг. вырос почти на 2/3 (с \$48,5 тыс. до \$79,1 тыс. по ППС 2017 г.), он увеличивался затухающими темпами: *среднегодовой*

³ Вычисления произведены в расчете на одного занятого, т.к. не по всем развивающимся странам и даже развитым государствам есть надежные данные о динамике отработанных часов.

⁴ Рассчитано по источникам к *граф. 1*.

темпы прироста абсолютного разрыва по ПТ сократился с 2,7% в 1980–1991 гг. до 1,9% в 1991–2000 гг., 0,2% в 2000–2010 гг. и менее 0,1% в 2010–2022 гг.⁵

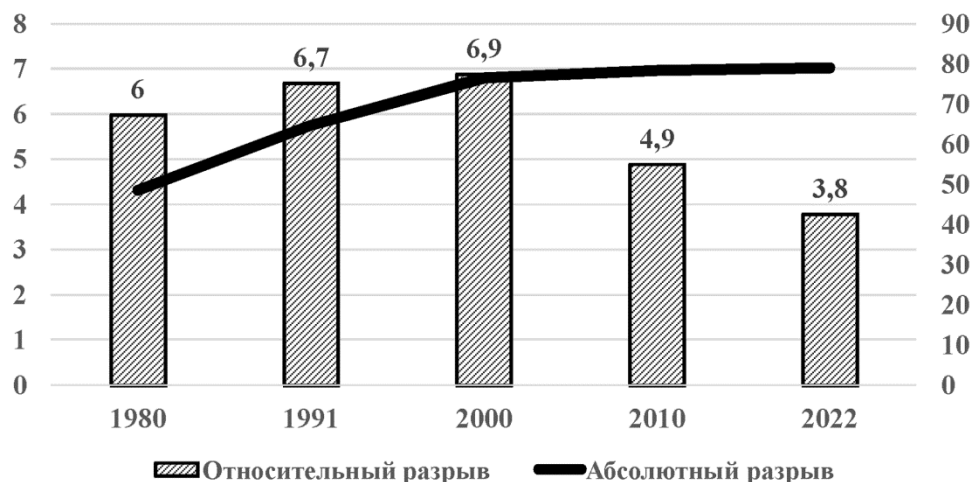

График 2. Развитые государства (РГ) и развивающиеся страны (РС), 1980–2022 гг.: динамика относительного (столбцы, слева, разы) и абсолютного (линия, справа, \$тыс., ППС 2017 г.) разрывов в производительности труда.

Graph 2. Advanced economies and developing countries, 1980–2022: dynamics of relative (columns, left, times) and absolute (line, right, \$ thousand, PPP 2017) gaps in labor productivity.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что:

– *во-первых*, в 1980–2022 гг. вклад ПТ в прирост ВВП в развитых государствах (~ 2/3) был ненамного больше, чем в странах развивающихся (~ 3/5), и в обеих группах этих стран (а не только в РГ) рост ВВП был вызван не столько увеличением массы применяемого труда, сколько ростом его производительности;

– *во-вторых*, внутри РС существует колоссальная дифференциация по вкладу ПТ в прирост ВВП: в 1980–2022 гг. в РС Восточной и Юго-Восточной Азии ~ 4/5, в Южной Азии ~ 2/3, в других регионах РС в среднем менее 1/3;

– *в-третьих*, если в РГ вклад ПТ в прирост ВВП сократился с 3/4 в 1980–2000 гг. до 3/5 в 2000–2022 гг., то в среднем по РС (прежде всего за счет динамичных азиатских стран) он вырос с немногим более 2/5 до 3/4.

Таким образом, в первые десятилетия XXI в. *развивающиеся страны* по этому важнейшему структурному параметру, много говорящему о качестве экономического роста, стали в целом перегонять *развитые государства*, заметно сдающие первым ряд своих позиций в мировой экономике.

ФАКТОРЫ

С чем связаны эти знаковые метаморфозы?

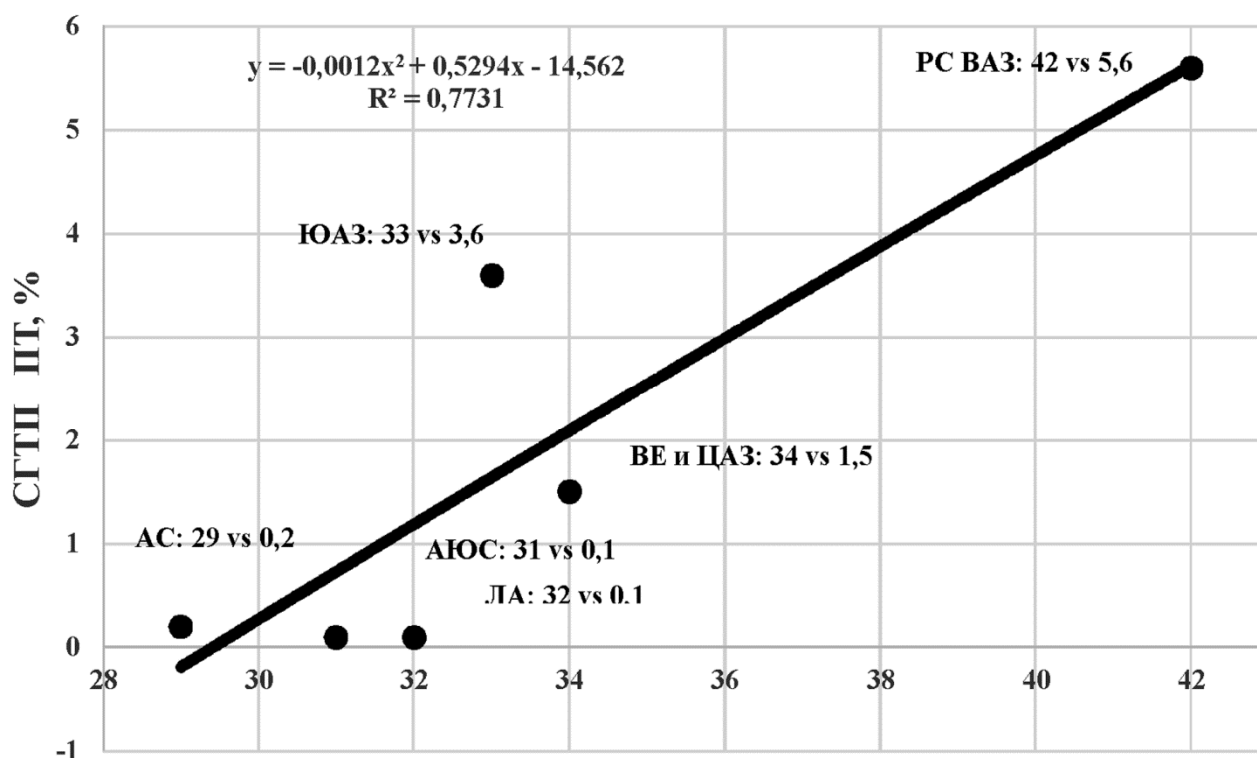
В последние 4–5 десятилетий несколько десятков преимущественно азиатских государств всерьез встали на путь ускоренного догоняющего развития, осуществляя прагматичные институциональные и экономические реформы⁶, наращивая накопление физического и человеческого капитала, активно встраиваясь в МРТ и глобальные цепочки создания стоимости, используя такие свои сравнительные

⁵ Рассчитано по источникам к *граф. 1*.

⁶ По имеющимся данным, *индикатор качества социально-экономических институтов* (среднее невзвешенное индикаторов политической стабильности, эффективности государства и соблюдения принципа верховенства закона) в целом по развивающимся странам Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, на которые приходится свыше 3/5 численности населения и ВВП (по ППС) РС, вырос с 49% в среднем за 1998–2002 гг. до 51% в 2000–2022 гг., в т.ч. в КНР – с 40 до 52% (0 – наименьшее значение, 100 – наибольшее, в %). Между тем по другим развивающимся странам и по РГ рассматриваемый индикатор заметно снизился – соответственно с 49 до 45% и с 85 до 82%. Рассчитано по: [1].

преимущества, как наличие в целом (еще) достаточно дешевой, но относительно быстро обучающейся рабочей силы.

В результате если в целом по РГ *доля совокупных вложений в физический и человеческий капитал в ВВП* повысилась ненамного – с 36–38% в 1950–1980 гг. до 41–43% в 2016–2023 гг., то в среднем по РС она увеличилась более чем на 2/3 – соответственно с 26–28% до 45–47%⁷. И по этому ключевому параметру экономического роста РС в целом уже обогнали РГ на несколько проц. пунктов. Этот фактор оказывает прямое, существенное и значимое воздействие⁸ на динамику производительности труда в основных регионах РС (см. *граф. 3*).

Примечания. 1. РС ВАЗ – РС Восточной и Юго-Восточной Азии, ЮАЗ – Южная Азия, ВЕ и ЦАЗ – Восточная Европа и Центральная Азия, АС – арабские страны, АЮС – Африка южнее Сахары, ЛА – Латинская Америка.

2. Первое число – доля совокупных вложений в физический и человеческий капитал в ВВП, второе число – СГТП ПТ.

График 3. Влияние доли совокупных вложений в физический и человеческий капитал в ВВП на среднегодовой темп прироста ПТ в основных регионах РС, 1980–2022 гг., %.

Graph 3. The influence of the share of total investments in physical and human capital in GDP on the average annual growth rate of labor productivity in the main regions of the developing countries, 1980–2022, %.

В целом по РС значительно *выросло среднее число лет обучения взрослого населения* (с 2 лет в 1950 г. до 4,7 – в 1980 г. и почти 9 лет в 2022/2023 гг.), многократно увеличился *охват населения высшим образованием* (в среднем с 8% в 1980 г. до 37% в 2022 г., достигнув в ЮАЗ и АС соответственно 27 и 34%, в РС ВАЗ и ЛА 56–58%, но при этом в АЮС всего 10%) и *Интернетом* – с 1/5 в 2010 г. до 2/3 в 2023 г., в т.ч. в РС ВАЗ и ЛА 79–80%, в ЮАЗ 52% и даже в АЮС уже 44%⁹.

Произошедшие сдвиги в целом в немалой мере, хотя и по-разному в разных группах РС, способствовали их инновационному развитию (см. *граф. 4*).

Хотя большинство развивающихся стран значительно отстают от развитых государств по уровню *инновационного развития* (ИР), ряд быстрорастущих, преимущественно азиатских, РС по уровню ИР располагается существенно выше линии тренда, сгенерированной по значениям ИЧР (см. *граф. 4*). Это

⁷ Рассчитано по источникам к *граф. 1*.

⁸ $R = 0,88$; $p = 0,02$. R – коэффициент корреляции, p – показатель статистической значимости.

⁹ Составлено по: [2, р. 274–277] и источникам к *граф. 1*.

превышение в 2022/2023 гг. составило по Индонезии и Малайзии 1,2 раза, по Вьетнаму – 1,4, по КНР – 1,7, а по Индии – 1,9 (!) раза. КНР, отставая по уровню *подушевого ВВП* (ПВВП) по ППС от таких РГ, как Канада, Австралия, Италия и Испания, в среднем более чем в 2,5 раза, заметно (в среднем более чем на 10%) обгоняла их по уровню ИР.

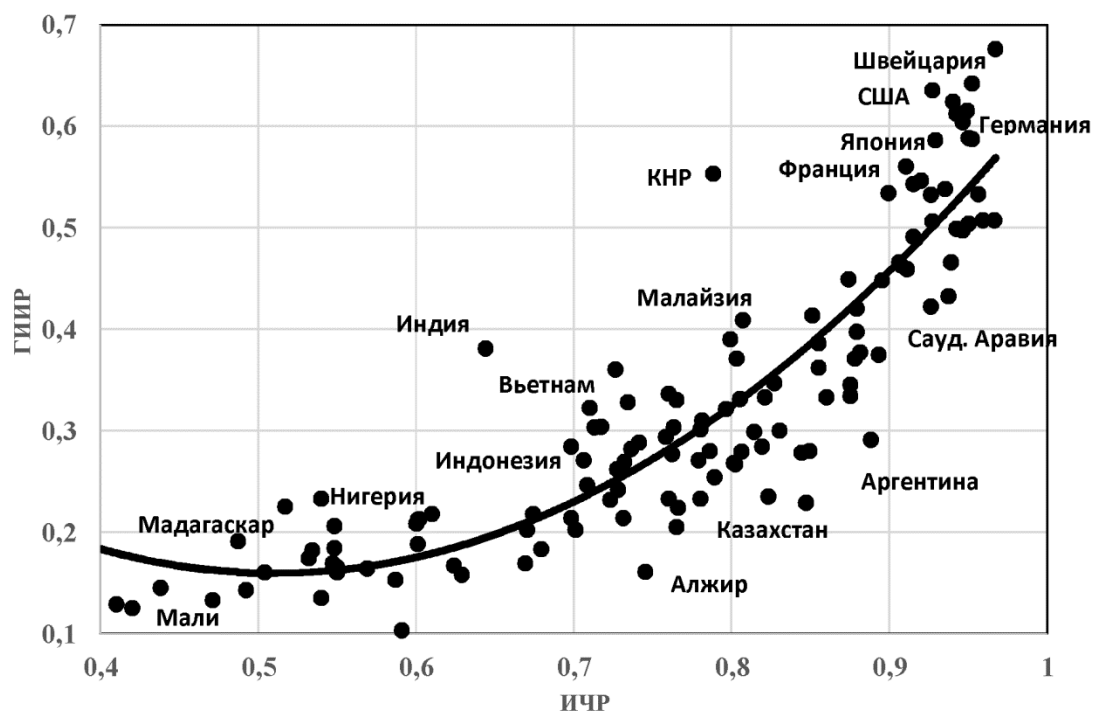

График 4. Взаимосвязь индекса человеческого развития (ИЧР, 2022 г.) и глобального индекса инновационного развития (ГИИР, 2023 г.), баллы.
Graph 4. Relationship between the Human Development Index (HDI, 2022) and the Global Innovative Development Index (GIDI, 2023), points.
Рассчитано по: [2, pp. 274–277; 3, p. 19].

С помощью нашей компактной *модели-1* попытаемся выявить ряд существенных факторов ускоренного роста *производительности труда* в развивающихся странах в 2000–2022 гг.:

$$GR_Y/E_i = -1,6 - 0,014 * Y/E_{i0} + 0,135 * mGFCF_i + 0,121 * GR_TECH_i$$

($p=0,04$) ($p=0,07$) ($p<0,01$) ($p=0,07$)
 $N = 68$ (крупных и средних стран мира); $R^2_{adj.} = 0,49$; $F < 0,01$

Примечания. 1. Y/E_{i0} – уровень производительности труда в расчете на одного занятого в стране i в исходном году в \$тыс. по ППС 2017 г.; GR_Y/E_i и GR_TECH_i – СГТП ПТ и уровня технологического развития в стране i в % за 2000–2022 гг.; $mGFCF_i$ – средняя за период доля вложений в физический капитал в ВВП в %.

2. Уровень технологического развития рассчитан как среднее невзвешенное трех показателей – расходов на НИОКР и числа заявок на патенты в расчете на одного жителя, а также доли населения, подключенного к интернету, отнесенных к уровню США в 2022 г. 3. Все основные параметры модели статистически значимы.

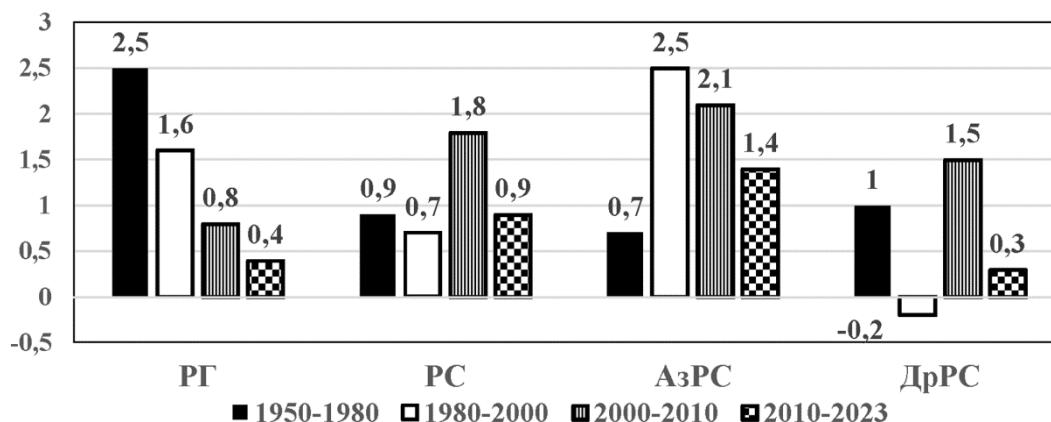
Рассчитано по РГ и РС с численностью населения свыше 10 млн человек по источникам к *граф.* 1.

В 2000–2022 гг. среднегодовой темп прироста производительности труда в пятерке *крупных развивающихся стран* (КРС) – КНР, Индии, РФ, Бразилии, Индонезии (среднее невзвешенное – 3,8%) – был более чем в 6 раз выше, чем в пятерке *крупных развитых государств* (КРГ) – США, Японии, Германии, Франции, Великобритании, входящих в первую десятку стран мира по объему ВВП по ППС, – 0,6%.

Используя коэффициенты рассчитанной нами *модели-1* и данные по упомянутым странам, можно объяснить превосходство первых над вторыми по темпам прироста *производительности труда* (ПТ) примерно на 1/3 т.н. преимуществом отсталости – *отставанием первых от вторых по исходному уровню ПТ* (в 2000 г. в среднем \$18 тыс. и \$90 тыс. по ППС 2017 г.); на 1/4 и почти на 1/3 соответственно

опережением первыми вторых по средней за период доле вложений в физический капитал в ВВП (28 и 21%) и по СГТП уровня технологического развития (в 2000–2022 гг. 10,1 и 2,2%).

Опережающий рост в целом всей группы РС по сравнению с РГ с начала века прослеживается и по динамике совокупной факторной производительности (СФП) (см. *диагр. 2*), темпы прироста которой у последних обнаружили долговременную тенденцию к многократному сокращению (см. также: [4]).

Примечания. 1. РГ – развитые государства, РС – развивающиеся страны, АзРС – азиатские РС, ДрРС – другие РС.
2. СГТП СФП получен как разница между темпом прироста ВВП и суммой взвешенных по долям труда и капитала в ВВП темпов прироста их затрат.

Диаграмма 2. Среднегодовые темпы прироста совокупной факторной производительности (СФП) в развитых государствах и развивающихся странах, 1950–2023 гг., %.
Diagram 2. Average annual growth rates of total factor productivity (TFP) in advanced economies and developing countries, 1950–2023, %.

Составлено и рассчитано по: [5, с. 206; 6; 7, р. 68].

В отличие от (полу)периферийных стран, немалая часть которых движется по траектории догоняющего развития, используя опыт и технологии РГ, у последних инновации базируются на собственных изобретениях, поддержание стабильного темпа роста которых – непростое дело.

Ряд исследователей, в т.ч. профессор Р.Гордон, считают, что «низко висящие плоды» научно-технического прогресса, возможно, уже собраны (см.: [8, р. 21]). Другие, включая лауреата Нобелевской премии по экономике Р.Солоу, фиксируют внимание на т.н. *парадоксе производительности* (см.: [9]). Суть его в том, что в последние десятилетия в РГ бурно развивались ИКТ, стали массово применяться роботы, на подходе масштабное использование искусственного интеллекта, а темпы роста СФП в РГ устойчиво замедляются.

Возможно, отчасти это связано с ростом благосостояния в РГ, в которых платежеспособный спрос населения всё больше концентрируется на услугах. А в сфере услуг РГ учтенная статистическими службами ПТ растет (в 2000–2022 гг. в 2–2,5 раза) медленнее, чем в обрабатывающей промышленности¹⁰, значительные сегменты которой вынесены в страны с более дешевыми трудовыми, экологическими и социальными издержками. Сами же РС (прежде всего КНР), наращивая экспорт не только дешевых, но уже всё более технологически сложных товаров в РГ, во многом подрывают промышленное производство последних.

Сильно постаревшие общества развитых государств, в которых *средний возраст населения* достиг примерно 45 лет, уже менее склонны к прорывным технологическим и институциональным изменениям. Так называемая модель «созидательного разрушения» (известная как «шумпетерианская»), основанная на жесткой конкуренции, дает сбой. В РГ усиливается монополизм, тормозящий инновации, сохраняется много неэффективных бизнесов. Среднегодовой темп прироста числа реформ в РГ, способствующих развитию конкуренции, сократился в 2000–2010-е гг. более чем в 2,5 раза по сравнению с 1980–2000 гг. (см.: [11]).

¹⁰ Рассчитано по источникам к *граф. 1*. См. также: [10, р. 377].

Возросшие геополитическая напряженность и экономическая неопределенность, связанная с увеличившейся финансовой задолженностью, возникшей после мирового финансового кризиса конца 2000-х гг. и во время преодоления пандемии *COVID-19*, а также с частичной фрагментацией глобальной экономики, вызвали в РГ торможение инвестиционного процесса. В результате доля чистых капиталовложений в ВВП РГ сократилась с 12–13% ВВП в 2001 г. до 6–7% в 2021 г. (см.: [7, р. 71]). При этом вырос средний возраст физического капитала, в т.ч. в США в 1980–2021 гг. почти на 3/5 – с 17 до 27 лет (см.: [11]).

В модели-2 – роста производительности труда в РГ и РС в 2000–2022 гг. – учтены не только такие факторы, как доля вложений в физический капитал в ВВП и СГТП уровня технологического развития, но и прирост качества институтов:

$$GR_Y/E_i = -1,4 + 0,085 * mGFCF_i + 0,194 * GR_TECH_i + 0,044 * \Delta INST_i$$

($p=0,05$) ($p<0,02$) ($p<0,01$) ($p<0,01$)

$$N = 68 \text{ (крупных и средних стран мира); } R^2_{adj.} = 0,53; F << 0,01$$

Примечания. 1. См. примечания к модели-1.

2. $\Delta INST_i$ – прирост за период в стране i среднего невзвешенного показателя, построенного по 2 индексам – эффективности государства и верховенства закона в проц. пунктах. 3. Все основные параметры модели статистически значимы.

Рассчитано по РГ и РС с численностью населения свыше 10 млн человек по источникам к *граф.* 1.

Существенное опережение крупными РС крупных РГ по СГТП ПТ в 2000–2022 гг. объясняется соответственно на 1/10; на 1/5 и 1/2 превосходством первых над вторыми в изменении качества институтов (соответственно в среднем на (+) 5 и (-) 3 проц. пункта), в более высокой доле вложений в физический капитал в ВВП и почти 5-кратным превосходством в темпах наращивания технологического уровня развития.

Преимущество модели-2 в том, что нам удалось выявить определенную роль в обеспечении ускоренного роста производительности в РС фактора улучшения качества институтов (что в целом характерно для лидирующей пятерки КРС и его снижения (!) в КРГ¹¹) и намного более важную роль совершенствования уровня технологий по сравнению даже с таким немаловажным детерминантом роста ПТ, как доля вложений в физический капитал в ВВП.

При этом последний фактор не стоит недооценивать, особенно при сопоставлении факторов роста производительности труда между группами РС. Дело в том, что существенное опережение по СГТП ПТ в 2000–2022 гг. пятеркой крупных азиатских РС (КНР, Индия, Индонезия, Таиланд, Вьетнам; среднее невзвешенное 4,5%) пятерки крупных Субсахарских стран (Нигерия, Южная Африка, Эфиопия, Кения, ДРК; 2,5%) определялось¹² на ~ 2/5; 1/4; 1/10 опережением первыми вторых соответственно по доле вложений в физический капитал в ВВП (31% vs 22%), темпу прироста технологического уровня экономики (13% vs 10%), повышению качества институтов (9 vs 6 проц. пунктов).

ПРОБЛЕМЫ

Хотя начиная с 2000-х гг. развивающиеся страны в целом стали заметно обгонять РГ по динамике производительности труда и совокупной факторной производительности, последние еще весьма существенно опережают РС по *уровню производительности*. Не исключено при этом, что учтенный разрыв между РГ и РС по её уровню из-за несовершенства используемых индикаторов и метрик, не способных адекватно измерить качество товаров, услуг и технологий, занижен (см.: [12, р. 93–94; 13, р. 321]).

О масштабах отмеченного разрыва в целом между РГ и РС говорят, в частности, следующие показатели, характеризующие технологические аспекты развития.

Несмотря на то, что по *индексу сложности экономики*¹³ сильно продвинулся вперед ряд РС, в т.ч. КНР (с 39-го места в 2000 г. на 18-е – в 2021 г.), Таиланд (соответственно – с 37-го на 23-е), Филиппины

¹¹ Хотя по уровню качества институтов, что будет продемонстрировано ниже, развитые государства в целом еще значительно превосходят развивающиеся страны.

¹² Рассчитано по коэффициентам модели-2 по источникам к *граф.* 1.

¹³ Рассчитывается по 133 странам.

(с 65-го на 33-е), Саудовская Аравия (с 63-го на 38-е), Турция (с 56-го на 40-е), Тунис (с 67-го на 45-е), Вьетнам (с 93-го на 61-е), доля РГ в высшем квартиле рейтинга в течение рассматриваемого нами периода оставалась на уровне 4/5¹⁴.

В 2022 г. доля населения, охваченного широкополосным Интернетом, в РГ (40%) была примерно такой же, как в Китае, но в 5 раз больше, чем в среднем по РС без него (8%).

В том же году по числу заявок на патенты, приходящихся на 1 млн жителей, пятерка КРГ превосходила пятерку КРС в среднем примерно втрое (1440 vs 490), но при этом Китай (1120) – лишь немногим больше чем на четверть, а 4 другие страны из пятерки КРС (Индия, РФ, Бразилия, Индонезия, в среднем 61 заявка на 1 млн человек) – в 24 раза¹⁵.

В 2022 г. по показателю *роботовооруженности труда* в обрабатывающей промышленности РГ примерно в 5 раз превосходили в целом РС (50 vs 250 работников на одного робота), правда, КНР – примерно только втрое, а другие РС без КНР – в среднем в 9 раз (соответственно 50 vs 140 и 460 работников) (рассчитано по: [14, pp. 12–13]).

По состоянию на ноябрь 2023 г., из первой сотни *самых мощных компьютеров мира* 87 приходились на РГ (4 – в РФ, 3 – в Саудовской Аравии, по 2 – в КНР и Бразилии, по одному – в Индии и Таиланде)¹⁶.

Используя коэффициенты рассчитанной нами модели-3, удалось установить, что 3-кратное превосходство КРГ над КРС по уровню ПТ в 2022 г. (на \$70 тыс. по ППС 2017 г.; \$104 тыс. vs \$34 тыс.) определялось на 1/6; более чем на 1/4 и на 1/3 соответственно превосходством первых над вторыми по уровню *технологического развития* (в среднем¹⁷ 68% vs 20%), по числу лет обучения взрослого населения (13 vs 9 лет), качеству институтов (89 vs 46 проц. пунктов).

$$Y/E_{it} = -28,0 + 0,24*TECH_{it} + 4,82*ED_{it} + 0,53*INST_{it}$$

$$(p<0,01) (p<0,06) (p<0,01) (p<0,01)$$

$$N = 68 \text{ (крупных и средних стран мира); } R^2_{adj.} = 0,75; F < 0,01$$

Примечания. 1. Все показатели – за 2022 г.

2. Y/E_{it} – уровень производительности труда в расчете на 1 занятого в стране i в \$тыс. по ППС 2017 г.; $TECH_{it}$ – уровень технологического развития в стране i , в % от США (см. выше); ED_{it} – число лет обучения взрослого населения в стране i ; $INST_{it}$ – качество институтов (среднее невзвешенное по индикаторам эффективности государства и верховенства закона), проц. пункты.

3. Все основные параметры модели статистически значимы.

Рассчитано по РГ и РС с численностью населения свыше 10 млн человек по источникам к *граф.* 1 и 4.

Важно подчеркнуть, что, вопреки ряду бытующих представлений, превосходство РГ над РС по уровню производительности оказалось связано не только и не столько с уровнем технологий, что, возможно, было бы решающим фактором для индустриальной системы производительных сил, сколько с уровнем образования населения и особенно с качеством институтов.

Нарастание диспропорций в мировой экономике после мирового финансового кризиса конца 2000-х гг., её частичная фрагментация в результате усиления геополитического противостояния коллективного Запада и Глобального Юга, применение развитыми государствами политики санкций против ряда РС вызвали в последних, как, впрочем, и в РГ, торможение роста ВВП, ПТ и СФП (см. *диагр.* 2).

Расчеты, произведенные нами по формуле Энгаса Мэддисона (британского экономиста, 1926–2010)¹⁸, показывают, что в целом по РС снижение СГТП ВВП более чем на четверть – с 5,5% в 2000–2010 гг. до 4,2% в 2010–2023 гг., было на 3/4 обусловлено почти двукратным сокращением СГТП физического объема их экспорта товаров и услуг – с 7% в 2000–2010 гг. до 3,9% в 2010–2023 гг.¹⁹

Ряд источников роста ВВП и производительности в РС, связанных с т.н. преимуществами отсталости, в т.ч. изначально низким уровнем трудовых и иных издержек производства, возможностью относи-

¹⁴ The Atlas of Economic Complexity. Country Complexity Ranking. <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (accessed 18.04.2024)

¹⁵ Рассчитано по источникам к *граф.* 1.

¹⁶ Рассчитано по: Top 500. <https://www.top500.org/lists/top500/list/2023/11> (accessed 23.02.2024)

¹⁷ Это среднее невзвешенное.

¹⁸ $V = [a * 0,5(b_1 + b_2)/c] * 100$, %, где V – вклад экспорта товаров и услуг в прирост ВВП, a и c – среднегодовые темпы прироста экспорта и ВВП, b_1 и b_2 – доля экспорта товаров и услуг в ВВП соответственно в начале и конце периода.

¹⁹ Рассчитано по источникам к *граф.* 1.

тельно легко поднять долю капиталовложений в ВВП с невысоких стартовых значений и передислоцировать огромные массы трудовых ресурсов из низкопродуктивного аграрного сектора в более производительные отрасли (индустрию и сферу услуг), стал, как представляется, постепенно исчерпываться.

В последние десятилетия в ряде быстрорастущих РС многократно выросли реальные зарплаты работников, что в результате сделало их менее привлекательными для транснациональных корпораций. Доля валовых вложений в физический капитал в ВВП в азиатских развивающихся странах в 1980–2010 гг. увеличилась в 1,5 раза, в т.ч. в Индии и Индонезии – до 31–33%, а в КНР – до 44%, что ограничивало возможности её дальнейшего существенного повышения. А вклад фактора перемещения рабочей силы из отраслей с низкой в отрасли с более высокой производительностью труда в её общий прирост²⁰, превышавший в целом по РС в 2000–2010 гг. 1/4, сократился в 2010–2022 гг. до 1/6.

Несмотря на то, что во многих РС в последние десятилетия достигнут немалый прогресс в сфере образования и подготовки кадров, в улучшении систем управления, он явно недостаточен для поддержания сравнительно высоких темпов роста производительности труда даже в наиболее успешных РС (см.: [16]).

Хотя *средняя капиталоемкость роста ПТ*²¹, по нашим расчетам, в развивающихся странах в 2000–2022 гг. была примерно вчетверо ниже, чем в РГ (11% vs 46%), этот показатель (или «цена» роста ПТ), увеличившийся в целом по РГ менее чем на 1/3 – с 40% в 2000–2010 гг. до 52% в 2011–2022 гг., в среднем по РС вырос существенно больше – на 3/5 (соотв. с 8,7% до 14%).

Возможно, в немалой мере по этой причине индикатор *совокупной (государственной и частной) задолженности* в целом по развивающимся странам увеличился больше (почти вдвое – с 102% их ВВП в среднем за 2000-е гг. до 196% в среднем за 2021–2023 гг.), чем по РГ (соответственно с 230 до 290% ВВП) (см.: [17]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя, подчеркнем, что если в 1950–2000 гг. экономически продвинутые государства в среднем в 2–3 раза превосходили периферийные и полупериферийные страны по средним темпам прироста производительности, то с начала нынешнего века картина резко изменилась.

Вследствие утраты странами Запада и Японией ряда своих сравнительных преимуществ, прежде всего во многих сегментах обрабатывающей промышленности, и усиления в них позиций быстро модернизирующихся азиатских стран, таких как КНР, Индия, Индонезия²², в целом развивающиеся страны вдвое перегнали развитые государства по среднегодовым темпам прироста СФП.

При этом в РГ *вклад эффективности* (СФП) в прирост ВВП сократился на 2/5 – с немногим более 1/2 в 1950–2000 гг. до 1/3 в 2000–2023 гг., а в среднем по развивающимся странам он, наоборот, вырос почти на 3/5 – соответственно с 1/6 до 1/4. *Уровень совокупной эффективности труда и капитала* в КНР и Индии относительно РГ в 1980–2023 гг. повысился примерно на 3/5 – соответственно с 1/5 до 1/3 и с менее чем 1/6 до более чем 1/4²³.

По нашим подсчетам, значительное увеличение доли РС в глобальном ВВП в 2000–2023 гг. на 2/5 – с 43 до 60% (расчет по ППС 2017 г.) связано не только с экстенсивным наращиванием ими затрат труда и капитала, но и в определенной мере на ~ 1/4 с их опережением экономически продвинутых государств по темпам прироста производительности.

Однако вследствие ряда причин, в т.ч. обострения геополитического противостояния в мире между т.н. коллективным Западом и поднимающимся Югом, растущей фрагментации глобальной экономики, достижения НТП последних десятилетий далеко не в полной мере конвертируются в здоровый экономический рост. Снижение средних темпов СФП произошло не только в развитых государствах (до 0,8% в 2000–2010 гг. и 0,4% в 2010–2023 гг.), но и в целом по развивающимся странам: показатель по РС по-

²⁰ См. формулу расчета: [15, с. 12].

²¹ Рассчитано по источникам к *граф.* 1, а также по данным *диагр.* 1. Параметр получен делением доли совокупных вложений в физический и человеческий капитал в ВВП (в %) в среднем за рассматриваемый период на СГТП ПТ (в %). Показывает, сколько процентов ВВП надо потратить на совокупные капиталовложения, чтобы обеспечить 1%-й прирост ПТ.

²² Ряд азиатских новоиндустриальных экономик, таких, как, например, Республика Корея и Сингапур, ставших «чудом» экономического роста последней трети XX в., ныне занимают видное место среди экономически продвинутых государств.

²³ Рассчитано по источникам к *граф.* 1 и данным *диагр.* 2.

низился вдвое – соответственно с 1,8 до 0,9%, в т.ч. в азиатских РС на треть – с 2,1 до 1,4%, а в других развивающихся странах в 5 раз – с 1,5 до 0,3% (см. *диагр. 2*).

При всех отмеченных достижениях в РС, примерно половина их населения живет в странах, в которых вклад эффективности в рост ВВП не превышает 1/10. А её уровень относительно РГ в 1980–2023 гг. в среднем по другим РС сократился (!) на 1/4.

Хотя развивающиеся страны в целом подтягиваются к РГ по показателям подушевого ВВП, ПТ и ИЧР, а развитые государства в ряде сегментов мировой экономики заметно сдают позиции странам развивающимся, списывать со счетов РГ рано.

По нашим расчетам, в 1980–2022 гг. и в РС, и в РГ *доля физического капитала (ФК) в структуре национального богатства (НБ)* выросла на 9 проц. пунктов (соответственно с 18 до 27% и с 26 до 35%). При этом развитые государства существенно опережают по этому параметру развивающиеся страны, которые по доле ФК в НБ отстают от РГ в целом не менее чем на 4 десятилетия.

В рассматриваемый период доля человеческого капитала (ЧЛК) в НБ в развивающихся странах увеличилась всего на 6 пунктов (с 7 до 13%), в то время как в РГ – на 13 (с 15 до 28%), или вдвое больше (см.: [18, с. 39–40]). Получается, что по доле ЧЛК в *национальном богатстве* развивающиеся страны в целом отстают от РГ еще значительно – на 50–60 лет, чем по доле в нем *физического капитала*. А это критично, т.к. в XXI веке у нас на глазах происходит формирование инновационно-ориентированной экономики с высоким качеством управления и институтов, в чём, как показали наши расчеты по *модели-3*, развитые государства заметно опережают РС.

Экономический и социальный прогресс развивающихся стран зависит от успехов в создании на планете более справедливого многополярного мира, позволяющего им, в частности, уменьшить потери во внешнеэкономических обменах с РГ, но также и от того, насколько они смогут претворять в жизнь инклюзивные²⁴ прагматичные реформы, направленные на опережающий рост человеческого капитала, формирование эффективной, технологически более сложной и организационно более продвинутой экономики, опирающейся и на внутренний рынок, и на активное включение в мирохозяйственные связи.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. The World Bank. World Governance Indicators. <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/interactive-data-access> (accessed 05.03.2024)
2. The UNDP. Human Development Report, 2023/2024. New York, 2024. 324 p.
3. The WIPO. Global Innovation Index 2023. Geneva, 2023. 250 p.
4. The World Bank. Global Productivity. Trends, Drivers, and Policies. Washington, D.C., 2021. 463 p.
5. Мельянцев В.А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 203–215. DOI: 10.31857/S086919080016660-3
Meliantsev V.A. 2021. Main Trends, Determinants and Problems-contradictions of Modern Economic Growth in Developed and Developing Countries. *Vostok (Oriens)*. № 3. Pp. 203–215. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086919080016660-3
6. The Conference Board. Total Economy Database. Summary Tables & Charts. Groningen, 2023. Tables 12, 13. https://conference-board.org/retrievefile.cfm?filename=TED_SummaryTables_Charts_april20231.pdf&type=subsite (accessed 15.04.2024)
7. The IMF. World Economic Outlook, April 2024. Washington, D.C., 2024. 202 p.
8. McKinsey Global Institute. Investing in Productivity Growth. New York, 2024. 58 p.
9. Мельянцев В.А. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально-экономического развития в странах Запада и Востока в начале XXI века. *Восток (Oriens)*. 2017. № 3. С. 162–180.
Meliantsev V.A. 2017. Smart Technologies, the Solow Paradox and the Contradictions of Socio-economic Development in Western and Eastern Countries at the Beginning of the 21st Century. *Vostok (Oriens)*. № 3. Pp. 162–180. (In Russ.)
10. The World Bank. Falling Long-Term Growth Prospects. Trends, Expectations, and Policies. Washington, D.C., 2023. 564 p.

²⁴ Более высокие темпы прироста производительности наблюдались в тех макрорегионах РС, где был ниже уровень неравенства в распределении доходов (т.е. в развивающихся странах Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, а не в Латинской Америке и АЮС).

11. Parikh T. 2024. Is the Rich World Stuck in an ‘Upper-income Trap’? *The Financial Times*. 16.03.2024. <https://ft.com/content/bc830276-c8d0-465a-88fc-e06eb83be90b> (accessed 16.03.2024)
12. Vollrath D. 2020. Fully Grown: Why a Stagnant Economy Is a Sign of Success. Chicago: The University of Chicago Press. 296 p.
13. Acemoglu D., Johnson S. 2023. Power and Progress. Our Thousand-Year Struggle over Technology and Prosperity. New York: Public Affairs. 634 p.
14. IFR. World Robotics, 2023 – Industrial Robots. Frankfurt am Main, 2023. 49 p.
15. Мельянцев В.А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 7. С. 5–13. DOI: 10.31857/S032150750026562-0
16. Meliantsev V.A. 2023. Catching Up and Overtaking Growth of Developing Countries: Dimensions, Factors, Problems and Prospects. *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 5–13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026562-0
17. India Must Make Much Deeper Changes If It Is to Sustain Its Growth. *The Economist*. 22.04.2024. <https://www.economist.com/special-report/2024/04/22/india-must-make-much-deeper-changes-if-it-is-to-sustain-its-growth> (accessed 22.04.2024)
18. Plender J. 2024. The Overlooked Threats to the Global Financial System. *The Financial Times*. 16.04.2024. <https://www.ft.com/content/0b78c68b-c65c-4080-b779-17041c290eaa> (accessed 16.04.2024)
19. Мельянцев В.А. Ресурсоемкий / сберегающий экономический рост и развивающиеся страны. И.В.Дерюгина, отв. ред. *Продовольственная и ресурсная безопасность в странах Азии и Африки*. М., ИВ РАН. 2023. С. 31–47.
20. Meliantsev V.A. 2023. Resource-intensive / efficient Economic Growth and Developing Countries. I.V.Deryugina, ed. *Food and Resource Security in Asia and Africa*. Moscow. Pp. 31–47. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мельянцев Виталий Альбертович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В.Ломоносова, заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки, ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Vitalii A. Meliantsev, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (Economics), Professor, Head, Department of International Economic Relations of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; member, Editorial Board, “Asia and Africa today” journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.03.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 08.04.2024

Принята к публикации
(Accepted) 12.06.2024

DOI: 10.31857/S032150750031388-8

Региональные диспропорции российского экспорта сельскохозяйственной продукции в страны Африки

© Нуждин И.И.^{a,b}, Дмитриев Р.В.^{a,c}, 2024

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0009-0000-8487-9451; ivan357918@mail.ru

^c ORCID: 0000-0003-4018-9832; dmitrievrv@yandex.ru

Резюме. В статье анализируются текущие проблемы, связанные с несоразмерностью экспорта сельскохозяйственной продукции в страны Африки из различных регионов России. Подчеркивается необходимость разработки новых методов и маршрутов её транспортировки и наращивания производства продукции агропромышленного комплекса в регионах России. Раскрываются возможности пространственного развития агропромышленного производства страны.

Установлено, что на фоне малой доли (около 3%) африканских стран в российском экспорте (эффект низкой базы) и текущей геополитической ситуации можно ожидать более полной реализации экспортно-импортного потенциала отношений между Россией и странами Африки. Это подтверждается более чем двукратным ростом объема экспорта российской сельскохозяйственной продукции в страны Африки за последнее десятилетие.

Определено, что указанный рост происходит на фоне снижения уровня пространственной диверсификации: во-первых, основная (99%) часть продукции экспортируется в Африку из Южного, Центрального и Северо-Западного федеральных округов России; во-вторых, если в 2021 г. доля 4 африканских стран-лидеров в структуре адресатов российской сельскохозяйственной продукции составляла 63,8%, то годом позже – уже 81,8%. Каждая из них увеличила свою долю за счет других африканских стран: таким образом, усилилась направленность российского экспорта сельскохозяйственной продукции, прежде всего, на страны Северной Африки.

Предполагается, что одним из возможных пространственных решений для наращивания экспорта в африканские страны может стать дальнейшее развитие транспортного коридора «Север – Юг», а также железнодорожных маршрутов из Сибири с ориентацией на порты Тихого и Индийского океанов.

Ключевые слова: Россия, Африка, экспорт, товары сельскохозяйственного назначения, региональные диспропорции, транспортный коридор «Север – Юг», пространственное развитие

Для цитирования: Нуждин И.И., Дмитриев Р.В. Региональные диспропорции российского экспорта сельскохозяйственной продукции в страны Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 7. С. 17–23. DOI: 10.31857/S032150750031388-8

Regional Disproportions in Russian Exports of Agricultural Products to African Countries

© Ivan I. Nuzhdin^{a,b}, Ruslan V. Dmitriev^{a,c}, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID: 0009-0000-8487-9451; ivan357918@mail.ru

^c ORCID: 0000-0003-4018-9832; dmitrievrv@yandex.ru

Abstract. The article attempts to analyze current problems associated with the disproportion of agricultural exports to African countries from various regions of Russia. The need to develop new methods and routes for transporting agricultural products and increasing the production of agricultural products in the regions of Russia is emphasized.

The possibilities of spatial development of the country's agro-industrial production are identified. It has been established that against the backdrop of a small share (about 3%) of African countries in Russian exports (low base effect) and the current geopolitical situation, we can expect a greater extent of the realization of the export-import potential of relations between Russia and African countries. This is confirmed by a more than double increase in the volume of exports of Russian agricultural products to African countries over the past decade.

It was determined that this growth has occurred against the background of a decrease in the level of spatial diversification: firstly, the main (99%) part of the products is exported to Africa from the Southern, Central and Northwestern Federal Districts of Russia; secondly, while in 2021 the share of the four leading African countries in the structure of “recipients” of Russian agricultural products was 63.8%, a year later it was already 81.8%. Each of them increased its share at the expense of other African countries: thus, there was an increase in the targeting of Russian agricultural exports primarily to the countries of North Africa.

It is assumed that one of the possible spatial solutions for increasing exports to African countries could be the further development of the North – South transport corridor, as well as railway routes from Siberia with a focus on ports of the Pacific and Indian Oceans.

Keywords: Russia, Africa, exports, agricultural products, regional disproportions, “North – South” transport corridor, spatial development

For citation: Nuzhdin I.I., Dmitriev R.V. Regional Disproportions in Russian Exports of Agricultural Products to African Countries. *Asia and Africa today*. 2024. № 7. Pp. 17–23. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031388-8

ВВЕДЕНИЕ

Поддержка товаропроизводителей аграрной сферы, в т.ч. в рамках экспорта продукции агропромышленного комплекса (АПК), осуществляется в Российской Федерации в рамках Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (далее – Программа)¹, а также проектов – приоритетного «Экспорт продукции АПК»² и национального «Международная кооперация и экспорт»³.

Одна из основных целей Программы – достижение объема экспорта продукции АПК (в сопоставимых ценах) в размере \$47,1 млрд к концу 2030 г. По данным Федеральной таможенной службы России и Росстата, экспорт продукции АПК в 2022 г. составил \$28,9 млрд, что на 0,6% ниже, чем за аналогичный период 2021 г. По информации из Национального доклада (далее – Национальный доклад) о ходе и результатах реализации Программы в 2022 г., объем экспорта в текущих ценах составил \$41,6 млрд – на 12,2% выше, чем за аналогичный период 2021 г.⁴

Национальный доклад характеризует ход и результаты реализации Программы в 2022 г. следующим образом (см. табл. 1). По итогам 2023 г. объем экспорта продукции АПК (в сопоставимых ценах) должен составить \$28 млрд, в 2024 г. – \$29 млрд.

Таблица 1. Основные показатели российского экспорта продукции АПК в 2022 г.
Table 1. Main indicators of the Russian agricultural exports in 2022

Продукция	Объем экспорта, \$ млрд	Изменение к 2021 г., %	Значение относительно планового показателя, %
Зерновые	8,8	–1,4	100,9
Рыба и морепродукты	5,0	–5,5	99,8
Продукция масложировой отрасли	5,0	+8,3	94,0
Продукция пищевой и перерабатывающей промышленности	4,2	–11,5	111,1
Мясная и молочная продукция	1,3	–2,1	94,0
Прочая продукция АПК	4,5	+11,1	122,2

Источник: Итоги агропромышленного комплекса 2022 года в цифрах⁵.

В рамках Концепции внешней политики России, утвержденной указом президента России 31 марта 2023 г. № 229, приоритетное внимание уделено «поддержке в обеспечении суверенитета и независимо-

¹ См.: <https://base.garant.ru/70210644/> (accessed 12.02.2024)

² См.: <https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2019/12/passport.pdf> (accessed 14.02.2024)

³ См.: <http://government.ru/info/35564/> (accessed 15.02.2024)

⁴ См.: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407251322/> (accessed 18.03.2024)

⁵ См.: https://id-marketing.ru/catalog/pischevaja_promyshlennost/obschaja_harakteristika_pischevoj_promyshlennosti/itogi-agropro-myishlennogo-kompleksa-2022-goda-v-tsifrah-1173/#tab-description (accessed 14.03.2024)

сти заинтересованных государств Африки, в том числе посредством оказания содействия в сферах безопасности, включая продовольственную и энергетическую безопасность, военного и военно-технического сотрудничества; ...увеличению объемов торговли и инвестиций с африканскими государствами и интеграционными структурами Африки (прежде всего Африканской континентальной зоной свободной торговли, Африканским экспортно-импортным банком и другими ведущими субрегиональными организациями), в том числе по линии ЕАЭС...»⁶.

На сегодняшний день важное место в российском экспорте зерновых, растительных масел, рыбы и морепродуктов, мясной и молочной продукции занимают страны Африки [5]. В свою очередь, Африканский континент важен для российского импорта фруктов, овощей, какао, табака. Африка является одним из наиболее быстроразвивающихся регионов мира с огромным потенциалом для развития сельского хозяйства. Растущее население и увеличивающийся уровень доходов в ряде африканских стран порождают спрос на качественные продукты питания, что создает благоприятные условия для развития экспорта из России. Экспорт продукции АПК России в страны Африки имеет значительный потенциал для развития и расширения бизнес-связей между Россией и африканскими странами [6].

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье использованы материалы Федеральной таможенной службы (ФТС) России⁷, Федеральной службы государственной статистики (Росстат)⁸, электронные ресурсы, содержащие статистические данные по экспорту сельскохозяйственной продукции, основанные на данных ФТС России⁹.

При анализе экспортных данных принимались во внимание следующие особенности статистического учета внешнеторговой деятельности:

- 1) экспорт сельскохозяйственной продукции осуществляется из организаций РФ по месту их налоговой регистрации, а не по месту производства продукции;
- 2) многие крупные федеральные компании, которые имеют подразделения в субъектах Российской Федерации, оформляют вывозимые грузы не в местах производства или потребления последних, а по месту регистрации головных подразделений, чаще всего находящихся в Москве. В этой связи возникают сложности при определении конечного производителя и субъекта РФ, откуда поступил товар;
- 3) экспорт происходит из определенного субъекта РФ – компания подает таможенную декларацию на экспорт товара именно по месту своей регистрации;
- 4) торговля ведется с учетом перевода стоимостных показателей по текущему курсу доллара США.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На сегодняшний день экспорт продукции из России в африканские страны как никогда востребован. Даже ряд трудностей, таких как уход некоторых крупных транспортных компаний с российского рынка, санкции со стороны недружественных стран, проблемы с маршрутами поставок, не привели к сокращению импорта сельскохозяйственной продукции в африканские страны.

На *графике* представлен объем экспорта сельскохозяйственных товаров из России в африканские страны за период 2013–2022 гг. Обращает на себя внимание тот факт, что этот показатель в целом имеет тенденцию к росту, увеличившись в 2022 г. на 9,3% по сравнению с 2021 г. и на 17,5% – с 2020 г. Самыми успешными по объему экспорта за рассматриваемый период оказались 2018 и 2022 гг. В эти годы было экспортировано сельскохозяйственных товаров на общую сумму \$4,6 млрд и \$4,7 млрд соответственно. Минимальные объемы были зафиксированы в 2013 г. – \$1,8 млрд. По каждой таможенной декларации продажа происходит с учетом конвертации по текущему курсу доллара США.

Основная группа экспортируемых сельскохозяйственных товаров – это продукты растительного происхождения, а именно злаки. Доля последних в суммарном объеме экспорта изменялась за последнее десятилетие с 75,7% в 2013 г. до 88,3% в 2018 г. Главные страны – потребители российской сельскохозяйственной продукции представлены в *табл. 2*.

⁶ См.: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/> (accessed 15.02.2024)

⁷ См.: <https://customs.gov.ru/folder/513> (accessed 29.11.2023)

⁸ См.: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed 27.11.2023)

⁹ Экспорт и импорт России по товарам и странам. <https://ru-stat.com/> (accessed 28.11.2023)

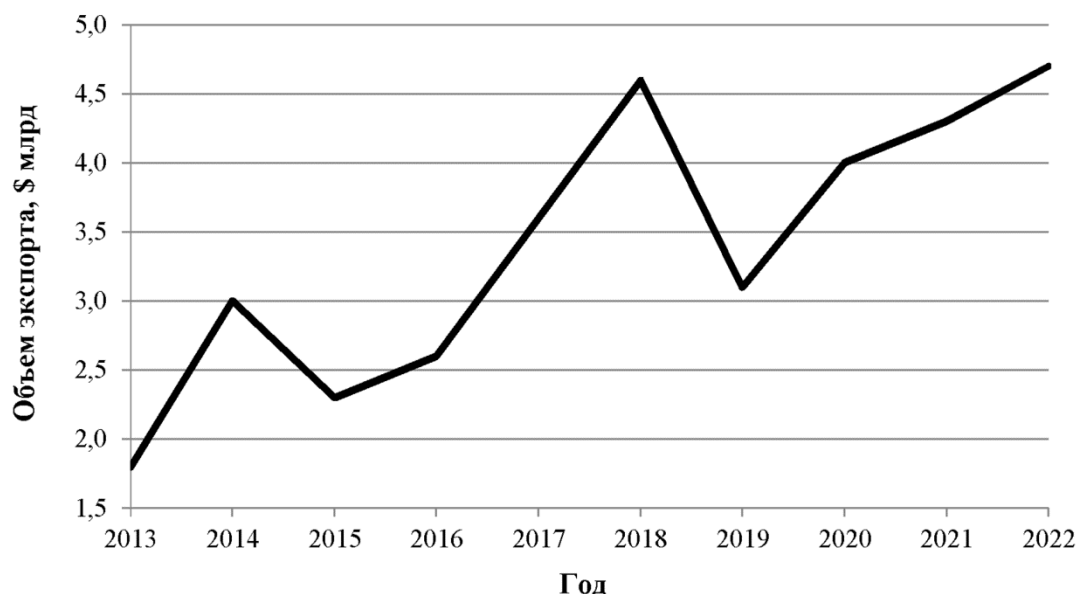

График. Объем экспорта российской сельскохозяйственной продукции в страны Африки в 2013–2022 г., \$ млрд.

Chart. Russian agricultural exports to African countries in 2013–2022, \$ bln.

Источник: рассчитано и составлено авторами по: Экспорт и импорт России по товарам и странам. <https://ru-stat.com/> (accessed 04.09.2023).

Таблица 2. Объем российского экспорта сельскохозяйственной продукции в страны Африки в 2021–2022 гг.
Table 2. Russian agricultural exports to African countries in 2021–2022

Страна	2021 г.		2022 г.	
	\$ млн	Доля в с/х экспорте в Африку, %	\$ млн	Доля в с/х экспорте в Африку, %
Египет	1839,2	42,9	2221,4	47,4
Алжир	336,8	7,9	698,6	14,9
Судан	287,6	6,7	419,4	9,0
Ливия	271,1	6,3	493,8	10,5

Источник: рассчитано и составлено авторами по: Экспорт и импорт России по товарам и странам. <https://ru-stat.com/> (accessed 02.08.2023).

Обращает на себя внимание тот факт, что на 4 страны–лидера в 2021 г. приходилось 63,8% объема принимаемого российского сельскохозяйственного экспорта в Африку, в то время как годом позже, уже после начала Специальной военной операции – 81,8%. Таким образом, российский экспорт стал менее диверсифицированным и теперь направлен на конкретных партнеров – прежде всего страны Северной Африки (несмотря на имевшие место в прошлом аграрные «войны», например между Россией и Египтом, которые выливались в периодические запреты на поставки пшеницы из России в Египет или апельсинов из Египта в Россию) [4].

В 2021 г. основной объем экспорта российской сельскохозяйственной продукции (99%) осуществлялся из трех федеральных округов – Южного, Центрального и Северо-Западного (см. *диагр.*).

Указанные региональные диспропорции обусловлены не только введенными против нашей страны санкциями [3], но также различиями российских регионов по природно-географическим, социально-демографическим, экономическим и другим условиям. Гораздо более сильное унаследованное влияние оказали отсутствие эффективной федеральной и региональной аграрной политики в 1990-х – начале 2000-х гг. и последовавшие за этим резкий спад агропромышленного производства, ослабление межрегионального обмена, рост импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья [2].

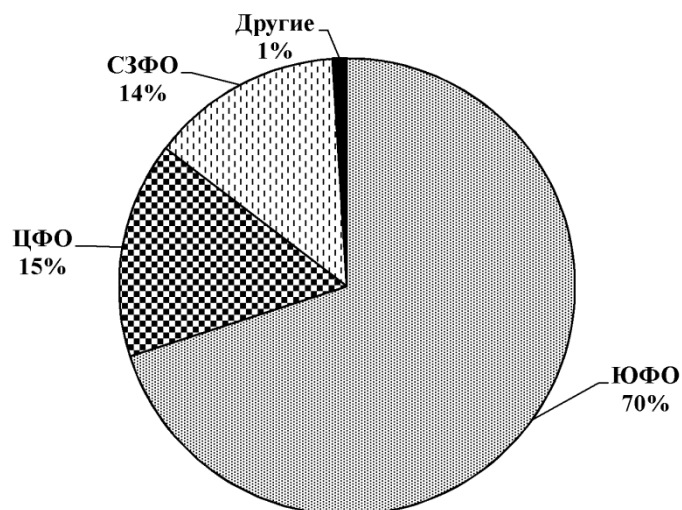

Диаграмма. Структура экспорта российской сельскохозяйственной продукции в страны Африки по федеральным округам в 2021 г., %

Graph. Russian agricultural exports to African countries by federal districts in 2021, %.

Источник: рассчитано и составлено авторами по: Экспорт и импорт России по товарам и странам. <https://ru-stat.com/> (accessed 02.08.2023)

В 2010-х гг. с целью повышения эффективности функционирования экономики был принят ряд законодательных актов, регулирующих пространственное развитие страны:

- 1) Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ¹⁰;
- 2) Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением правительства Российской Федерации, № 207-р¹¹ (далее – Стратегия).

Согласно ст. 20 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», стратегия пространственного развития определяет приоритеты, цели и задачи регионального развития РФ и меры по их достижению и решению. Так, в соответствии со Стратегией, на территории страны кроме 12 макрорегионов предусмотрено образовать еще 4 группы приоритетных геостратегических территорий и 4 группы приграничных геостратегических территорий, включающих 22 региона, а также 15 агропромышленных центров в муниципальных образованиях, специализирующихся на развитии сельского хозяйства.

В Программе фактически не содержится специального раздела, связанного с территориальной организацией; кроме того, не отражены мероприятия, касающиеся определения и реализации стратегических направлений развития и размещения агропромышленного производства в регионах России. Тем не менее улучшение текущей ситуации и рост показателей экспорта возможны не только политическими и экономическими, но и пространственными методами.

Одним из возможных пространственных решений для наращивания экспорта в африканские страны может стать дальнейшее развитие транспортного коридора «Север – Юг». Этот коридор позволит транспортировать на Африканский континент российские товары более коротким маршрутом. «Международный транспортный коридор “Север-Юг”, который мы развиваем, имеет своей целью обеспечить российским товарам выход в Персидский залив и Индийский океан, откуда они смогут кратчайшим морским маршрутом поступать, в том числе, на африканский континент», – сказал В.В.Путин, выступая на пленарном заседании саммита «Россия – Африка»¹². Кроме того, необходимо оценить возможности для развития экспорта в каждой африканской стране. Для этого нужно учитывать логистические особенности, инфраструктуру, доступность рынка, особенности таможенных правил и т.д.

Учитывая малую долю Сибирского, Уральского, Дальневосточного федеральных округов России в экспорте товаров в Африку, высказанные президентом России в ходе проходившего в октябре 2023 г.

¹⁰ См.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (accessed 22.03.2024)

¹¹ См.: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/> (accessed 18.03.2024)

¹² См.: <https://ria.ru/20230727/koridor-1886603600.html> (accessed 15.03.2024)

международного форума «Пояс – путь» заявления направлены на стабилизацию и увеличение экспорта, в том числе в африканские страны: «Россия совместно с партнерами работает над железнодорожными маршрутами из Сибири в Монголию, Китай, а также в индо- и тихоокеанские порты. Работаем с зарубежными партнерами над прокладкой железнодорожных маршрутов из Центральной Сибири в южном направлении – в сторону Китая, Монголии, портов Индийского и Тихого океанов»¹³.

По словам эксперта «Канавара Групп» А.Серебрякова, для развития транспортных коридоров необходимо:

- 1) развивать портовую инфраструктуру в РФ, построить дополнительные корабли;
- 2) совершенствовать складскую инфраструктуру, «сухие порты», реконструировать приграничные ж/д участки РФ и Азербайджана;
- 3) использовать современную погрузо-разгрузочную технику;
- 4) внедрить электронный обмен данными при перевозках груза: на текущий момент информацию о статусе местонахождения груза очень сложно получить и из-за этого прогнозное время в пути неизвестно¹⁴.

Формирование трансграничных транспортных коридоров сдерживается недостаточным использованием портов Дальнего Востока, крупных транспортных узлов в Сибирском и Уральском федеральных округах России [10]. В основном это связано с тем, что большинство приграничных территорий находится на экономической периферии, на многих участках существуют физико-географические барьеры и освоенность приграничной территории невелика; в ряде случаев наращиванию объемов торговли препятствует низкий экономический потенциал сопредельной страны или существующие геополитические ограничения [8].

Тем не менее, учитывая малую долю (около 3%) африканских стран в российском экспорте (эффект низкой базы) и текущую геополитическую ситуацию, можно ожидать более полной реализации экспортно-импортного потенциала отношений между Россией и странами Африки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, с учетом двукратного роста объема экспорта сельскохозяйственной продукции из России в страны Африки за последнее десятилетие, в статье сделан вывод, что указанный рост происходит на фоне снижения уровня пространственной диверсификации, так как 99% продукции экспортируется в Африку из Южного, Центрального и Северо-Западного федеральных округов России. Кроме того, если доля 4 африканских стран – лидеров в структуре адресатов российской сельскохозяйственной продукции составляла в 2021 г. 63,8%, то годом позже – уже 81,8%.

Каждая из этих стран увеличила свою долю за счет других африканских стран: таким образом, усилилась направленность российского экспорта сельскохозяйственной продукции, прежде всего, на страны Северной Африки.

Предполагается, что одним из возможных пространственных решений для наращивания экспорта в африканские страны может стать дальнейшее развитие транспортного коридора «Север – Юг», а также железнодорожных маршрутов из Сибири с ориентацией на порты Тихого и Индийского океанов.

Обращает на себя внимание, что существуют определенные ограничения, связанные с экспортом продукции агропромышленного комплекса в африканские страны, а именно: особые таможенные правила, логистические и валютные риски, расширение антироссийских санкций и др. [7]. Поэтому разработку стратегии экспорта продукции агропромышленного комплекса в африканские страны, национальной схемы пространственного развития сельского хозяйства и усовершенствование Стратегии пространственного развития страны [9] следует осуществлять с учетом этих факторов, что в итоге могло бы способствовать развитию и увеличению объемов экспорта и внутреннего производства и в конечном итоге сократить различия между регионами России в экспорте сельскохозяйственной продукции в африканские страны [1].

¹³ См.: <https://life.ru/p/1614946> (accessed 14.03.2024)

¹⁴ Глава государства требует привлекать для «стройки века» негосударственные инвестиции. <https://www.sezlotos.ru/press-sentr/smi-o-nas/ekonomika-9-maya-2023-0002-iz-varyag-v-indiyu-transportnyy-koridor-severyug-khotyat-dostroit-na-chas/> (accessed 10.03.2024)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Абрамова И.О. Россия – Африка: вызовы и возможности в новых глобальных реалиях. *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 12. С. 3–7.
Abramova I.O. 2017. Russia and Africa: Challenges and Opportunities in New Global Realities. *Asia and Africa today*. № 12. Pp. 3–7. (In Russ.)
2. Алтухов А.И. Парадигма продовольственной безопасности России. М.: Фонд развития и поддержки молодежи «Кадровый резерв», 2019. С. 685.
Altukhov A.I. Paradigm of Food Security of Russia. Moscow, 2019. 685 p. (In Russ.)
3. Африка: санкции, элиты и суверенное развитие. М.: Институт Африки РАН, 2021. 368 с.
Africa: Sanctions, Elites and Sovereign Development. Moscow, 2021. 368 p. (In Russ.)
4. Дерюгина И.В. Сельское хозяйство Египта в XXI веке. *Труды Института востоковедения РАН*. 2019. № 22. С. 129–142.
Deryugina I.V. 2019. Agriculture in Egypt in the 21st Century. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of RAS*. № 22. Pp. 129–142. (In Russ.)
5. Мухаметзянов Р.Р., Бесшапошный М.Н., Джанчарова Г.К., Платоновский Н.Г., Воронцова Н.В. Динамика производства и экспорта зерна в России и странах ближнего зарубежья. *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2021. № 5. С. 47–58. <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2021-0-5-47-58>
Mukhametzyanov R.R., Besshaposhniy M.N., Dzhancharova G.K., Platonovskiy N.G., Vorontsova N.V. 2021. Dynamics of Grain Production and Export in Russia and Neighboring Countries. *Economy of Agricultural and Processing Enterprises*. № 5. Pp. 47–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2021-0-5-47-58>
6. Новая географическая картина мира. Под ред. В.А.Колосова, Д.В.Зайца. М.: Дрофа, 2021.
New Geographical Picture of the World. Kolosov V.A., Zayats D.V. (eds.). Moscow, 2021. (In Russ.)
7. Фитуни Л.Л. Роль «африканских» саммитов лета 2023 г. в построении нового миропорядка. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2023. № 3. С. 5–13. <https://dx.doi.org/10.31132/2412-5717-2023-64-3-5-13>
Fituni L.L. 2023. The Role of the “African” Summits of Summer 2023 in Building of a New World Order. *Journal of the Institute for African Studies*. № 3. Pp. 5–13. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.31132/2412-5717-2023-64-3-5-13>
8. Шубин И.А. Приграничная торговля российских регионов в 2013–2019 гг. *Пространственная экономика*. 2021. Т. 17. № 2. С. 34–56. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.034-056>
Shubin I.A. 2021. Cross-Border Trade of Russian Regions in 2013–2019. *Spatial Economics*. Vol. 17, № 2. Pp. 34–56. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.034-056>
9. Abdullin A., Vafin R., Turgel I., Khoroshkevich N. 2021. Food security of Russia – modern challenges and possible solutions. *E3S Web of Conferences*. № 282, 01004. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202128201004>
10. Vardomsky L.B. International Transport Corridors in the Context of Developing Russia’s Transit Potential. *Regional Research of Russia*. 2023. Vol. 13. № 1. Pp. 65–76. <https://doi.org/10.1134/S2079970522700575>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Нуждин Иван Игоревич, аспирант, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Ivan I. Nuzhdin, Post-graduate student, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Дмитриев Руслан Васильевич, доктор географических наук, заместитель директора по научной работе, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Ruslan V. Dmitriev, Dr.Sc. (Geography), Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.03.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 18.06.2024

DOI: 10.31857/S032150750031364-2

Геополитические и инвестиционные измерения политики Китая на Ближнем Востоке

© Лузянин С.Г.^{a,b,c}, Алексеева Ю.Н.^{a,d}, 2024

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^b МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

^c ORCID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

^d ORCID: 0000-0002-2244-9269; yn.alekseeva@hse.ru

Резюме. В статье освещаются два ключевых трека китайской ближневосточной политики – инвестиционный и политический – на современном этапе и в предыдущие годы. Рассматриваются сложившиеся правовые и коммерческие механизмы, включая инвестиционную логику в отношении Саудовской Аравии, ОАЭ, Ирака, Ирана, Кувейта, Катара и др., влияние событий 7 октября 2023 г. – атаки движения ХАМАС на Израиль с последующей эскалацией на китайскую политику в регионе. Анализируется роль инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) в укреплении политических и экономических связей между Китаем, Саудовской Аравией, ОАЭ, Ираном и другими странами региона.

Проблема взаимосвязи китайских военно-политических, экономико-инвестиционных и ценностных нарративов остается главной в ближневосточной стратегии Китая. В условиях усиления китайско-американской геополитической конкуренции активное вхождение КНР на мощной экономической основе на Ближний и Средний Восток (БСВ) означает постепенное размывание американского регионального монополизма и гегемонии.

Ключевые слова: Китай, БСВ, Персидский залив, Один пояс – один путь, геополитика, инвестиции

Благодарность. Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2024 году.

Для цитирования: Лузянин С.Г., Алексеева Ю.Н. Геополитические и инвестиционные измерения политики Китая на Ближнем Востоке. *Азия и Африка сегодня*. 2024, № 7. С. 24–31. DOI: 10.31857/S032150750031364-2

Geopolitical and Investment Dimensions of China's Policy in the Middle East

© Sergey G. Luzyanin^{a,b,c}, Yulia N. Alekseeva^{a,d}, 2024

^a HSE University, Moscow, Russia

^b MGIMO University, Moscow, Russia

^c ORCID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

^d ORCID: 0000-0002-2244-9269; yn.alekseeva@hse.ru

Abstract. The article highlights two key tracks of Chinese Middle East policy – investment and political – at the present stage and in previous years. The established legal and commercial mechanisms are considered, including investment logistics in relation to Saudi Arabia, the UAE, Iraq, Iran, Kuwait, Qatar, etc., the impact of the events of October 7, 2023 – the Hamas attack on Israel with the subsequent escalation on Chinese policy in the region. The role of the One Belt, One Road (OBOR) initiative in strengthening political and economic ties between China and the states of the region – Saudi Arabia, the UAE, Iraq, Iran and others – is analysed.

The problem of the relationship between Chinese military-political, economic-investment and value narratives remains central to China's Middle East strategy. In the context of intensifying Sino-American geopolitical competition, the active entry of the PRC into the Middle East on a powerful economic basis means the gradual erosion of American regional monopoly and hegemony.

Keywords: China, Middle East, Persian Gulf, One Belt – One Road, geopolitics, investments

Acknowledgment. Support from the Individual Research Program of the Faculty of World Economy and International Affairs at HSE University is gratefully acknowledged.

For citation: Luzyanin S.G., Alekseeva Y.N. Geopolitical and Investment Dimensions of China's Policy in the Middle East. *Asia and Africa today*. 2024, № 7. Pp. 24–31. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031364-2

ВВЕДЕНИЕ

Растущее экономическое и политическое влияние Китая в мире является очевидным элементом современной картины международных отношений, включая регион Ближнего Востока, который после октябрьской атаки 2023 г. ХАМАС на Израиль и последующей палестино-израильской эскалации вошел в очередную острую, конфликтную фазу, затрагивающей интересы практически всех больших и малых региональных и внерегиональных государств.

Китайская ближневосточная стратегия в основных контурах сформировалась в 2016 г., когда руководством КНР была принята новая концепция в отношении арабских стран, определившая в качестве главных драйверов роста торгово-экономические и инвестиционные приоритеты. Акцент делался на необходимости играть стратегическую роль на Ближнем Востоке, укреплять и развивать двусторонние и многосторонние отношения с государствами региона, обеспечивать энергетическую (углеводородную) безопасность Китая [1].

В настоящее время стратегия дополняется более активными дипломатическими и экономическими шагами с прицелом на постепенное вытеснение из региона основного конкурента – США. При этом вопрос китайских инвестиций постоянно привлекает внимание различных исследователей, политиков и бизнес-кругов этого региона, получающих китайские денежные вливания. Внимание настолько велико, что западные СМИ обвиняют Китай во вмешательстве во все сферы экономики стран, которым Пекин, предоставляя финансовые средства, якобы создает долговременные, опасные «долговые ловушки», формируя прямую зависимость от китайских вложений [9].

По-прежнему актуальна проблема взаимосвязи китайских международно-политических и ценностных нарративов, прежде всего концепции «Сообщество единой судьбы человечества»¹, с коммерческими, инвестиционными интересами КНР, с усилением углеводородной кооперации, в которой Китай остается главным покупателем ближневосточной нефти и газа. В политическом плане государства региона не видят в Китае угроз своим идеологическим, религиозно-ментальным и экономическим интересам. Установка на нейтралитет, невмешательство во внутренние дела, поддержка многополярности и неприятие американского курса доминирования в регионе – основа ближневосточной китайской стратегии.

С другой стороны, в Пекине и ближневосточных столицах понимают, что США остаются самым влиятельным военно-политическим игроком, имеющим сеть военных баз в Сирии, Иордании, Саудовской Аравии, Ираке, Кувейте и др. странах, более 50 тыс. размещенных военнослужащих, систему двусторонних союзнических договоров и контрактов, давние военно-технические связи. В условиях усиления китайско-американской геополитической конкуренции в регионе практически по всем направлениям Китай вынужден искать более гибкие формы противодействия, усиливая собственное военное позиционирование в сопредельных морских зонах, чего не наблюдалось до прихода Си Цзиньпина к власти в 2012 г.

Пекин совместно с Москвой и Тегераном в рамках проекта «Морской пояс безопасности» с 2013 г. проводит регулярные военно-морские учения трех государств в акваториях Аравийского моря². Помимо своей военной базы в Джибути, при поддержке Лиги арабских государств Китай изучает возможности Бахрейна, Ирана, Омана, Саудовской Аравии и Йемена в качестве новых площадок для создания пунктов материально-технического обеспечения своих ВМС, помогает Саудовской Аравии в создании завода по производству беспилотников и ракет³.

В нашей статье на основе ряда китайских, российских, западных источников и аналитических материалов предпринимается попытка проследить, с одной стороны, особенности развития и трансформации китайской инвестиционной политики в ключевых странах Ближнего Востока, а с другой – осветить

¹ Концепция была предложена Си Цзиньпином в ноябре 2012 г. на XVIII съезде КПК и предполагает принятие всеми народами и государствами пути мирного развития, взаимного уважения, экономической открытости и многополярности (прим. авт.).

² См.: Владимир Кулагин. Россия, Китай и Иран проводят совместные военно-морские учения в Оманском заливе. *Ведомости*. 16 марта, 2023. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/03/16/966707-rossiya-kitai-i-iran-provodyat-voenno-morskije-ucheniya> (accessed 01.03.2024)

³ См.: 中国政府发布首份对阿拉伯国家政策文件 中华人民共和国中央人民政府. (Issuance by the Chinese Government of its first policy document on the Arab States. The State Council of the People's Republic of China). (In Chin.) January, 2016. https://gov.cn/xinwen/2016-01/13/content_5032649.htm (accessed 05.03.2024)

региональный геополитический вектор Поднебесной, определить его чувствительные точки, возможности и вызовы в противодействии США в данном регионе.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ СТРАНОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Отправным стимулом активизации китайской ближневосточной стратегии стала заявленная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. в Астане (Казахстан) и Джакарте (Индонезия) соответственно сухопутная (евразийская) и морская глобальная инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), выходящая через десятки новых транспортных коридоров на Ближний и Средний Восток (БСВ). Многие государства региона расположены как раз вдоль «пояса», а значит, являются особо значимыми с точки зрения инфраструктурного строительства.

Регион становится одним из ключевых мест приложения китайских капиталов, куда КНР инвестировала к 2022 г. \$231,5 млрд, увеличив вложения на 360%, что демонстрирует позитивную тенденцию с основным вектором, направленным в сторону стран Персидского залива.

Исполнительный директор Эр-Риядского Института будущих инвестиционных инициатив (*FII Institute*) Ричард Атиас в интервью *Chinafund* заявил, что Ближний Восток и Китай имеют широкий спектр пересечений и большое пространство для сотрудничества не только с точки зрения двусторонних инвестиционных отношений или инвестиций Китая в регион, но и с точки зрения перспективы возможного совместного инвестирования Китая и стран Персидского залива в государства Африки и Латинской Америки [11]. На это указывают и укрепляющиеся политические, экономические и культурные связи стран Персидского залива с Китаем.

Политическая и инвестиционная логистика Поднебесной связана с выделением из общего числа разномасштабных государств региона двух ключевых групп: особо приоритетной – Саудовская Аравия, ОАЭ, Алжир, Египет и Иран, с которыми были установлены двусторонние отношения в формате «всеобщего всеобъемлющего стратегического партнерства», и группы государств, обозначенных как просто «стратегические партнеры» – Ирак, Иордания, Кувейт, Марокко, Оман, Катар, Турция [2].

Подобная типология – не игра терминов, а сложившаяся в политической традиции китайской дипломатии четкая фиксация в словосочетаниях иероглифов определенных смыслов и значений, отражающих специфику китайских национальных интересов на страновых треках.

Ключевым звеном в приоритетной группе стал китайско-саудовский «прорыв» в 2022–2023 г. Академик А.М.Васильев в серии статей по внутренней и внешней проблематике Саудовской Аравии справедливо отмечает, что визит председателя КНР в декабре 2022 г. завершился не просто важными соглашениями, но стал принципиально новой вехой в связях Королевства с восточным соседом (см. [3; 9; 12]). Стороны подписали 34 инвестиционных контракта на \$30 млрд в энергетической, транспортной, медицинской сферах, включая углеводородные проекты и продвижение китайской инициативы ОПОП [3, с. 10].

По данным *American Enterprise Institute*, суммарный объем китайских инвестиций в Королевство с 2005 по 2022 г. составил более \$52,1 млрд с \$1,1 млрд в 2005 г. и \$8,58 млрд в 2022 г.⁴ А по данным *FDI Intelligence*, в 2023 г. сумма достигла \$21 млрд [12]. Наиболее значительная часть инвестиций была направлена на инфраструктурное строительство, также инвестиции привлекли в сферы технологий, возобновляемых источников энергии, сельского хозяйства и даже туризма. Стоит упомянуть, что, несмотря на политические амбиции Королевства, пока страна не является самым комфортным направлением для инвестирования, в т.ч. и для Китая. Здесь всё еще сохраняются высокий уровень бюрократизации, жесткое законодательство в сфере труда и негибкие налоговые ставки [8]. Поэтому пока в вопросах привлечения китайских (и не только) инвестиций страна по определенным критериям проигрывает соседу – ОАЭ.

При этом, кроме двустороннего формата, руководители Саудовской Аравии и Китая организовали проведение ряда важных региональных многосторонних саммитов – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и более широкий – «Китай – арабский мир», по итогам кото-

⁴ См.: American Enterprise Institute, China Global Investment Tracker, 2005–2022. <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (accessed 02.01.2024)

рых были опубликованы совместные заявления и обозначены ключевые сферы сотрудничества на ближайшие годы, включая создание совместного инвестиционного центра, приоритетом которого будет инвестирование в «чистую» энергетику [17].

Китайско-саудовская связка при активном китайском посредничестве сработала и в дальнейшем при нормализации ирано-саудовских отношений в начале 2023 г. Очевидно, что саудовская активность Пекина обусловлена не только экономико-энергетическими интересами, но и желанием если не полностью демонтировать традиционный американско-саудовский союзнический формат, но существенно его деформировать, незаметно и плавно перетягивая Эр-Рияд от Вашингтона и встраивая его в свои глобальные и региональные инициативы и проекты.

Другим ключевым треком в инвестиционном и военно-политическом плане для КНР становится иранский. В течение десятилетий Иран был одним из основных объектов западной санкционной политики, которую возглавили США и которая охватывала финансово-экономический, торговый и другие секторы экономики ИРИ.

Пекин не только компенсировал потери Тегерана от западных экономических санкций, но и своей активностью создал двусторонний механизм для выхода Ирана из политической и экономической изоляции, оттеснив ЕС с иранских рынков. Особенно ярко это проявилось после выхода Вашингтона в 2018 г. из ядерной сделки⁵, после чего США усилили санкционный режим, выведя отношения с Исламской Республикой на грань открытой военной конфронтации.

В этих условиях в марте 2021 г. КНР и Иран подписали ирано-китайский стратегический пакт, по которому в течение 25 лет Китай в обмен на возрастающие поставки иранской нефти заявил о желании инвестировать в экономику ИРИ \$400 млрд, из которых \$280 млрд пойдут в сферу нефте- и газодобычи / переработки и \$120 млрд – на инфраструктурные проекты, включая модернизацию иранского порта Бендер-Аббас, превращающегося в один из ключевых перевалочных пунктов в регионе на пути китайского ОПОП, развитие военно-технического сотрудничества. В частности, в рамках транспортной и энергетической кооперации с «Одним поясом» китайские компании электрифицировали 900-километровую железную дорогу «Тегеран – Мешхед» (второй по численности населения город на северо-востоке Ирана); модернизировали дорожную сеть до г. Тебриза (на северо-западе страны); построили хаб для газопровода «Тебриз – Анкара» и др.⁶

Китайский вклад есть и в иранской ядерной программе, в частности в содействии Пекина в построении ядерного технологического центра в Исфахане, подготовке профильных специалистов и др. [4, с. 35].

Динамика и объемы китайской инвестиционной активности по другим страновым опциям также характеризовались общим ростом. В Объединенные Арабские Эмираты КНР с 2005 по 2022 г. вложила \$39,2 млрд. На протяжении нескольких лет Эмираты являлись основным (после Саудовской Аравии) местом назначения китайских инвестиций в Персидском заливе; по данным *American Enterprise Institute*, в 2005 г. речь шла о \$300 млн, а в 2023 г. – уже о более чем \$1 млрд. Основой сферой, привлекающей китайские инвестиции, является инфраструктурное строительство, а также транспортное обеспечение и логистика.

В период с 2005 по 2022 г. Катар привлек \$8,61 млрд китайских инвестиций (\$100 млн в 2005 и \$810 млн в 2022 г.). Оман – \$7,42 млрд, Бахрейн – \$1,42 млрд. Кувейт – \$12,96 млрд (при \$840 млн в 2007 г. и \$1,22 млрд в 2022 г.). Иран – \$26,56 млрд при \$900 млн в 2005 г. и \$1,54 млрд – в «доковидный» 2019 г. Основной сферой инвестирования Китая в этих странах тоже является инфраструктурное строительство, помимо этого есть инвестиции в энергетическую отрасль и финансовый сектор.

Крайне интересная ситуация в вопросах инвестиций складывается у Китая с Ираком. Объем инвестиций КНР в период с 2005 по 2023 г., по арабским источникам, составил \$32,93 млрд, включая инвестиции в Иракский Курдистан [15], что превышает китайские инвестиции в большинство ранее упомянутых стран. Судя по отчету *American Enterprise Institute*, именно Ирак занимает 3-е место по объему китайских финансовых вложений в регион после ОАЭ и Саудовской Аравии.

⁵ В 2016 г. был подписан Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) между пятью постоянными членами СБ ООН и Германией по денуклеаризации ядерной программы Ирана (прим. авт.).

⁶ См.: <https://neftegaz-ru.turbopages.org/neftegaz.ru/s/news/politics/619326-podrobnosti-sekretnogo-25-letnego-strategicheskogo-partnerstva-mezhdu-kitaem-i-iranom-vryad-li-obrad/> (accessed 19.03.2024)

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Эффективность китайской инвестиционной политики в данном регионе связана также и с отработанными правовыми механизмами, учитывающими как мировую практику, так и специфику арабского менталитета деловых отношений. Одним из основных шагов по обеспечению взаимного доверия стран является заключение двусторонних инвестиционных договоров (ДИД) и «прочих инвестиционных соглашений» (*Other Investment Agreements*). Иногда пункты о защите инвестиций встречаются и в Соглашениях о свободной торговле.

По регламенту ДИД, иностранные инвесторы имеют те же права, что и инвесторы принимающей страны, в отношении объема инвестиций, оговоренного в контракте. Например, в двустороннем договоре между Китаем и Катаром оговорены вопросы движимого и недвижимого имущества, имущественные права, такие как ипотека и залог; акции, долговые обязательства, права на интеллектуальную собственность, коммерческие концессии, включая концессии на поиск, культивирование, добычу или эксплуатацию природных ресурсов, и др.⁷

По данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), по состоянию на 2024 г. у Китая подписано более 100 двусторонних инвестиционных договоров со странами всего мира. Сегодня они имеются почти со всеми странами Персидского залива – Саудовской Аравией (1996), ОАЭ (1993), Катаром (1999), Оманом (1995), Кувейтом (1985), Бахрейном (1999) и Ираном (2000)⁸. Несмотря на то, что Ирак является получателем большого объема китайских инвестиций, подобного договора между двумя странами всё еще нет. Китай подписал двусторонние соглашения с Йеменом (1998) и Ливией (2010, статус договора: недействующий).

В 2022 г. на основе условий, прописанных в ДИД между Китаем и Саудовской Аравией, Международным центром по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС, более известный как *ICSID*), был запущен процесс арбитражного урегулирования спора между Королевством и китайской телекоммуникационной компанией (дело *PCCW Cascade (Middle East) Ltd. v. Kingdom of Saudi Arabia (ICSID Case No. ARB/22/20)*) (подробнее см. [14]). Процесс еще не завершен и пока находится в стадии рассмотрения, но это уже является хорошим примером работы двустороннего инвестиционного договора.

Очевидно, что подобные варианты могут в будущем служить хорошей опорой для дальнейшего развития международно-правовой базы двусторонних инвестиционных отношений между Китаем и странами Персидского залива.

ЭСКАЛАЦИЯ КОНФЛИКТОВ: ЧТО ПЕРВИЧНО ДЛЯ КИТАЯ?

Текущий ближневосточный региональный срез, характеризующийся эскалацией конфликтов, экономически невыгоден для Китая с точки зрения как безопасности сделанных инвестиций, так и удорожания транспортировки товаров и углеводородов с новой маршрутной логистикой в обход конфликтных зон. Однако политически Пекин, несмотря на коммерческие потери, видимо, и дальше готов к противостоянию с США в ближневосточных вопросах, сознательно усиливая китайско-американскую конкуренцию в регионе, которая является частью более глобального раскола КНР и США по ключевым вопросам мироустройства, развития и безопасности [5].

30 ноября 2023 г. китайский МИД опубликовал план из 5 пунктов по урегулированию палестино-израильского конфликта, озвучив его на заседании СБ ООН. План предусматривал: немедленное прекращение боевых действий, защиту гражданского населения, возвращение к плану СБ ООН 1967 г. «Два государства для двух народов», установление гуманитарного перемирия⁹. Понимая, что данный документ носит больше декларативный характер и его практическая реализация представляется маловероятной в ближайшем будущем, тем не менее китайская дипломатия публично и настойчиво позициони-

⁷ См.: Agreement Between the Government of the People's Republic of China and the Government of the State of Qatar Concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investments. April, 1999. <http://treaty.mfa.gov.cn/tykfiles/20180718/1531876793670.pdf> (accessed 04.01.2024)

⁸ См.: International Investment Agreements Navigator, China. Investment Policy Hub, UNCTAD. <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/42/china> (accessed 04.11.2023)

⁹ См.: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjb/zzjg/bmdyzs/xwlb/202311/t20231130_11190373.html (accessed 02.01.2024)

ровала себя как защитника малых арабских народов против экспансии и геноцида Израиля и поддерживающих его США.

Формат китайско-израильских отношений до атаки ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. складывался достаточно благоприятно для обеих сторон, не подвергаясь серьезным деформациям.

Сдерживающим фактором этих отношений были китайско-иранские связи. Тель-Авив в конце 1990-х – 2000-е гг. оказывал давление на Пекин, пытаясь заставить его прекратить военно-технические контакты с Тегераном. Однако все попытки влияния оказались безуспешны – с 2010 по 2018 г. Китай увеличил экспорт вооружений в Иран, который составлял 28% от всех военно-технических поставок в страны Ближнего Востока, интенсифицировав сотрудничество в сферах ракетных технологий, а также гражданских транспортных перевозок нефти, продукции легкой и тяжелой промышленности.

Характерно, что развитие китайско-иранских отношений не сказалось негативно на развитии китайско-израильских торгово-экономических связей, которые, наоборот, укрепились. Так, объем торговли с 2000 до 2020 г. вырос с \$836 млн до \$11,1 млрд [4, с. 36–37].

После 7 октября 2023 г. ситуация в регионе резко обострилась, включая атаки хуситов (движение «Ансар-Алла») на американские и британские суда в Красном море, противостояние проиранского движения «Хезболла» и Израиля на ливано-израильской границе.

Все эти факторы влияют на китайскую политику по двум основным направлениям:

– во-первых, эскалация отрицательно сказалась на инвестиционных и торгово-экономических проектах КНР в регионе. Объединение китайских грузоперевозчиков (*COSCO*) приостановило все поставки в Израиль, сроки доставки грузов из Китая в Европу увеличились с 26 до 36 дней из-за удлинения маршрутов, большая часть которых пошли не через Суэцкий канал, а вокруг африканского мыса Доброй Надежды и др.

– во-вторых, обострение ситуации более четко зафиксировало китайские политические приоритеты. Несмотря на коммерческие потери и трудности, Пекин рассматривает развитие текущих событий через призму растущего соперничества в китайско-американских отношениях.

Учитывая, что Вашингтон и его союзник Тель-Авив, втягиваясь в конфликт, теряют стратегическое доверие мусульманских стран, Китай негласно поддерживает американское вовлечение в ближневосточный кризис, что дополнительно ослабляет позиции бывшего гегемона [7]. КНР выступает против участия в антихуситской военной коалиции США, проводя постоянные консультации с Ираном, представителями ХАМАС и «Хезболлы» по организации гуманитарной помощи палестинцам.

В этих условиях корректируется инвестиционное измерение. Американские инвестиции по-прежнему присутствуют здесь в заметном объеме, однако даже такой «исторический» партнер, как Саудовская Аравия, выбирая в том или ином вопросе Китай или США, нередко склоняется в сторону Пекина. Проблемы региона, конечно, напрягают китайских инвесторов, тормозится дальнейшее наращивание объема инвестиций. Для Китая особую важность и значимость в настоящее время приобретает вопрос обеспечения дополнительной безопасности при продлении старых и заключении новых договоров и контрактов с ближневосточными партнерами [9].

Американские СМИ всё чаще выражают опасения, что КНР планирует создать военные объекты в ближневосточном регионе для обеспечения логистической безопасности и других целей. Отмечается, что Китаю принадлежит большое число проектов инфраструктурного строительства, направленного на постконфликтное восстановление в Ираке, Сирии – странах, традиционно находящихся в зоне внимания США. Китайские источники также сообщают об идущих в Поднебесной обсуждениях на различных уровнях возможности военно-технической помощи странам Персидского залива, включая вопросы производства высокотехнологичных устройств. Однако говорить о том, что на данный момент Китай готов полностью заменить Соединенные Штаты для стран Залива с точки зрения вопросов безопасности, слишком рано [16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распространение экономического и политического влияния является наиболее четко выделяемой целью инвестиций Китая в Ближневосточный регион. На Ближнем Востоке сконцентрировано сразу несколько ключевых для него сфер, прежде всего углеводороды и инфраструктура, завязанных на реализации инициативы «Один пояс – один путь».

Китайские инвестиционные отношения со странами Ближнего и Среднего Востока имеют не только прочную международно-правовую базу в виде подписанных двусторонних инвестиционных и прочих договоров, но и длительную историю с позитивной динамикой. Лидерами в получении китайских инвестиций являются страны Персидского залива, инвестиции в этих странах направляются в большом объеме в сферы технологий, энергетики и транспорта.

Однако Китай концентрирует силы не только на обеспечении безопасности инвестиционных процессов, уделяя внимание логистике и инфраструктурному строительству, но и реализует проекты, связанные с постконфликтным восстановлением в некоторых странах Ближневосточного региона. Несмотря на существующие проблемы, страны Персидского залива прочно заняли свое место в картине китайских инвестиций в мире, и в будущем ожидается укрепление этих позиций.

В рамках реализации инициативы ОПОП Китай не только сформировал систему приоритетных двусторонних экономико-политических отношений с Саудовской Аравией, ОАЭ, Ираном, Ираком и другими странами, но и инициировал ряд коллективных форматов – «Китай – ССАГПЗ», «Китай – арабский мир», войдя в регион системно и стратегически. Китайское мягкое политическое сотрудничество на основе активной экономической политики де-факто означает постепенное размывание американского регионального монополизма и гегемонии. Успешная реализация модели примирения Тегерана и Эр-Рияда при китайском посредничестве в 2023 г. – один из примеров активной и наступательной китайской дипломатии в регионе БСВ.

Политические приоритеты лежат в основе экономической политики КНР, однако официально заявлять о своем лидерстве в регионе Пекин не планирует, якобы оставляя за США роль гегемона, которую Вашингтон исполнять эффективно уже не может.

Китай, исходя из своих стратегических установок – формирование «сообщества с единой судьбой» в мире и различных регионах, фактически позиционирует себя как дружественная и ответственная держава, альтернативная США на Ближнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Глазунов О.Н., Савченко А.Н. Особенности и приоритеты внешней политики Китая в странах Ближнего Востока. *Общество: политика, экономика, право*. 2018. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-priority-vneshney-politiki-kitaya-v-stranah-blizhnego-vostoka> (accessed 02.01.2024)
Glazunov O.N., Savchenko A.N. Features and priorities of Chinese foreign policy in the countries of the Middle East. *Society: Politics, Economics, Law*. 2018. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-priority-vneshney-politiki-kitaya-v-stranah-blizhnego-vostoka> (accessed 02.01.2024)
2. Сажин В. КНР – движение на Ближний Восток. *Международная жизнь*. 30.05.2023. <https://interaffairs.ru/news/show/40609> (accessed 02.01.2024)
Sazhin Vladimir. China – movement to the Middle East. *The International Affairs*. 30.05.2023. Moscow. (In Russ.). <https://interaffairs.ru/news/show/40609> (accessed 02.01.2024)
3. Васильев А.М. Саудовская Аравия: укрепление власти в условиях ломки старой мир-системы. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 5–17. DOI: 10.31857/S032150750025680-0
Vasiliev A.M. 2023. Saudi Arabia: Consolidation of Power in the Context of the Breakdown of the Old World System. *Asia and Africa today*. № 5. Pp. 5–17. (In Russ.)
4. Микаэлян А.А. Противостояние Израиля и Ирана сквозь призму китайско-израильских и индийско-израильских отношений. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 1. С. 34–42. DOI: 10.31857/S032150750016679-8
Mikaelyan A.A. 2023. The Confrontation between Israel and Iran through the Prism of Chinese-Israeli and Indian-Israeli Relations. *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 34–42. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016679-8
5. Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750021786-6
Luzyanin S.G. 2023. China – USA: Model 2023. “Managed Conflict” or Global Split? *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 5–14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021786-6
6. Сунь Юнь. Почему Китай не будет воевать с хуситами. https://forbes.kz/life/opinion/pochemu_kitay_ne_budet_voevat_s_husitami/ (accessed 02.01.2024)
Sun Yun. Why China will not fight the Houthis. (In Russ.). https://forbes.kz/life/opinion/pochemu_kitay_ne_budet_voevat_s_husitami/ (accessed 02.01.2024)
7. Науменко Т.В., Тимахов К.В. Саудовская Аравия и её конкурентоспособность среди стран Ближневосточного региона. *Вестник МГИМО-Университета*. 2019. № 1 (64). С. 147–167.

- Naumenko T.B., Timakhov K.V. 2019. Saudi Arabia and its competitiveness among the countries of the Middle East region. *Vestnik MGIMO-University*. № 1 (64). Pp. 147–167. (In Russ.)
8. Kerry Liu. 2023. The Chinese Debt Trap Diplomacy Narrative: An Empirical Analysis. *Statistics, Politics and Policy*. Vol. 14. № 1. Pp. 19–44.
9. Васильев А.М. Саудовская Аравия. Годы смуты: и репрессии, и «либерализация». *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 10. С. 15–26. DOI: 10.31857/S032150750022717-0
- Vasiliev A.M. 2022. Saudi Arabia. Years of turmoil: Both repression and “liberalization”. *Asia and Africa today*. № 10. Pp. 15–26. DOI: 10.31857/S032150750022717-0
10. 吴娟娟 中东重磅机构发声：中东和中国可在众多领域开展共同投资 (Wu Juanjuan. Middle East heavyweights speak out: Middle East and China can co-invest in many areas). (In Chin.). <https://www.chnfund.com/article/AR2023120700141882480977> (accessed 10.01.2024)
11. Joshua Crawford. Record Chinese investment aids Saudi diversification. *FDI Intelligence*. December 4, 2023. <https://www.fdiintelligence.com/content/news/record-chinese-investment-aids-saudi-diversification-83240> (accessed 02.01.2024)
12. Васильев А.М. Саудовская Аравия. Сальман ибн Абдаль Азиз и Мухаммад ибн Сальман. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 5–20. DOI: 10.31857/S032150750024989-9
- Vasiliev A.M. 2023. Saudi Arabia. Salman bin Abd al-Aziz and Muhammad bin Salman. *Asia and Africa today*. № 3. Pp. 5–20. DOI: 10.31857/S032150750024989-9
13. Jack Ballantyne. Chinese-Saudi telecoms dispute kicks off at ICSID. *Global Arbitration Review*. 27.07.2022. <https://globalarbitrationreview.com/article/chinese-saudi-telecoms-dispute-kicks-icsid> (accessed 12.01.2024)
14. شريف محمد, عزيز سردار بواسطة. العراق؟ أكراد تهم بكيّن مع العلاقة هل: الصين في كردستان. (Sardar Aziz. China and the Kurdistan Region of Iraq: An Enduring Yet Cumbersome Relationship. The Washington Institute. 31.05.2022). (In Arab.). <https://www.washingtoninstitute.org/ar/policy-analysis/krdstan-fy-alsyn-hl-allaqt-m-bkyn-thm-akrad-alraq> (accessed 01.03.2024)
15. 李超 海湾投资基金集体向东看, 中国和海湾国家的投资合作多少新机遇. (Li Chao: Gulf Investment Funds Collectively Look East, Many New Opportunities for Investment Cooperation Between China and Gulf Countries). (In Chin.). December 19, 2023. https://china.cnr.cn/gdgg/20231219/t20231219_526527048.shtml (accessed 07.01.2024)
16. Li Zengxin, Luo Guoping, Kelsey Cheng. Saudi Arabia Looks to China to Help Build Up Its Renewables Industry. *Cainxin Global*. 06.11.2023. <https://www.caixinglobal.com/2023-11-06/saudi-arabia-looks-to-china-to-help-build-up-its-renewables-industry-102125252.html> (accessed 13.01.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; профессор, Факультет международных отношений, МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия.

Sergey G. Luzyanin, Dr.Sc. (History), Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, Faculty of International Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.

Алексеева Юлия Николаевна, преподаватель Департамента зарубежного регионоведения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Yulia N. Alekseeva, Lecturer, Faculty of World Economy and International Affairs, School of International Regional Studies, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 18.03.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 23.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 14.06.2024

Китайский путь к глобальному торгово-экономическому лидерству

© Хмелева Г.А.^{a,b}, Гусева М.С.^{a,c}, 2024

^a Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

^b ORCID: 0000-0003-4953-956; galina.a.khmeleva@yandex.ru

^c ORCID: 0000-0002-1910-8869; gusevams@yandex.ru

Резюме. В текущем столетии Китай показал выдающиеся результаты в достижении экономического роста. За короткий период из мировой фабрики по производству несложных товаров широкого потребления страна превратилась в одного из ведущих экспортеров высокотехнологичных товаров конечного потребления, технологий, оборудования и комплектующих для производства.

Поддерживая с 2012 г. курс на укрепление экономического роста страны за счет внутренних источников, Китай активно расширяет свое влияние за счет масштабных инициатив, таких как «Пояс и путь», Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС+, не отказываясь тем самым от планов расширения торгово-экономического сотрудничества и наращивая свое политическое влияние. Поэтому фокус данного исследования сосредоточен на понимании китайской модели построения торгово-экономического сотрудничества, которая в научной литературе рассматривается не так часто, в отличие от вопросов специфики китайской модели экономического роста.

Важным для российской политики представляется раскрытый в статье китайский опыт создания мощной системы продвижения китайских производителей на зарубежные рынки.

Ключевые слова: Китай, китайская модель, глобализация, инвестиции, внешняя торговля, «Пояс и путь»

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме № 123101700401-0 (шифр FSSR-2023-0003) «Разработка инструментов сопряжения перспективных видов экономической деятельности российских регионов для обеспечения устойчивого развития экспорта и импорта со странами Азии, Африки, Латинской Америки».

Для цитирования: Хмелева Г.А., Гусева М.С. (Самара). Китайский путь к глобальному торгово-экономическому лидерству. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 7. С. 32–40. DOI: 10.31857/S032150750031363-1

China's Path to Global Trade and Economic Leadership

© Galina A. Khmeleva^{a,b}, Maria S. Guseva^{a,c}, 2024

^a Samara State University of Economics, Samara, Russia

^b ORCID: 0000-0003-4953-956; galina.a.khmeleva@yandex.ru

^c ORCID: 0000-0002-1910-8869; gusevams@yandex.ru

Abstract. In this century, China has shown outstanding results in achieving economic growth. In a short period of time, the country has evolved from a world factory producing simple consumer goods into a leading exporter of high-tech final goods, technologies, equipment, and components for production.

Since 2012, China has been maintaining a policy of strengthening national economic growth based on domestic sources, the country is actively expanding its influence through large-scale initiatives such as the Belt and Road Initiative, Shanghai Cooperation Organization (SCO), BRICS+, thus not abandoning plans to expand trade and economic cooperation and increasing its political influence.

In this regard, this study is focused on understanding the Chinese model of building trade and economic cooperation, which does not often appear in the scientific literature in contrast to the issues of the specificity of China's economic growth model. For this purpose, the article systematizes the mechanisms of developing trade and economic relations of the People's Republic of China, such as tariff policy, strategies, trade and economic unions, special free trade zones, the Chinese Belt and Road Initiative, foreign investments, institutes of foreign financing of Chinese projects.

Keywords: China, the Chinese model, globalization, investment, foreign trade, Belt and Road

For citation: Khmeleva G.A., Guseva M.S. (Samara). China's Path to Global Trade and Economic Leadership. *Asia and Africa today*. 2024. № 7. Pp. 32–40. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031363-1

ВВЕДЕНИЕ

Феномен успеха китайской экономики в последние годы особенно часто обсуждается в научной литературе, поскольку демонстрирует изменения в процессах глобализации и служит действенным фактором формирования нового мирового порядка.

Китай в течение более чем 20 лет наращивал свою зависимость от внешней торговли, успешно встраиваясь в глобальные цепочки создания стоимости. Такой ориентир позволял решать проблемы конкурентоспособности, нацеливая трудолюбивое население страны первоначально на избирательное заимствование, затем на разработку собственных технологий и инновационных товаров и услуг. В настоящее время Китай – крупнейший мировой экспортер всё более качественной продукции.

Вопрос об укреплении лидерских позиций КНР неоднократно обсуждался в научной литературе, но всё больше в рамках общей модели экономического роста. В частности, упоминается модель т.н. *Пекинского консенсуса* и наиболее важные указанные в ней задачи – начинать с опережающего развития передовых технологий, повышать качество жизни, обеспечивать устойчивость и равенство, а также новая доктрина безопасности в условиях быстрого экономического подъема Китая¹.

Впрочем, до настоящего времени дискуссии о факторах китайского чуда продолжают. Выделяются такие характеристики, как реальная прагматичная забота и служение людям, отсутствие боязни экспериментов, движение методом проб и ошибок, постепенные реформы, сильное государство, поддерживающее развитие, избирательное заимствование иностранных идей, движение от легких реформ к трудным [1; 2].

Как ученые, так и политики сходятся во мнении, что Китай полон решимости взять на себя роль глобального экономического лидера [3; 4]. Между тем сами китайские исследователи отвергают идею о потенциальном лидерстве своей страны как дирижера мировой экономики, подчеркивая прагматизм в расширении экономического присутствия Китая по всему миру, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) [5].

Странам АТР Китай предлагает свою модель успеха, воплощение «Китайской мечты» [6] не только как концепцию процветания китайской нации [7], но и как способ имплементации собственной истории успеха на платформе объединения народов АТР. Среди российских ученых выделяется дискурс о российско-китайских торгово-экономических отношениях [8; 9], изменении роли Китая в международной торговле товарами и услугами [10]. Отмечается, что новый этап развития Китая характеризуется влиянием ряда сдерживающих факторов, способных привести к ослаблению национальной экономики [11].

Несмотря на достаточную изученность тематики китайской экономики, до сих пор не определены ключевые особенности модели построения торгово-экономических отношений, совместное влияние которых определяет лидерство Китая в мировой торговле. Наша статья призвана отчасти решить эту задачу и, как представляется, может быть полезна в российской практике построения международных отношений с другими странами.

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ КИТАЯ В 2003–2022 гг.

За 20 лет текущего столетия Китаю удалось совершить мощный рывок в международной торговле и выйти в мировые лидеры. Если в 2000 г. экспорт США превышал китайский в 3,1 раза, экспорт Германии – в 2,2, то в 2022 г. ситуация в корне изменилась. Китайский экспорт превысил экспорт США в 1,7 раза, а Германии – в 2,1 (*здесь и везде далее расчеты авторов по внешней торговле КНР основаны на данных ресурса международной торговли TradeMap.org. См.: <https://www.trademap.org/Index.aspx>*).

Согласно данным статистики, перелом относится к 2007 г., когда объем китайского экспорта впервые превысил объем американского экспорта. В 2022 г. объем внешней торговли КНР превысил \$6 трлн, в то время как объем внешнего товарооборота его ближайшего соперника – США – составил \$5,4 трлн.

При этом экспорт КНР становится всё более сбалансированным: снижается зависимость от наиболее крупных торговых партнеров, их состав подвижен. Если в 2003 г. на долю США приходилось 21,1% совокупного экспорта, то в 2022-м она снизилась до 16,2%. В структуре экспорта снижается также доля Гонконга, Японии.

¹ См.: <https://fpc.org.uk/publications/the-beijing-consensus/> (accessed 01.11.2023)

В 2003 г. 69,9% китайского экспорта обеспечивали 9 стран, в 2012 г. их число увеличилось почти вдвое – 17, в 2022 г. долю в 70,5% обеспечивали уже 19 стран. Такая диверсификация связана с более быстрыми темпами роста экспорта китайской продукции в развивающиеся страны, в основном азиатские и африканские.

За 2005–2022 гг. в 86 раз выросли международные продажи интеллектуальной собственности. В 2022 г. сборы на внешних рынках за интеллектуальную собственность Китая в коммерческом секторе составили \$13,5 млрд. Экспорт телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг (IT и связь) увеличился более чем в 35 раз – до \$82,9 млрд. Обращает на себя внимание стремительный рост финансовых услуг, что связано с выходом ряда китайских компаний на мировой финансовый рынок, развитием международной филиальной сети ведущих китайских банков для обслуживания нужд экспортеров и импортеров.

МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ

Любая модель торгово-экономических отношений между странами включает механизмы, функционирование которых позволяет сформировать среду для их построения. В китайской модели это приоритет чистой торговли [12]. Китай широко использует различные организационные механизмы в продвижении китайской продукции и китайских производителей на зарубежные рынки. Обобщение официальных данных Китая и научных работ по теме позволило выделить ключевые механизмы развития торгово-экономических отношений КНР, действие которых является комплексным и взаимосвязанным:

Тарифная политика, опирающаяся на принцип открытости внешнему миру, позволяет стимулировать экспорт, обеспечивать импорт необходимых для Китая товаров, защиту и содействие развитию национальной экономики и тарифные доходы. В рамках такой политики принимаются меры по насыщению внутреннего рынка необходимой продукцией. Китай активно внедрял с момента вступления в ВТО в 2001 г. систему льготных тарифов для удовлетворения внутреннего спроса, в частности, на качественную продукцию сельскохозяйственного производства.

Применение Китаем льготных торговых режимов и преференций для участников торговых соглашений регулируется «Положением КНР об импортно-экспортном тарифе»². Основные категории льготных ставок импорта включают ставки режима наибольшего благоприятствования, ставки в рамках региональных договоренностей и двусторонних соглашений, особые преференциальные ставки, временные преференциальные и ставки на продукцию информационных технологий.

Большая стратегия Китая нацелена на становление страны в качестве глобальной державы, способствует соблюдению национальных интересов, сочетанию мирного развития и силовой поддержки территориальных претензий [13]. В 14-м пятилетнем плане экономического и социального развития КНР и ориентирах долгосрочных целей на 2035 г. в качестве одной из основных целей заявлен выход на передовые рубежи инновационно развитых стран³.

Стратегия продвижения на запад предусматривает «продвижение на запад» внутри страны и повышение деловой активности в западной части страны, а также «наращивание открытости» в сторону Запада в международном плане. Необходимость активизации стратегии «продвижения на запад» обусловлена ростом геополитических рисков и политикой сдерживания Китая со стороны США. На западном направлении отсутствуют конфликты и риски противостояния. Поэтому принято решение с точки зрения экономической и геополитической безопасности придерживаться курса развития экономического потенциала западных территорий страны [14].

Стратегия «выхода вовне» поощряет инвестиции за рубежом с целью обеспечения технологиями и ресурсами отечественных компаний, инвестиции в крупные компании-экспортеры. Указанная стратегия реализуется с конца 1990-х гг. и направлена на обеспечение внутренних потребностей технологиями и ресурсами. Возможно, это стало основой для появления нового класса конкурентоспособного бизнеса, вышедшего на глобальный уровень⁴.

² http://www.russchinatrade.ru/ru/import_export/Lgoty_preference (accessed 15.01.2023)

³ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要. [14-й пятилетний план экономического и социального развития КНР и перспективные долгосрочные цели на 2035 год]. (In Chin.). https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (accessed 15.01.2023)

⁴ https://www3.weforum.org/docs/WEF_Chinese%20Globalizers_2015_EN.pdf (accessed 18.11.2023)

Торгово-экономические союзы, специальные зоны свободной торговли. Например, специальные зоны свободной торговли с целью полного снятия тарифов. Для Китая с высокоразвитым производством это позволяет снижать стоимость поставки и повышать конкурентоспособность своих товаров на мировом рынке. Такие меры позволяют противодействовать, в частности, американской политике торговой войны, основным инструментом которой является рост тарифов. Так, в 2020 г. было подписано и 1 января 2022 г. вступило в силу Соглашение о всеобъемлющем партнерстве между странами Ассоциации Юго-Восточной Азии (АСЕАН), а также Китаем, Японией и Южной Кореей, направленное на создание крупнейшей в мире зоны свободной торговли. По оценкам, объем внутренней валовой продукции этого объединения может составить порядка \$28 трлн, или более трети мирового ВВП (см. [16]).

Для развития китайско-японской торговли КНР успешно применяет механизмы взаимовыгодной торговли. Так, со стороны Китая было предложено ввести пониженные тарифы на импорт японских товаров, открыв китайский рынок для Японии. Для других участников соглашения была использована аналогичная тактика. Сегодня Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство представляет собой соглашение о свободной торговле между 10 государствами – членами АСЕАН и 5 его партнерами (Австралия, Китай, Япония, Новая Зеландия и Республика Корея).

Инициатива «Пояс и путь» является важнейшим механизмом развития внешнеэкономических связей Китая, её важность отмечается как в государственных документах, так и в научных работах [15]. Идея этой китайской инициативы навеяна историческими традициями Великого шелкового пути (ВШП), соединявшего цивилизации Азии, Европы и Африки. Основные ценности ВШП – «мир и сотрудничество, открытость и толерантность, взаимное заимствование и обмен опытом, взаимная выгода и общий выигрыш»⁵.

Разработчики концепции «Пояс и путь» (ОПОП) опирались на лучшие традиции Китая, затрагивая интересы каждого потенциального и действующего партнера. Для реализации концепции важными признаны 3 характеристики, формирующие единство сообщества: ответственность, общие интересы и единая судьба. Достижение этого возможно на основе политического взаимодоверия, экономического сотрудничества и культурной толерантности.

Сопрягаются с глобальными целями устойчивого развития отдельные тематические направления – зеленый шелковый путь (экологическое развитие и охрана окружающей среды), здоровый шелковый путь (сотрудничество в сфере медицины и здравоохранения, санитарии, профилактики и локализации очагов болезней), интеллектуальный шелковый путь (подготовка кадров, создание союза профессионально-технического сотрудничества) и безопасный шелковый путь (обеспечение безопасности, формирование пространства азиатской коллективной безопасности, управляющей модели безопасности с азиатской спецификой).

Реализация инициативы ОПОП опирается на следующие механизмы: *укрепление двустороннего сотрудничества, усиление роли действующих механизмов многостороннего сотрудничества, региональные и субрегиональные платформы на траектории пролегания шелкового пути.*

Двустороннее сотрудничество должно быть подкреплено реально действующими соглашениями, меморандумами. Для донесения преимуществ инициативы «Пояс и путь» признано целесообразным использовать мощный потенциал многостороннего сотрудничества: Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Китай – АСЕАН (формат «10+1»), Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Форума «Азия – Европа», Диалога по сотрудничеству в Азии (ДСА), Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Форума китайско-арабского сотрудничества, Стратегического диалога Китая и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (Китай – ССАГПЗ), Экономического сотрудничества в субрегионе Большого Меконга, Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС).

В реализации идей, продвижении ценностей и выработке общей повестки значимое место отводится проведению соответствующих международных тематических форумов, выставок в регионах и субрегионах государств, вовлеченных в траекторию китайской инициативы «Пояс и путь». В результате за период с 2013 по 2023 г. достигнуты впечатляющие результаты. К совместной инициативе присоединились более 100 стран, 50 из которых подписали соответствующие соглашения. Созданы 56 зон торгово-экономического сотрудничества, получивших признание ООН, АТЭС и других международных организаций.

⁵ <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/document/issue/36756.htm> (accessed 25.11.2023)

В настоящее время инициатива «Пояс и путь» является эффективным стратегическим инструментом для построения глобального сообщества, представляет собой полноценную платформу взаимодействия развивающихся стран в построении многополярного, устойчивого и процветающего мира за счет поддержания мира, развития сотрудничества, открытости и доверия⁶.

В мае 2015 г. президент РФ Владимир Путин и Си Цзиньпин подписали соглашение о сопряжении «Экономического пояса на Шелковом пути» (ЭПШП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). При этом в соглашении отмечено, что основной площадкой, где будут обсуждаться вопросы сопряжения, станет ШОС⁷.

Руководство Китая достигло соглашения по сопряжению ЭПШП с инфраструктурными проектами других стран. В частности, с монгольским проектом «Степной путь» (модернизация трансмонгольской железной дороги Китай – Россия), южнокорейской «Евразийской инициативой» (объединение железных дорог Северной и Южной Кореи с выходом на Транссибирскую магистраль) и казахстанской программой «Светлый путь», но результатов пока нет.

Еще одним важным механизмом, с точки зрения укрепления торгово-экономических отношений, является постоянно действующая межправительственная международная организация ШОС. В настоящее время её членами являются 9 государств, включая Россию, 3 страны имеют статус государств-наблюдателей и еще 14 стран являются партнерами по диалогу. Кроме того, время от времени появляется информация о том, что та или другая страна также рассматривает возможность вступления в ШОС.

Так, например, как заявил президент Беларуси Александр Лукашенко, ШОС интересна странам в условиях перехода к многополярному миру как механизм развития сотрудничества в сфере противодействия угрозам терроризма, экстремизма, организованной преступности и наркотрафика, а также развития торгово-экономического сотрудничества⁸. В частности, между правительствами государств – членов ШОС существует соглашение о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, что позволяет повысить степень координации при развитии транспортных сетей для мультимодальных перевозок.

КНР, как и Россия, является участником Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, выступающего в настоящее время представительной региональной площадкой. В приложении к декларации форума АТЭС⁹, прошедшего в ноябре 2023 г. в Сан-Франциско, отмечается добровольный характер организации, а также её высокая значимость как глобального «инкубатора идей и катализатора сотрудничества». На форуме подтверждена приверженность Бангкокским целям в области эко-био-циркулярной экономики, что подтверждает приоритеты торговой политики ближайшего десятилетия стран АТЭС: инвестиции, направленные на поддержание устойчивости, инклюзивности, решение экологических проблем (включая изменения климата).

Зарубежные инвестиции КНР в другие страны разнообразны, являются системными и стратегически выверенными. Особое место в достижении глобального торгово-экономического лидерства КНР по праву следует отвести прямым иностранным инвестициям в компании, чья деятельность способствует продвижению китайской продукции за рубежом (лизинг, логистика, платежи и т.д.).

Активный этап инвестиций в зарубежные активы начался после финансового кризиса 2008 года. Среднегодовой темп роста прямых иностранных инвестиций КНР достиг 14%, что стало самым высоким показателем среди других крупнейших экономик мира. Причем заметный рост наблюдался в Европе и Северной Америке. В 2013 г. китайские инвестиции в другие страны достигли \$108 млрд, а торговый потенциал товаров с высокой добавленной стоимостью достиг \$27,6 млрд, превысив уровень 2005 г. более чем в 4 раза¹⁰.

В развитии экспорта за счет внешних инвестиций можно выделить как минимум 3 стратегии. Первая связана с реализацией стратегии интернационализации за счет открытия филиалов, дочерних компа-

⁶ <https://www.ndb.int/news/ndb-board-of-directors-and-senior-management-visit-ndbs-china-covid-19-emergency-assistance-programme-in-hubei-province-reaffirm-continued-support-to-finance-inclusive-growth/> (accessed 25.11.2023)

⁷ https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_and_ADVISORY_BODY/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanii-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767074/ (accessed 25.11.2023)

⁸ <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/integracija/shos> (accessed 25.11.2023)

⁹ <https://www.apec.org/meeting-papers/leaders-declarations/2023/2023-leaders-declaration/san-francisco-principles-on-integrating-inclusivity-and-sustainability-into-trade-and-investment-policy> (accessed 25.11.2023)

¹⁰ https://www3.weforum.org/docs/WEF_Chinese%20Globalizers_2015_EN.pdf (accessed 18.11.2023)

ний. Такая стратегия характерна в основном для компаний с относительно невысокими материальными активами. Хорошо себя показывает такая стратегия в сфере ИТ-технологий. Так, компания *Perfect World* (онлайн-игры) спустя 3 года после своего основания в 2004 г. вышла на биржу и к 2014 г. имела 20 дочерних компаний в Японии, а также в странах Европы и Северной Америки. Другим примером является один из крупнейших провайдеров услуг в области информационных технологий компания *Neusoft*, имеющая дочерние компании более чем в 60 странах мира. Сегодня система *IVI* от *Neusoft* обслуживает 85% из 30 ведущих автомобильных брендов мира¹¹.

Стратегия продвижения китайской продукции на международные рынки поддержана активными инвестициями в ведущие широко известные мировые бренды. Такой подход позволял Китаю не только получить готовый рынок сбыта, но и вырастить крупные национальные компании-лидеры за счет приобретения материально-технической базы и технологий, повышения уровня компетентности.

Так, широко известный в настоящее время китайский экспортер *Haier* в 2015 г. приобрел подразделение бытовой техники *GE Appliances* компании *General Electric*. В 2014 г. *Motorola Mobility* была приобретена китайским гигантом по производству домашних компьютеров *Lenovo* и сейчас производит смартфоны на базе операционной системы *Android*.

Инвестиционная активность Китая не осталась незамеченной, вызывает серьезное беспокойство у западных стран, особенно в части потенциального влияния государства. Как следует из данных мониторинга компании *Datenna*, китайцы инвестировали более чем в 800 европейских компаний с 2010 г., из общего объема инвестиций почти треть – инвестиции с высокой вероятностью государственного вмешательства. Как имеющие высокий уровень влияния оцениваются инвестиции, в которых конечным контролирующим акционером является китайское правительство. В 87 случаях (11%) китайское правительство имеет влияние, но не контролирующее. Наиболее привлекательными в Европе секторами для китайских инвестиций являются машиностроение, энергетика, потребительские товары, ИКТ и здравоохранение¹².

Китайцы довольно активно инвестируют в американские компании. За 12 лет Китаем было осуществлено около 500 инвестиций¹³. Американцы всегда довольно настороженно относились к китайским инвестициям и пытаются их ограничивать. И всё же порядка 16% от общего числа инвестиций они относят к рискованным, имеющим конечным контролирующим акционером китайское правительство или государственную организацию.

В США наибольшее количество инвестиционных сделок зафиксировано в здравоохранении и биотехнологиях. Интерес со стороны китайских инвесторов вызывают также секторы недвижимости, гостиничного бизнеса, ИКТ, энергетики, промышленности, включая машиностроение. Причем многие из этих секторов имеют стратегически важное значение для достижения национальной цели «Сделано в Китае – 2025», направленной на достижение независимости в области исследований и разработок в стратегических областях, таких как высокие технологии, новые виды источников энергии и биотехнологии¹⁴.

Большое влияние государства на экономику страны позволяет Китаю использовать внешние инвестиции как инструмент для развития торговли. Так, в ноябре 2023 г. Си Цзиньпин заявил о поощрении закупок товаров у Брунея и инвестиций в исламский султанат. Такое предложение связано с поощрением умеренной политики Брунея в Южно-Китайском море в отношении спорных островов. Для китайских предпринимателей это сигнал к тому, что открытие магазинов и экспорт из Брунея будут поддержаны государственной политикой продовольственной безопасности¹⁵.

Влияние Китая на глобальном рынке инвестиций в последние годы значительно возросло. Так, Министерство торговли, Национальное бюро статистики и Государственное управление по обмену валют в совместном бюллетене по вопросам внешних инвестиций отмечают, что к концу 2020 г. 28 000 внутренних инвесторов Китая создали в 198 странах более 45 000 компаний. Китайские инвестиции были представлены в 80% стран мира. Совокупные активы китайских компаний за рубежом на конец 2020 г. оценивались в \$80 трлн. В основном китайские внешние инвестиции представлены прямыми инвестициями и инвестициями в строительство. Поддержку китайским производителям за рубежом оказывают

¹¹ <https://www.neusoft.com/About/2398/> (accessed 25.11.2023)

¹² <https://visuals.datenna.com/china-eu-fdi-radar/> (accessed 25.11.2023)

¹³ <https://www.datenna.com/china-us-fdi-radar/> (accessed 25.11.2023)

¹⁴ Там же.

¹⁵ <https://reuters.com/world/asia-pacific/chinas-xi-offers-more-investment-south-china-sea-claimant-brunei-2023-11-17/> (accessed 25.11.2023)

компаниям с китайским инвестиционным участием в сферах лизинга, бизнес-услуг, оптовой и розничной торговли, информационных технологий, финансов, недвижимости, логистики и почтовых услуг.

В последние годы наблюдается тенденция устойчивого роста прямых инвестиций Китая в страны, расположенные вдоль потенциальных маршрутов «Пояс и путь». В этих странах было создано более 11 000 совместных предприятий – 24,4% от общего их количества. С 2013 по 2020 г. объем таких инвестиций составил \$1,139 трлн¹⁶.

Инвестиции в инфраструктуру (строительство объектов инфраструктуры) за рубежом. В 2023 г. зарубежные инвестиции в транспортный сектор стали крупнейшей сферой деятельности китайских инвесторов. В географическом плане увеличились инвестиции в Индонезию и Саудовскую Аравию, в то время как инвестиции в США, ЕС продолжили снижаться. Масштабные инвестиции способствовали увеличению транспортных потоков. За 2022–2023 гг. по линии Китай – Европа перевезено грузов на сумму более \$6 млрд. Этот маршрут в настоящее время проходит более чем через 200 азиатских и европейских городов, соединяя более 35 стран и регионов¹⁷.

В России с 2012 г. реализуется проект по созданию одного из крупнейших в стране мультимодальных производственно-логистических центров в уникальном формате «грузовой деревни» – *Freight Village Vorsino* и *Freight Village Rosva*. Подобные деревни уже завоевали популярность в мире благодаря мультимодальному подходу, что эффективно сказывается на себестоимости доставки по принципу «от крупного груза к малому модулю», что позволяет обеспечить скорость и широту охвата потенциальных потребителей. В среднем одна подобная грузовая деревня способна обслужить 2 млн человек. Железнодорожные маршруты *FV Vorsino* встроены в Новый шелковый путь со сроком доставки от Сунчжоу до Москвы в среднем 20 дней¹⁸.

Институты финансирования. Для финансирования проектов созданы и осуществляют свою деятельность Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути. Сопровождению экспортно-импортных сделок и инвестиционных проектов за рубежом способствует широкая филиальная сеть Банка Китая (*Bank of China*) в 28 странах мира, что позволяет развивать расчеты в национальной валюте. Нельзя не отметить Бренд «Сделано в Китае», поскольку он повышает узнаваемость, формирует и закрепляет положительный имидж китайских товаров, которые всё больше и больше захватывают мировой рынок.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР

Опираясь на проведенное нами исследование, представим *основные параметры современной модели торгово-экономического сотрудничества Китая*, характеризующие её особенности.

Во-первых, Китай изначально отдавал приоритет производству конкурентоспособной на мировом рынке продукции. В этой стране сформирована благоприятная среда для предпринимательства, хотя и с высокой ролью государства.

Во-вторых, создание или участие в создании политических и торгово-экономических союзов, где Китай занимает место если не ведущего организатора (как в ШОС, например), то уважаемого и значимого участника (как, например, в АТЭС). Участие в союзах способствует развитию торгово-экономических отношений не только с позиции возможных преференций, но и с позиции понимания общих интересов и выработки общих принципов торговой политики и инвестиций.

В-третьих, инвестиции в инфраструктуру и создание компаний в сфере услуг, связанных с продвижением китайской продукции на зарубежные рынки. Как следствие, по всей цепочке, связанной с доставкой продукции до конечного потребителя, создаются благоприятные условия для экспортеров или импортеров: логистика, платежи, страхование.

¹⁶ 商务部、国家统计局和国家外汇管理局联合发布 “2020年度中国对外直接投资统计公报”. [Министерство торговли, Национальное бюро статистики и Государственное управление иностранной валюты совместно выпустили «Статистический бюллетень прямых иностранных инвестиций Китая за 2020 год»]. (In Chin.). <http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/ai/202109/20210903203247.shtml> (accessed 25.11.2023)

¹⁷ См.: <https://t.me/chinesepanorama/8660> (accessed 25.11.2023)

¹⁸ <https://freightvillage.ru/images/photos/pictures/pdf/Freight-Village-Vorsino-ru.pdf> (accessed 22.10.2023)

В-четвертых, использование государственных инвестиций как инструмента достижения стратегических целей в экономике. Велика доля государственных компаний в зарубежных инвестициях. Государственные инвестиции за рубежом позволяют Китаю укрепить имидж страны за рубежом, получить доступ к технологиям, услугам, инфраструктуре, которые можно использовать в том числе и для целей продвижения китайского бренда на внешних рынках.

В-пятых, дифференциация стратегических целей и приоритетов торговли Китая в разных странах. Китай выделяет приоритетные отрасли для развития торговли, что позволяет аккумулировать ресурсы на отдельных направлениях, обеспечивая их эффективность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном нами исследовании была определена современная модель построения торгово-экономических отношений Китая.

Обобщая сказанное, отметим, что мировое торговое лидерство Китая – результат умелой экономической политики и многолетней системной работы по её реализации. Сильное лидерство и политическая система создают благоприятные условия для эффективного использования человеческих, материальных и нематериальных ресурсов Китая.

Важным фактором послужила целенаправленная и устойчивая политика укрепления интеграции китайской экономики с международным экономическим пространством с сохранением при этом степени зависимости от мировой экономики на приемлемом уровне. Наоборот, стимулирование привлечения иностранного капитала и производство продукции с экспортным потенциалом позволяют Китаю наращивать свою долю на мировом рынке и увеличивать зависимость других стран от поставок своей продукции.

Для обеспечения устойчивого спроса на свою продукцию на мировом рынке Китай формирует собственную гибкую модель торгово-экономических отношений. Выверенные стратегические приоритеты, дополненные эффективными организационными и финансовыми механизмами, позволяют Китаю добиваться высоких результатов во внешней торговле. Особую практическую значимость имеют выводы о том, что китайские органы власти и бизнес в совместной деятельности заполняют все возможные лакуны по всей цепочке – от производства до продажи конечной продукции потребителю за рубежом.

В качестве рекомендаций для российской политики можно выделить тезис о необходимости при предоставлении мер поддержки фокусировать внимание на продукции с высоким потенциалом продаж на внешних рынках. Это особенно важно в условиях санкций, поскольку ориентирует компании не только на внутренние, но и на внешние рынки, тем самым поддерживая их глобальный уровень конкурентоспособности.

В качестве направлений дальнейших исследований в этой области выделим вопросы дисбалансов и негативных эффектов торговых войн в условиях высокоинтегрированной китайской экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Варнавский В. Мировая торговля: долгосрочные тренды и структурные сдвиги. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024, т. 68, № 1. С. 51–18. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-5-18
Varnavsky V. 2024. Global Trade: Long-Term Trends and Structural Changes. *World Economy and International Relations*. Vol. 68. № 1. Pp. 5–18. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-5-18
2. Варнавский В. Факторы роста и тренды мировой торговли. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2020. № 1. С. 51–62. DOI: 10.20542/afij-2020-1-51-62
Varnavsky V. 2020. Growth Factors and Trends of Global Trade. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. № 1. Pp. 51–62. (In Russ.). DOI: 10.20542/afij-2020-1-51-62
3. Schortgen F. 2018. China and the Twenty-First-Century Silk Roads: A New Era of Global Economic Leadership? In: Zhang W., Alon I., Lattemann C. (eds). *China's Belt and Road Initiative. Palgrave Studies of Internationalization in Emerging Markets*. Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 17–33. DOI: 10.1007/978-3-319-75435-2
4. Pei M. 2018. A play for global leadership. *J. Democracy*. Vol. 29. № 37. Pp. 37–51.
5. Zha D. 2015. China's economic diplomacy: Focusing on the Asia-Pacific region. *China Quarterly of International Strategic Studies*. Vol. 1. № 01. Pp. 85–104. DOI: 10.1142/S2377740015500050
6. Грузинов И.И. Концепция «китайской мечты» после XIX съезда КПК. Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов. Москва, ИДВ РАН. 2018. С. 108–114. <https://istina.ipmnet.ru/publications/article/157370931/> (accessed 05.11.2023)

- Gruzinov I.I. 2018. The concept of the “Chinese dream” after the XIX Congress of the CPC. A new era: China after the XIX Congress of the CPC. Materials of the annual scientific conference of the Center for Political Research and Forecasts. Moscow. Pp. 108–114. (In Russ.). <https://istina.ipmnet.ru/publications/article/157370931/> (accessed 05.11.2023)
7. Новосельцев С.В. Концепция «китайской мечты» и её практическое применение. *Сравнительная политика*. 2016. № 1 (22). С. 5–21. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-1(22)-5-21
- Novoseltsev S.V. 2016. The “China Dream” Concept and Its Practical Implementation. *Comparative Politics Russia*. Vol. 7. № 1(22). Pp. 5–21. (In Russ.). DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-1(22)-5-21
8. Носов М.Г. ЕС и Китай: торговля или стратегия. *Современная Европа*. 2018. № 6 (85). С. 5–17. DOI: 10.15211/soveurope620180517
- Nosov M. 2018. EU and China: trade or strategy. *Modern Europe*. № 6 (85). Pp. 5–17. (In Russ.). DOI: 10.15211/soveurope620180517
9. Изотов Д.А. Торговые взаимодействия КНР с российским рынком: проблемы интенсификации. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 10. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750028103-5
- Izotov D.A. 2023. Trade Interactions between China and Russia: Problems of Intensification. *Asia and Africa today*. № 10. Pp. 5–14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028103-5
10. Карелина Е.А. Изменение роли Китая в международной торговле товарами и услугами. *Вестник университета*. 2017. № 7–8. С. 108–113.
- Karelina E. 2017. Change of the China's Role in International Trade in Goods and Services. *Vestnik Universiteta*. № 7–8. Pp. 108–113. Moscow. (In Russ.)
11. Михеев В., Луконин С. Кризис-содержащие факторы развития КНР. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 5. С. 24–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-5-24-33
- Mikheev V., Lukonin S. 2023. Crisis-Containing Factors of the PRC's Development. *World Economy and International Relations*. Vol. 67. № 5. Pp. 24–33. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-5-24-33
12. Ткаченко М.Ф. Китайская модель экономической глобализации. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2023. № 2(36). С. 66–81.
- Tkachenko M. F. 2022. The Chinese Model of Economic Globalization. *Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the world*. № 2(36). Pp. 66–81.
13. Кудаяров У.Б. Большая стратегия Китая. *Вестник МГИМО*. 2022. № 6. С. 206–216. DOI:10.24833/2071-8160-2022-6-87-206-217
- Kudayarov U.B. 2022. China's Grand Strategy. *MGIMO Bulletin*. № 6. Pp. 206–16. (In Russ.). DOI:10.24833/2071-8160-2022-6-87-206-217
14. Ларин А., Матвеев В.А. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь». *Проблемы Дальнего Востока*. 2014. № 5. С. 5–15.
- Larin A., Matveev A. 2014. The Chinese Strategy of “Go West” and the New Silk Road. *Far Eastern Studies*. № 5. Pp. 5–15. (In Russ.)
15. Feng Yujin. 2019. China's strategy toward Central Asia: interests, principles and policy tools. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. Vol. 12. № 1. Pp. 23–39. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2019.102
16. Маслов А. Китайская идея торгового партнерства оказалась близка другим странам Азии. *PCMД*. 17.03.2020. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kitayskaya-ideya-torgovogo-partnerstva-okazalas-blizka-drugim-stranam-azii/> (accessed 19.11.2023)
- Maslov A. China's Idea of Trade Partnership has Turned Out To Be Close to Other Asian Countries. *RIAC*. 17.03.2020. (In Russ.). <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kitayskaya-ideya-torgovogo-partnerstva-okazalas-blizka-drugim-stranam-azii/> (accessed 19.11.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Хмелева Галина Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения стран Азии, Африки и Латинской Америки, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия.

Galina A. Khmeleva, Dr.Sc. (Economics), Professor, Chief Researcher, Center for the Study of Asian, African and Latin American Countries, Samara State University of Economics, Samara, Russia.

Гусева Мария Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра изучения стран Азии, Африки и Латинской Америки, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия.

Maria S. Guseva, PhD (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Center for the Study of Asian, African and Latin American Countries, Samara State University of Economics, Samara, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.03.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 16.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 20.06.2024

DOI: 10.31857/S032150750031365-3

Протестное движение в Иране в 2022 г.: испытание для политической стабильности

© Филин Н.А.^{a,b}, Ходунов А.С.^{a,c}, 2024

^a РГГУ, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0002-4764-6939; n.filin@rggu.ru

^c ORCID: 0009-0004-2854-0567; nalim13s@mail.ru

Резюме. В статье анализируется протестная активность в Иране осенью 2022 г. Протесты оказались беспрецедентными за всю послереволюционную историю Ирана как по масштабу, так и по радикализму требований и, вероятно, по количеству жертв.

Протестное движение можно определить как секулярное и тем самым полностью противопоставленное исламскому режиму и его ценностям. Активная фаза протестов продолжалась около 2 месяцев, а самой активной группой протестующих оказались светски настроенные женщины, которые требовали отмены исламских ограничений на одежду. В протестах приняли участие представители самых разных социальных групп: от студентов и среднего класса до городских рабочих и национальных и религиозных меньшинств, особенно мусульман-суннитов (курдов и белуджей). Власти смогли взять ситуацию под контроль различными мерами, однако наотрез отказались идти на уступки протестующим.

В настоящее время ситуация в Иране относительно спокойная в связи с улучшением экономической динамики, но возобновление протестов в ближайшие годы вполне возможно.

Ключевые слова: Иран, протесты, Махса Амини, Али Хаменеи, хиджаб, секуляризация, курды, белуджи

Благодарность. Статья подготовлена в рамках программы «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2023 г., проект «Социально-политическое развитие современного Ирана через призму текстов иранских СМИ».

Для цитирования: Филин Н.А., Ходунов А.С. Протестное движение в Иране в 2022 г.: испытание для политической стабильности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 7. С. 41–48. DOI: 10.31857/S032150750031365-3

Protest Movement in Iran in 2022: A Test for Political Stability

© Nikita A. Filin^{a,b}, Alexander S. Khodunov^{a,c}, 2024

^a Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0002-4764-6939; n.filin@rggu.ru

^c ORCID: 0009-0004-2854-0567; nalim13s@mail.ru

Abstract. The article analyzes protest activity in Iran in the autumn of 2022. The 2022 protests turned out to be unprecedented in the entire post-revolutionary history of Iran, both in scale and in the radicalism of demands and probably by the number of victims.

The active phase of the protests lasted about two months, and the most active group of protesters were secular-minded women who demanded the abolition of Islamic restrictions on clothing. The protests brought together representatives of a variety of social groups, from students and the middle class to urban workers and national and religious minorities, especially Sunni Muslims (Kurds and Baluchis). The authorities were able to take control of the situation through various measures (forceful actions and, subsequently, a broad amnesty in honor of the anniversary of the Islamic Revolution) and flatly refused to make concessions to the protesters.

Currently, the situation in Iran is relatively calm due to improving economic dynamics, but protests in the coming years are quite possible.

Keywords: Iran, protests, Mahsa Amini, Ali Khamenei, hijab, secularization, Kurds, Baluchis

Acknowledgement. The article was prepared within the framework of the program “Project Scientific Teams of the Russian State University for the Humanities” in 2023. The title of the project is “Socio-political development of modern Iran through the prism of Iranian media texts.”

For citation: Filin N.A., Khodunov A.S. Protest Movement in Iran in 2022: A Test for Political Stability. *Asia and Africa today*. 2024. № 7. Pp. 41–48. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031365-3

ВВЕДЕНИЕ

16 сентября 2022 г. оборвалась жизнь почти 23-летней курдской девушки-студентки Махсы (её курдское имя Жина) Амини после того, как её задержала полиция нравов.

Согласно официальной версии, причиной её смерти стал сердечный приступ. Оппозиционно настроенные иранцы не преминули обвинить в смерти девушки полицию нравов и в конечном счете сам исламский режим. В стране начались стихийные протесты, которые в скором времени охватили весь Иран и стали, возможно, самыми массовыми, а с точки зрения лозунгов и требований, без сомнения, самыми радикальными за всю историю исламского режима.

На первый взгляд, Иран динамично и успешно развивается в социальной, экономической и военной сфере. В стране строятся фабрики и заводы, крупные инфраструктурные объекты, наблюдаются благополучные для региона показатели здравоохранения и образования. Политический режим производит впечатление стабильного, устойчивого и поддерживаемого с помощью регулярных выборов.

Но если посмотреть глубже и внимательнее, можно заметить целый ряд достаточно негативных и тревожных процессов. Прежде всего, надо отметить жесткие западные санкции, навязываемые стране с 2012 г. и подразумевающие запрет экспортировать нефть – основной источник дохода страны (Иран её экспортирует в обход санкций, но с большими скидками). Санкции (наряду с серьезными ошибками в экономической политике) очень сильно повлияли на экономику: ВВП на душу населения Ирана в 2022 г. остался таким же, как в 2011 г., – \$15,3 тыс. и упал ниже среднемирового уровня¹.

Что касается внутривнутриполитической обстановки, на последних президентских (2021) выборах явка упала значительно ниже обычного уровня – до 50% (а на выборах 2009 г. – 85%). Важнейшей причиной столь низкой явки является исключение ярких реформистских кандидатов [1, с. 123–133]. Эта ситуация отражает процесс усиления влияния консерваторов в политической системе Ирана на фоне всё большего стремления граждан к политическим и социальным реформам, что вызывает разочарование избирателей.

Гораздо большая опасность для политической стабильности – постепенный отход всё большего числа граждан от поддержки существующего исламского режима.

Для Ирана в последние годы массовые несанкционированные акции протеста с десятками, а то и сотнями тысяч участников, многие из которых выдвигают бескомпромиссные лозунги против правящего исламского режима, стали уже обычным явлением. Следует отметить протесты в конце декабря 2017 г. – начале января 2018 г., а также в ноябре 2019 г. [2, с. 266–269]. А в сентябре 2022 г. в стране начались очередные масштабные протесты. Их активная фаза длилась 2 месяца – с середины сентября по середину ноября. В протестах участвовали около 2 млн человек в 160 больших и малых городах во всех провинциях Ирана, при этом было проведено 1200 протестных акций [3].

ХОД ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ОСЕНИ 2022 г.

Сразу после новости о гибели Махсы Амини протесты охватили её родной город Секкез и Сенендедж (иранский Курдистан). Очень скоро протесты перекинулись на Тегеран. Уже к 20 сентября массовые демонстрации прошли в 16 из 31 провинций страны. Постепенно протесты охватили все провинции.

Основными центрами протестного движения стали крупнейшие города, а также провинции, населенные национальными меньшинствами, особенно Курдистан и Западный Азербайджан, в котором значительную часть населения составляют курды, а также Систан и Белуджистан. Если говорить об основных лозунгах протестующих, то главным из них стал лозунг «Женщина, жизнь, свобода», возникший, по некоторым сведениям, среди курдской оппозиции. Этот лозунг отражал массовое участие в протестном движении женщин, требовавших отмены обязательного соблюдения заповеди об исламской одежде, разрешения одеваться свободно и не покрывать волосы. Причем впервые в протестах активно участвовали не только женщины и девушки-студентки, но и школьницы.

Как можно видеть, главное требование протестующих радикально противоречило одному из основных постулатов исламского режима, а именно: необходимо заставлять всех граждан соблюдать базовые

¹ World Bank. World development indicators online. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 07.02.2024)

исламские заповеди в общественных местах, особенно заповедь о целомудренной одежде, вне зависимости от их желания.

Среди других требований, часто повторявшихся в ходе демонстраций, были такие как ликвидация полиции нравов, справедливое расследование гибели Махсы Амини и наказание виновных, а также немедленная отставка рахбара (Верховного Лидера) Али Хаменеи и ликвидация исламского режима. Поэтому протестное движение можно однозначно определить как секулярное и тем самым полностью противопоставленное исламскому режиму и его ценностям [3]. Это не значит, что среди демонстрантов не было верующих мусульман. На фотографиях и видео демонстраций можно было видеть, в частности, некоторых женщин с покрытыми головами. Очевидно, что в протестном движении принимали участие также и мусульмане – сторонники светского государства, считающие исламский режим с его неразрывным соединением государства и религии устаревшим в современных условиях.

Власти Ирана, осознав, насколько многочисленны протесты, тем более с такими радикальными требованиями, немедленно приняли меры по их подавлению. В города с большим числом протестующих были введены силы, преданные режиму, – КСИР (элитное подразделение армии) и Басидж (народная милиция). Демонстранты уже имели опыт столкновения с силами правопорядка в прошлых протестах и поэтому решили изменить тактику: собирались и быстро расходились, переезжали из одного города в другой, стараясь скрыться от служителей режима. Чтобы протестующим было сложнее поддерживать связь, власти отключили интернет в дни особенно активных демонстраций, и тогда их участники перешли к СМС-сообщениям [4].

Протесты с достаточно большой силой продолжались примерно до середины ноября 2022 г., а затем стали постепенно затухать. Среди значительных последовавших событий необходимо назвать всеобщую забастовку 5–7 декабря 2022 г., в которой приняли участие работники многих важных предприятий (включая в том числе крупнейший нефтяной терминал страны в Бендер-Махшехре и крупнейшую транспортную компанию в Исфахане) из 63 городов. В дальнейшем протесты фактически сошли на нет (за исключением Захедана, где протесты постоянно проходили по пятницам), и даже годовщина смерти М.Амини не вызвала сколько-нибудь существенного всплеска протестной активности.

Следует сказать, что некоторые известные общественные деятели Ирана – спортсмены, актеры, художники, преподаватели университетов – выразили солидарность с протестующими. Протесты поддерживали также некоторые представители духовенства, прежде всего пятничный имам Захедана Моулави Абдул-Хамид Исмаилзахи, суннит, выступивший против дискриминации белуджей и за то, чтобы граждане Ирана определили подходящий режим на референдуме. Интересно, что среди белуджей, участвовавших в протестах, резко преобладали мужчины – верующие мусульмане, а протестующие женщины были одеты в платки и строгую исламскую одежду, что говорит о сохраняющейся очень высокой религиозности белуджей и резко контрастирует с остальной частью Ирана.

Протесты получили необычайную популярность во всем мире и особенно среди иранцев, проживающих в США и Западной Европе – в Берлине в их поддержку вышли 80 тыс. иранцев [5]. Лидеры западных стран осудили Иран за подавление протестов.

Что касается числа жертв, то между версиями властей и оппозиции существуют радикальные различия.

Если власти заявляют примерно о 200 погибших, среди которых, по их утверждению, большинство составили силы режима – полицейские, сотрудники КСИР и обычные сторонники исламского режима², то, по версии оппозиционной правозащитной организации *Iran Human Rights*, в ходе подавления демонстраций был убит 551 мирный житель (из них 136, или 25%, – в провинции Белуджистан, а 113, или 21%, – в двух преимущественно курдских провинциях), включая 49 детей и 60 женщин, а протестующие убили 68 служителей режима³.

Эти данные нуждаются в дополнительных независимых исследованиях, но очевидно, что число жертв было очень значительным, особенно в курдских и белуджских городах, где наблюдались наиболее ожесточенные столкновения между силами режима и демонстрантами. К тому же 7 участников протестов были казнены по обвинению в тяжелых уголовных преступлениях.

² 200 نفر در اغتشاشات اخیر جان خود را از دست دادند (200 people lost their lives during the recent unrests). (In Pers.). <https://mehrnews.com/news/5645721/> (accessed 08.02.2024)

³ One Year Protest Report: At Least 551 Killed and 22 Suspicious Deaths. Iran Human Rights. 15.09.2023. <https://iranhr.net/en/articles/6200/> (accessed 09.02.2024)

Впрочем, необходимо отметить и такой жест власти, как помилование 22 тыс. арестованных демонстрантов, не совершивших тяжких преступлений, которых отпустили на свободу в честь годовщины исламской революции в феврале 2023 г. Однако исламский режим наотрез отказался идти на какие-либо уступки по основным требованиям протестующих. Более того, контроль над ношением хиджаба женщинами был даже значительно ужесточен – теперь «нарушительниц заповедей» выявляют с помощью камер распознавания лиц и списывают с их карточек штраф (резко увеличившийся в прошлом году).

В настоящее время ситуация в стране остается стабильной вследствие некоторого улучшения экономической ситуации и резкого роста доходов от экспорта нефти. Но эта стабильность вряд ли сохранится надолго, учитывая очень серьезные противоречия между властью и значительной частью общества.

ПРОТЕСТЫ В ИРАНЕ И СИРИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Если посмотреть на протестные движения в других странах Ближнего Востока, то наиболее сходной с ситуацией в Иране окажется ситуация в Сирии, особенно в 2011 г., до её перехода в стадию гражданской войны. В отличие от Сирии, в которой режим (при серьезной внешней поддержке) смог пережить и протесты, и гражданскую войну, в других ближневосточных странах, где прошли массовые протесты, в частности в Египте и Тунисе, режимы не смогли удержаться и пали в течение нескольких недель, а в Ливии произошло полномасштабное внешнее вмешательство на стороне восставшей оппозиции, в результате которого режим Каддафи был свергнут.

Если обратиться к ходу протестов 2022 г. в Иране и протестов 2011 г. в Сирии, можно видеть, что они начались сходным образом и из-за очень похожего повода.

В Иране, как уже было сказано, протестующие обвинили полицию режима в убийстве девушки. В Сирии же протестующие обвинили службу безопасности в жестоком убийстве подростка Хамзы аль-Хатиба из города Дерья, который требовал отставки президента Башара Асада. И в Иране, и в Сирии (в последней не сразу, а через некоторое время) протестующие выдвигали радикальные лозунги с требованием полной ликвидации существовавшей политической системы и призывали к отставке или даже смерти лидеров – Хаменеи и Асада соответственно. В обеих странах также очень значительную роль играли экономические лозунги и требования улучшить уровень жизни и повысить зарплаты.

В обеих странах власти пошли на некоторые уступки (в частности, освобождение части задержанных, отставка некоторых непопулярных чиновников и повышение зарплаты некоторым категориям работников), однако протестующие в обеих странах сочли их совершенно незначительными и продолжили свою активность.

В обеих странах в протестах принимали участие самые разные социальные слои, причем особенно активную роль играли представители среднего класса, студенты и городская беднота. В обеих странах протесты охватили (хоть и в разной степени) все провинции и все основные города. Кроме того, и там и там наиболее активное участие в протестах приняли мусульмане-сунниты как дискриминируемая конфессиональная группа [о протестах в Сирии см.: 6, с. 51–74].

По данным одной правозащитной организации, занимающейся нарушением прав в ближневосточных странах (которые, впрочем, нуждаются в проверке), курды в Иране при 7% населения составили в 2018 г. 45% политзаключенных, а белуджи при 3% населения – 19% политзаключенных. То есть на эти два суннитских народа, составляющих менее 10% населения Ирана, приходится две трети политзаключенных. Многие курдские ученые, журналисты и активисты сообщают, что лично пережили дискриминацию по конфессиональному признаку, особенно при приеме на работу, и что курды не могут добиться расширения своих национально-культурных прав при существующем режиме [7].

В Сирии арабы-сунниты хоть и являются большинством населения, но в течение десятилетий находились в подчиненном положении по отношению к правящей конфессии алавитов (алавиты особенно резко преобладали на ключевых постах в правительстве и армии) и сталкивались с дискриминацией, особенно при приеме на работу и в плане обеспеченности районов их компактного проживания инфраструктурой. Курды-сунниты, составляющие до 15% населения, были дискриминированы в еще большей степени и ограничены в своих национальных правах, а многие до 2011 г. даже не имели сирийского гражданства⁴.

⁴ Syria's Kurds: from the margins to de facto autonomy. *France 24*. 30.01.2018. <https://www.france24.com/en/20180130-syrias-kurds-margins-de-facto-autonomy> (accessed 10.02.2024)

Но на этом сходство не заканчивается. Нужно обратить внимание, что дискурс иранских и сирийских властей насчет причин и хода протестов в их странах полностью совпадает. И иранские, и сирийские официальные лица обвиняли прежде всего внешние силы в попытках политической дестабилизации.

По их утверждениям, массовые протесты спровоцировала пропаганда некоторых стран Запада, Израиля и аравийских монархий через подконтрольные им СМИ с целью свержения независимых и патриотически настроенных правящих режимов, которые мужественно борются против коллективного Запада во главе с США и Израилем, стремясь не допустить их господства над Ближним Востоком. При этом основную часть преступлений в ходе демонстраций, по версии властей обеих стран, совершили иностранные террористы – наемники в союзе с местными радикальными элементами. Зарубежную оппозицию, поддержавшую смену режима, власти обеих стран считают западной агентурой, действующей по приказам заокеанских руководителей против интересов большинства иранского и сирийского народа [8, с. 338–343].

Верховный лидер Ирана аятолла Хаменеи заявил, что главную роль в разжигании протестных настроений сыграли зарубежные СМИ на персидском языке, в результате чего многие иранцы были обмануты и поверили ложным слухам о якобы полной несостоятельности режима. Ситуацией воспользовались преступники, руководимые западными структурами, которые начали сеять хаос, уничтожать государственное имущество и убивать солдат, полицейских и мирных жителей. Кроме того, в ходе беспорядков были случаи сожжения Корана, разрушения мечетей и явного неуважения к флагу и гимну страны.

Аятолла Хаменеи добавил, что все виновные должны быть наказаны строго по закону, без своеволия со стороны судебных органов, а с «заблудшими демонстрантами», невиновными в преступлениях, надо серьезно работать и убеждать их поддержать исламский режим и перестать верить пропаганде прозападных СМИ, работающих против Ирана и его народа. Хаменеи признал наличие проблем в экономике, заявив при этом, что зато в сфере науки, медицины и инфраструктуры страна совершила огромный прогресс, но злонамеренные зарубежные СМИ скрывают это⁵.

В свою очередь, президент Сирии Башар Асад, говоря о причинах нестабильности в своей стране, подчеркнул, что основной вклад в дестабилизацию внесли вооруженные банды, прибывшие из-за рубежа, поддерживаемые главными странами Запада и реакционными арабскими режимами и целенаправленно убивавшие мирное население, сотрудников полиции, армии и спецслужб; к ним позднее присоединились и местные экстремисты. Некоторые неосознательные сирийцы участвовали в демонстрациях за деньги от зарубежных структур.

В то время как основная часть протестующих, по его словам, «любит свою страну, но не знает, как правильно выразить свою любовь», и поэтому подверглась влиянию иностранной пропаганды и вышла на улицы требовать свержения режима. Президент добавил, что необходимо провести огромную работу с той частью сирийской молодежи, которая пошла за Западом против своей страны, чтобы наставить её на путь истинный. При этом Асад похвалил сирийскую армию за то, что она понесла большие жертвы и проявила «редкостное мужество перед лицом убийств и терроризма»⁶.

Более того, дискурс иранской и сирийской протестующей оппозиции также оказался практически одинаковым. В обоих случаях оппозиционеры обвиняли режим в массовых убийствах демонстрантов (преимущественно выходцев из традиционно суннитских этноконфессиональных групп), а некоторые даже называли свои режимы «оккупационными», как, например, проживающий в США иранский социолог Асеф Баят, утверждающий, что «колониальный гнет» иранского режима особенно остро чувствуют на себе женщины [3].

В этом плане очень характерны дебаты между деятелем сирийского режима, членом правящей партии Баас и преподавателем Дамасского университета Бассамом Абу Абдаллой и его оппонентом, одним из лидеров сирийской зарубежной оппозиции Ваэлем Хафезом.

(Revolution) رهبر انقلاب: بدون شک این بساط شرارت جمع خواهد شد/ عاملان جنایت و آن کسی که با تبلیغات آنها را وادار به این کارها کرده، باید مجازات شوند⁵
 Revolution Leader: Surely this evil will be defeated. The perpetrators of the crime and the people who used propaganda to force them to do so must be punished). (In Pers.). <https://farsnews.ir/news/14010828000179/> (accessed 14.02.2024)

الرئيس الأسد: العملية السياسية تسير إلى الأمام والفصل بينها وبين الإرهاب أمر أساسي للوصول إلى حل للأزمة. أبواب سورية مفتوحة لكل من يريد إصلاحاً حقيقياً⁶ (President Assad: The political process is moving forward, and separating it from terrorism is essential to achieving a solution to the crisis. The doors of Syria are open to everyone who wants real reforms and honest dialogue). (In Arab.).
الرئيس -الأسد- العملية-السياسية-تسير -إلى-الأمام-والفصل-بينها-وبين-الإرهاب-أمر-أساسي-للاوصول-إلى-حل-للأزمة. -أبواب- (http://mofoax.gov.sy/ar/pages/173/ accessed 15.02.2024) سورية-مفتوحة-لكل-من-يريد-إصلاحاً-حقيقياً-وحواراً-صادقاً

Хафез как бы восхищался сирийским протестным движением, заявляя, что протестующие сирийцы на улицах проявляют «беспримерный в мировой истории героизм и храбрость» и что «великая и благословенная сирийская революция» имеет такое же колоссальное значение для всего мира, как изобретение электричества и даже рождение Христа. При этом он всюду ругал правящий режим, называя его «оккупационным» и «жестоким» и обвиняя войска режима в применении огнестрельного оружия и даже танков против безоружных демонстрантов, в результате чего протестующие понесли большие потери: «15 тысяч мучеников и тысячи раненых».

В.Хафез также заявил, что именно оппозиционное протестное движение, а вовсе не режим, является «истинным голосом сирийского народа». В то же время его оппонент говорил, что сирийскую зарубежную оппозицию внутри страны никто не поддерживает и что так называемая «революция» не представляет из себя ничего, кроме жестоких убийств экстремистами и проникшими извне террористами сирийских военных, полицейских и обычных граждан. Он также обвинил оппозицию, что она с помощью Запада тянет страну в полномасштабный кровавый хаос, как произошло в Ливии⁷.

Иранские официальные лица, особенно религиозные деятели, вступая в заочную полемику с оппозиционерами, выдвигают практически такие же аргументы, что и Б.Абу Абдалла по отношению к сирийской протестующей оппозиции, добавляя еще обвинения в осквернении и разрушении религиозных святынь под предлогом протеста против режима и достижения свободы, а также в стремлении разрушить религиозность иранцев, в частности путем борьбы против ношения хиджаба – «величайшего благословения, которое Бог дал женщинам», чтобы Запад смог легче добиться контроля над иранским обществом⁸.

Если перейти к имеющимся отличиям ситуации в двух рассматриваемых странах, то наиболее очевидным является характер режима, против которого выступают демонстранты, – в Иране это консервативная исламская теократия (подробнее см. [9, с. 231–234]), а в Сирии – последовательно светский (хотя и не атеистический) режим. Важным отличием также является гораздо меньшая религиозность представителей иранской оппозиции по сравнению с сирийской, которая часто апеллирует к исламу и исламским ценностям, обвиняя светский режим Асада в отходе от традиционных религиозных норм. Иранские же оппозиционеры в основном делают акцент на западных демократических ценностях (хотя о них иногда говорят и лидеры протестующих сирийцев) и, наоборот, жалуются на чрезмерное навязывание религии режимом.

Более того, в иранском обществе в последнее время всё больше наблюдаются тенденции отхода не только от поддержки исламского режима, но и от исламской религии в целом – прежде всего это касается персов-шиитов. Бывшие мусульмане переходят в атеизм, а также в зороастризм, который многие выбирают как традиционную иранскую религию. В среде бывших мусульман Ирана, особенно симпатизирующих зороастризму, иногда встречается ненависть к арабам, ненависть к исламу как к «навязанной арабами религии» и стремление избавиться от всех арабских элементов в языке и культуре Ирана⁹ [10, с. 138–139].

Подобные взгляды означают серьезную опасность для исламского режима, а во многом и для традиционной ирано-исламской культуры. Тем более что самые радикальные круги среди атеистов и зороастрийцев в своей эмоциональной злобе к исламской культуре не останавливаются перед такими вопиющими преступлениями, как убийства представителей духовенства, – например, в апреле 2022 г. в мавзолее имама Резы в Мешхеде были убиты двое священнослужителей-шиитов, а в мечети города Гомбеде-Кабус были расстреляны двое суннитских духовных лиц¹⁰. Убийц не останавливает даже наличие в стране серьезных средств госбезопасности.

В Сирии не только не существует подобной неприязни к исламу среди оппозиции, но и, наоборот, жители восставших городов и регионов обычно начинали еще более тщательно соблюдать религиозные исламские нормы в частной и общественной жизни. Также среди протестного движения в конце 2011 –

⁷ المجلس الوطني السوري (Syrian National Council). (In Arab.). <https://www.aljazeera.net/programs/opposite-direction/2011/10/16/المجلس-الوطني-السوري> (accessed 11.02.2024)

⁸ هدف اغتصابات اخير ضربه زدن به دين و روحانيت بود (The aim of recent riots was to attack religion and clergy). (In Pers.). <https://isna.ir/news/1401100402135> (accessed 15.02.2024)

⁹ Disenchanted Iranians are turning to other faiths. *The Economist*. 21.01.2021. <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2021/01/21/disenchanted-iranians-are-turning-to-other-faiths> (accessed 17.02.2024)

¹⁰ Iran stabbing attack leaves 1 dead, 2 injured at holy shrine. *Associated Press*. 06.04.2022. <https://apnews.com/article/iran-middle-east-tehran-3797386b74d580cc55e375764d8da8c2> (accessed 13.02.2024)

первой половине 2012 г. наблюдался быстрый рост популярности политического ислама, а в некоторых случаях такое опасное явление, как рост радикального исламизма, что сопровождалось ненавистью к алавитам как «еретикам» [6, с. 87].

Протесты в Сирии продолжались значительно дольше, чем в Иране, а процент сирийцев, принимавших участие в протестах, оказался значительно большим, чем процент иранцев, что можно в значительной степени связать с очень большим количеством молодежи – до 1 миллиона, прибывшей в сирийские города из деревень в результате сильнейшей засухи 2007–2010 гг. и неудачной экономической реформы.

Кроме того, в сирийском населении доля молодежи в 2011 г. была гораздо выше, чем в Иране в 2022 г. из-за гораздо более высокой рождаемости, что придало протестам намного больший размах. Именно демографический фактор в Сирии в значительной степени (наряду с жесткими действиями некоторой части сирийской армии и полиции) способствовал переходу изначально в основном невооруженных протестов в полномасштабную гражданскую войну [6, с. 164].

Стоит также кратко упомянуть о характеристике последней волны иранских протестов в официальных иранских СМИ (а именно – агентство ИРНА). Слово «беспорядки» для их описания использовалось в материалах агентства в 4803 случаях, «бунты» – в 1864 случаях. Что касается нейтральных терминов, то термин «протесты» был употреблен в 4168, а «собрания» – в 529 случаях. Очевидно, что в официальных СМИ заметно преобладает негативная оценка протестов (в 1,4 раза чаще, чем нейтральная), что связано с большим масштабом и радикализмом протестов, вызвавших серьезное беспокойство властей¹¹.

Провести такой же анализ сирийских официальных СМИ не было возможности, однако при чтении СМИ и речей высшего руководства Сирии, даже без статистического подсчета, сразу бросается в глаза очевидное преобладание негативной характеристики протестного движения. Причем там для описания протестов употребляются еще более жесткие слова, чем в Иране, чтобы показать их преимущественно деструктивный характер (по версии властей): «терроризм», «бандитизм», «иностранные наемники», «мятеж и разрушение родины»; «вооруженные группировки, проводящие диверсионные операции» и др.

О той части протестующих, которая не применяла насилие, говорится, что им свойственна «неадекватность и ограниченность видения» и поэтому они «ошибаются», следуя за «иностранными заговорщиками», надеясь улучшить положение страны, но не догадываясь об их истинных целях¹².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, можно сделать вывод, что Иран в 2022 г. оказался охваченным беспрецедентными по масштабу протестами с конца 1970-х гг., а их требования были самыми бескомпромиссными за всю историю исламского режима. Протесты также носили подчеркнуто секулярный характер и открыто посягали на основные принципы исламского режима. Протестующим, несмотря на столь большую активность, не удалось добиться выполнения ни одного из своих главных требований.

Протесты привели к многочисленным жертвам, а инфраструктуре и экономике был нанесен значительный ущерб. Однако в настоящее время ситуация в Иране, очевидно, успокоилась, во многом за счет улучшения экономической ситуации и резкого роста доходов от экспорта нефти.

Но нельзя исключать возобновления интенсивных протестов в случае отсутствия серьезных политических реформ.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Филин Н.А., Кокликов В.О., Ходунов А.С. Избирательная система Исламской республики Иран. *Современные избирательные системы*. Вып. 16: Иран, Латвия, Литва. Ред. В.И.Лафитский. М.: РЦИОИТ, 2021.

¹¹ آرشیو خبرگزاری ایرنا (Archive of the Information Agency IRNA). (In Pers.). <https://www.irna.ir/search?q> (accessed 12.02.2024)

¹² المعلم: تقرير المراقبين لم يعجب أصحاب المخطط ضد سورية. الحل السوري ينبع من مصالح الشعب. موقف القيادة حازم وقوي تجاه ما تتعرض له سورية في الداخل والخارج (Al-Muallem: The observers' report did not please those who were plotting against Syria. The Syrian solution is based on the interests of the people. The leadership's position is firm and strong regarding what Syria is being subjected to at home and abroad). (In Arab.). <http://mofaex.gov.sy/ar/pages236/-موقف-القيادة-موقف-الشعب-مصالح-الشعب-الحل-سوري-ينبع-من-مصالح-الشعب> (accessed 15.02.2024)

- Filin N.A., Koklikov V.O., Khodunov A.S. 2021. Electoral system of the Islamic Republic of Iran. *Modern electoral systems. Vol. 16: Iran, Latvia, Lithuania*. Ed. V.I.Lafitskiy. Moscow. (In Russ.)
2. Ходунов А.С. Массовые протесты в Иране в 2017–2019 гг.: причины, ход событий, итоги. *Власть*. 2021. № 5. С. 266–270. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8570>
Khodunov A.S. 2021. Mass protests in Iran in 2017–2019: causes, course of events, results. *Vlast*. № 5. Pp. 266–270. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8570>
 3. Bayat A. 2023. Is Iran on the Verge of Another Revolution? *Journal of Democracy*. Vol. 34. № 2. Pp. 19–31.
 4. Дунаева Е.В., Мамедова Н.М., Сажин В.И. Иран: проблемы и протесты. *Восточная аналитика*. 2022. Т. 13. № 3. С. 9–30.
Dunaeva E.V., Mamedova N.M., Sazhin V.I. 2022. Iran: problems and protests. *Eastern Analytcs*. Vol. 13, № 3. Pp. 9–30. (In Russ.)
 5. Bellaigue C. Iran's moment of truth: what will it take for the people to topple the regime? *The Guardian*. 06.12.2022. <https://www.theguardian.com/world/2022/dec/06/irans-moment-of-truth-what-will-it-take-for-the-people-to-topple-the-regime> (accessed 14.02.2024)
 6. Ахмедов В.М. Сирийское восстание: история, политика, идеология. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. 196 с.
Akhmedov V.M. 2018. Syrian uprising: history, politics, ideology. Moscow. 196 p. (In Russ.)
 7. Akbarzadeh Sh., Shahab Ahmed Z., Laoutides C., Gourlay W. 2019. The Kurds in Iran: balancing national and ethnic identity in a securitized environment. *Third World Quarterly*. Vol. 40. Iss. 6. Pp. 1145–1162. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436597.2019.1592671>
 8. Филин Н.А., Кокликов В.О., Ходунов А.С. Массовые протестные акции в Иране осенью 2022 г.: факторы, динамика, реакция властей. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2023. № 4. С. 332–346.
Filin N.A., Koklikov V.O., Khodunov A.S. 2023. Mass protests in Iran in the autumn of 2022: factors, dynamics, reaction of the authorities. *RSUH/RGGU Bulletin*. Series: Political Science. History. International Relations. № 4. Pp. 332–346. (In Russ.)
 9. Филин Н.А. Легитимация власти Верховного лидера (рахбара) Ирана согласно интерпретации основных иранских политических и религиозных деятелей. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2020. № 4. С. 230–238.
Filin N.A. 2020. Legitimation of the power of the Supreme Leader (rahbar) of Iran according to the interpretation of the major Iranian political and religious figures. *RSUH/RGGU Bulletin*. Series: Political Science. History. International Relations. № 4. Pp. 230–238. (In Russ.)
 10. Филин Н.А., Ходунов А.С. Некоторые особенности персидской культуры поведения в контексте историко-культурной идентичности персидского народа. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2019. № 3. С. 131–147.
Filin N.A., Khodunov A.S. 2019. Some peculiarities of the Persian culture of behavior in the context of historical and cultural identity of the Persian people. *RGGU Bulletin*. Series: Political Science. History. International Relations. № 3. Pp. 131–147. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Филин Никита Александрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой современного Востока и Африки факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук РГГУ, Москва, Россия.

Ходунов Александр Сергеевич, преподаватель, кафедры современного Востока и Африки факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук РГГУ, Москва, Россия.

Nikita A. Filin, Dr.Sc. (History), Associate Professor, Head, Department of Modern East and Africa, Faculty of Oriental Studies and Social and Communication Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Alexander S. Khodunov, Lecturer, Department of Modern East and Africa, Faculty of Oriental Studies and Social and Communication Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.04.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 11.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 19.06.2024

Gender and Demographic Aspects of the Arab Spring Protests: Youth Bulges, Women's Participation and the Role of Internet

© Alisa R. Shishkina^{a,b}, 2024

^a HSE University, Moscow, Russia

^b Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-2544-9184; alisa.shishkina@gmail.com

Abstract. This article is aimed at studying the inclusion of women in the processes of political participation using the example of the Arab Spring protests. New information technologies and, in particular, social media allowed women to participate in the Arab Spring demonstrations as organizers, activists and journalists. Due to the fact that men in the region in question tend to dominate the traditional media space, cyber activism has allowed women to express themselves both within a specific country and on an international scale.

The author comes to the conclusion that the inclusion of women in protest mobilization is reasonable to consider in the context of general demographic trends in the countries under consideration. In this case, we are talking primarily about the phenomenon of youth bulges in some Arab countries, a noticeable proportion of unmarried men, which may be one of the causes of increased destabilization in Arab countries, as well as the intensive spread of Internet communication tools which became the hallmark of the Arab Spring cohort.

Keywords: Arab Spring, women's participation, "youth bulge", demographic factors, protests

Acknowledgement. The author acknowledges Saint-Petersburg State University for a research project 116471555.

For citation: Shishkina A.R. Gender and Demographic Aspects of the Arab Spring Protests: Youth Bulges, Women's Participation and the Role of Internet. *Asia and Africa today*. 2024. № 7. Pp. 49–56. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750 31389-9

Гендерные и демографические аспекты протестов «арабской весны»: «молодежные бугры», женское участие и роль Интернет-технологий

© Шишкина А.Р.^{ab}, 2024

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^b СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0000-0002-2544-9184; alisa.shishkina@gmail.com

Резюме. Цель статьи – изучение включения женщин в процессы политического участия на примере протестов «арабской весны». Автор полагает, что включение женщин в протестную мобилизацию разумно анализировать в контексте общих демографических тенденций в рассматриваемых странах. В данном случае речь идет прежде всего о феномене «молодежного бугра» в некоторых арабских странах, заметной доле неженатых мужчин, что может быть одной из причин усиления тенденций дестабилизации в арабских странах.

Ключевые слова: «арабская весна», женское участие, «молодежный бугор», демографические факторы, протесты

Благодарность. Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 116471555.

Для цитирования: Шишкина А.Р. Гендерные и демографические аспекты протестов «арабской весны»: «молодежные бугры», женское участие и роль Интернет-технологий. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 7. С. 49–56. DOI: 10.31857/S032150750031389-9

INTRODUCTION

A series of mass protests in Arab countries started in 2011 drew attention to the role of civil society and social movements in the processes of democratic transition. Generally, the discussion and study of these process-

es, the role of the minority is not paid too much attention, while the events of the Arab Spring demonstrated the transformation in the position of some groups, and, in particular, women as minorities in the political arena of Arab countries [1]. Women's participation in the protests of the Arab Spring was not limited to the direct access to the demonstrations; they were included in the process of preparation of protest actions and cyber-activism [2].

It should also be noted that new technologies and, in particular, social media allowed women to participate in the demonstrations of the Arab Spring as organizers, activists and journalists [3]. Since male population of the region tends to dominate in the space of traditional media, cyberactivism allow women to express themselves, both within a particular country and internationally. Social media thus become a tool for women's participation in revolutionary actions, blurring the distinction between social and political networks.

At the same time, women were able to neutralize the aggressiveness inherent to community groups consisting mostly of men. For example, women are usually working in textile factories, but in a factory in al-Mahalla al-Kubra where mostly men worked, a strike began the revolutionary events in Egypt in 2011. Presumably, the presence of women would reduce the level of activity and the desire to go out into the streets.

Currently, the so-called Third World countries with the active participation of the representatives of "women" movements have made some progress in the area of women's rights – in particular, the right of women to higher education was confirmed.

According to the World Bank, in some Arab countries, especially those that were covered by the protest wave in 2011–2012, the literacy rate has increased compared to 1990. Some researchers also note that eliminating the educational gender gap is a relatively recent phenomenon. For many girls, education is the only mechanism of socialization outside the family, and in some countries the level of women's education is closer to the male figure, or even has exceeded it.

However, in many regions of the world, women are still people of the "second-class" experiencing difficulties in exercising the right to employment, the possession of property, participation in political life. Indeed, despite the improvement in access to higher education, the employment of women is a great problem, there are paradoxically few women in politics and their level of employment is low.

The situation is aggravated by durable rooting of the traditional practices in the minds of women themselves. For example, wearing a headscarf in many countries is not perceived as a social constraint or oppression. Moreover, woman's perception of the world of Arab countries quite constructively includes fairly extensive regulations of life inherent in the Islamic tradition which traditionally sees a higher purpose of women in creating comfort and education of children.

Despite the fact that in the Koran there are no direct instructions to what women should be engaged, the references to established practices are used. In particular, the early marriage is traditionally common in the Arab countries. Sometimes the real age of a girl is hidden by her family for the purpose of early marriage. This behavior is primarily due to religious beliefs noted above, according to which family is a sacred duty. In addition, the important role is played by the growing desire to have children, both of men and women, as well as the desire to save the family's honor, preventing extramarital sexual relations by early marriage.

Thus, there is in some sense a paradoxical situation in which women of the Arab world, on the one hand, continue to remain in the traditional dimension that does not encourage their social and political activity, but, on the other hand, those women and girls who have been educated, show extraordinary activism and are involved in various social and political processes, including protest ones. Such activism is largely fueled by discontent of the young educated people with their social position and inability to obtain the status corresponding to their education and ambitions.

As is well known, unemployed young people with higher education concentrated mainly in the big cities become the main driving force of the Arab Spring protests. This phenomenon is known as "youth bulge".

In relation to the Arab Spring protests, potentially destabilizing factors often include the significant involvement of women in protest movements compared to previous periods [1]. The destabilizing potential of this indicator manifested itself quite clearly during the events of the Arab Spring, especially against the backdrop of the growing popularity and accessibility of the latest media and communications. The participation of women in protest movements is discussed in the works of Dutch political scientist M. Glasius and British histo-

rian G.Pleyers [4], American women's studies researcher S.Khamis [5], Russian sociologists L.Grinin and A.Korotayev [6], and others.

The French sociologist M.Duverger wrote back in 1955 that real political change would be possible only when society had succeeded in changing the dominant political discourse and destroy the deeply rooted belief in the natural inferiority of women [7].

Almost 50 years later, American political scientists R.Inglehart and P.Norris found that a gender gap exists in almost all societies and at all levels of political participation, with women being less active than men in both traditional forms of activism (debating, voting, membership in parties, etc.) and in non-traditional ones (protests, demonstrations and boycotts). This gap can be explained by various factors – structural, religious, cultural, as well as traditional, however, when studying protest activity, the authors came to the conclusion that, in post-industrial societies, this kind of gap was significantly reduced in the presence of social differences in such indicators as education or religiosity.

In addition, R.Inglehart and P.Norris note that the gender gap in political participation is narrowing when it comes to protest activity, more so than in other forms of political participation, and that modernization of society, secularization and generational change are helping to close gender gaps in political participation field [8].

Despite the fact that women's participation has become a fairly important part of the realization of the protest potential in the countries of the Arab Spring, it has not yet been sufficiently studied, as it is often perceived as part of the feminist movement [5]. At the same time, the participation of Arab women in protests is practically unrelated to feminist movements and even feminist thought, which, in turn, played an important role in a kind of equalization of different-sex participants in protests, who in this case were united by the common goals of the revolutionary wave.

Thus, we can state that this phenomenon is rooted to a greater extent not in achieving gender equality (among the slogans of the Arab Spring in the squares and in the virtual space there were no purely “feminine” demands; all of them were aimed either at solving abstract social problems or, subsequently, pursued political goals in the form of overthrowing the current regime), but in the pursuit of political participation. M.Glasius and J.Pleyers write about it this way: “This simultaneous demand and practice of deep participatory democracy goes far beyond the traditional demands for civil and political rights associated with liberal democracy” [4].

It is likely that one of the reasons that brought Arab women into the political arena during the Arab Spring protests was the fairly high level of education in the countries analyzed, as well as the introduction of significant masses of the population to the latest technical advances in the information sphere, which allowed women to participate in protest actions not only directly, “in the streets” (which, given the specifics of Arab countries, in some cases presents serious difficulties due to security), but also in a relatively “protected” virtual space.

The fairly high level of education among urban youth, including girls, also quite likely contributed to overcoming the restrictions imposed by the Islamic tradition on the active involvement of women in work and public life [9], since some researchers, in particular American demographers M.Hoffman and A.Jamal, note that the Arab Spring generation is less religious compared to other cohorts [10].

WOMEN'S PARTICIPATION IN THE ARAB SPRING PROTESTS

Quite active (compared to previous periods) participation of women in protest movements can serve as a striking example of inclusion in protest activity, based on a growing level of national identification: people acted not only in defense of their own interests, but were ready to take responsibility for socially vulnerable segments of society.

Social media has become a tool for women to engage in revolutionary action, blurring the distinction between social and political networks. Thus, women's participation in the Arab Spring protests was not limited to direct participation in demonstrations; they were involved in the processes of preparing protest actions and the space of cyberactivism. Internet platforms have become loci of accumulation of popular discontent, especially inspired by female images. There are many examples of virtual communities created and successfully developed by women in each country.

It is noteworthy that the study of women's perception of the political situation in a crisis and their vision of revolutionary activity helps to better understand the transformation of protest sentiments and the degree of frustration inherent in the post-revolutionary period after the overthrow of the previous regime.

Let us turn to the consideration of women's participation in protest actions in Arab countries. Data on women's participation in the Arab Spring can be accessed from Arab Social Media Report¹, The World Bank², American sociologists J.Retta [11], L.Lengel [12] and S.Stephan [13]. Due to the unavailability of sufficient statistical data on the number of women participants in protest movements in the countries of the Arab Spring, this indicator was assessed on the basis of analytical materials, reports of the Arab Media Group based in the UAE, as well as research literature on relevant topics.

To track this indicator, the countries were selected that faced the most pronounced manifestations of socio-political instability (Tunisia, Egypt, Libya, Syria), as well as those Arab countries in which protests were observed, but there was no noticeable change in the political situation (Bahrain, Morocco, Algeria, Yemen, Lebanon). Thus, we can see that an increased level of women's involvement in protest actions was recorded in countries such as Tunisia, Egypt, Libya, Bahrain, Yemen and Lebanon. So, women's participation in political processes may be a common sign of the wave of socio-political destabilization of the Arab Spring.

GENERAL DEMOGRAPHIC TRENDS IN ARAB SPRING COUNTRIES

For a more comprehensive understanding of the phenomenon under consideration, it is advisable to consider the factor of women's participation in conjunction with the general demographic situation in the countries of the Arab Spring.

The driving force behind the Arab Spring protests were young people, most of whom had higher education and were dissatisfied with the possibilities for their social fulfillment [14, 15]. The number of young people in the Arab world is constantly growing. Thus, 30% of the population of North African countries is young people aged 14 to 25 years³. In addition, the Middle East has one of the highest "youth bulges" (a sharp increase in the proportion of youth in the total population and in the adult population in particular [16]) in the world, second only to sub-Saharan African countries [17].

The conceptual basis of this article lies at the intersection of the areas of youth sociology (which considers youth as a social community, its value orientations and mobility, but does not take into account the cultural, political and psychological aspects of this population group) and juvenology (which, in relation to the study of youth, covers such areas as politics, history, culture, education, religion, etc., but in most cases based on psychoanalytic constructs [18; 19]). The sociology of youth, the foundations of which were laid by Hungarian sociologist K.Mannheim in 1923, states that people are largely influenced by the socio-historical environment and, in particular, by notable events in which they are actively involved [20]. This is most typical for young people, whose representatives, based on their experience, become agents of change and events that shape future generations [21].

It is worth noting that currently there is no generally accepted definition of adolescence and young adulthood. For example, according to United Nations statistics, youth are defined as persons aged 15–24 years (in some cases 15–32 years)⁴. This definition is relevant for this study, since the group being studied includes university students or graduates.

The most appropriate concept for this study is a generation, defined as a group of people of the same age whose members experienced an important historical event during a certain period of time [20].

According to the theory of demographic transition, which describes a radical change in the types of population reproduction [22, 23], a decrease in mortality and the transformation of its causes in the future are accompanied by a decrease in the birth rate and stabilization of population growth rates. However, this does not hap-

¹ Arab Social Media report. 2011. Dubai School of Government. <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/dsg/unpan044212.pdf> (accessed 18.11.2023)

² The World Bank. 2011. World Development Indicators Online. Washington DC: World Bank. <http://data.worldbank.org/indicator/> (accessed 24.02.2024)

³ <http://www.usaid.gov/press/releases/2011/pr111114.html> (accessed 14.07.2023)

⁴ <http://www.un.org/esa/socdev/documents/youth/fact-sheets/youth-definition.pdf> (accessed 17.11.2023)

pen immediately, resulting in a “population explosion”. An important factor in reducing mortality in Middle Eastern countries was the development of healthcare systems, as a result of which the number of qualified doctors per capita has increased significantly over the past 50 years, fairly developed networks of medical centers have emerged, full vaccination of the population has been introduced, etc.

Based on the assumption that since the Arab countries, on the eve of the destabilization processes of the Arab Spring, were experiencing the stage of “a trap at the very exit from the trap”⁵, we can conclude that a significant decrease in mortality, including infant mortality, led to the formation of a “youth bulge”. As a result, as noted by A.Korotaev et al., “there was a sharp increase in the proportion of that very part of the population that is most prone to violence, aggression and radicalism, which itself acted as a powerful factor of political destabilization” [6]. Thus, we can consider the number of young people in the countries under consideration as one of the potentially destabilizing factors, focusing on their achieving the phenomenon of a “youth bulge”.

Norwegian historian H.Urdal notes that large youth clusters increase the susceptibility of countries to political violence [16]. Thus, analyzing empirical data on armed conflicts in the period from 1950 to 2000, he concludes that youth bulges provide ample opportunities for violence, as they are accompanied by an increase in the proportion of young people who do not have a wide range of social alternatives in society, which is partly appears to be associated with unemployment.

World Bank data demonstrates the dynamics of population growth in Arab countries in recent decades⁶.

For a more visual examination of the generational structure of society in some countries of the Arab Spring, let us turn to the so-called age-sex pyramids, a method showing the distribution of different age groups, as well as the ratio between the number of female and male populations in a specified period of time [22].

The age-sex pyramids of the Arab Spring show that there was practically no significant numerical difference in the gender structure of Arab societies at the beginning of the Arab Spring. However, we can see that in the demographic structure of society in Arab countries that have experienced a wave of anti-government protests, a significant part is made up of young people aged 20–30 years. At the same time, again, both parts of the age-sex pyramid are symmetrical, that is, there are practically no differences between the male and female populations. Next, consider the youth population in some Middle Eastern countries. Thus, according to the data of US Bureau of the Census, in 2011 youth account for between 50 and 73% of the total population in most Middle Eastern countries, with the largest being people aged 25–30, followed by the 15–25 year old group, and the smallest group of youth is under 15 years old⁷.

An important aspect to consider when analyzing the gender and demographic characteristics of Arab Spring countries is the level of urbanization, or the proportion of the population that is urban⁸. Thus, A.Korotaev et al. note that migration from the village to the city occurs mainly among young people, and thus, intensive urbanization and the “youth bulge” factor act together making the destabilizing effect especially powerful: “The number of young people, most radically minded part of the urban population, is growing especially rapidly, while such youth are concentrated in the largest cities/political centers” [6].

Russian sociologist S.Tsirel, in the article “Conditions for the emergence of revolutionary situations in Arab countries”, identifies a set of variables that characterize the intensity of revolutionary actions, among which, for the purposes of this work, it is especially worth noting such indicators as higher education and youth unemployment [25].

Thus, the next characteristic of the Arab Spring generation was the presence of higher education among a very high proportion of its representatives, which was simultaneously associated with increased unemployment and the discrepancy of social conditions with the expectations of young people studying at universities or re-

⁵ We are talking about a Malthusian trap, a situation describing pre-industrial societies and connected with the increase in the production of means of subsistence and overtaking demographic growth, while at the same time lagging growth in per capita production in the long term, as well as the lack of improvement in the living conditions of a significant part of the population. See [24].

⁶ Opening Doors: Gender Equality and Development in the Middle East and North Africa. 2013. The World Bank. Washington D.C.

⁷ <http://www.census.gov/ipc/world.html> (accessed 29.01.2024)

⁸ In this case, it would be appropriate to talk about high rates of urbanization, but their indicator is a combination of a relatively high level of urbanization and high youth unemployment. For the purposes of this work, these indicators are analyzed separately, as this allows us to assess the intensity of the impact of each of them on the processes of socio-political destabilization (*author's notice*).

cently graduating from them. The participation of educated youth in anti-government protests is ambiguous: on the one hand, it was this fact, according to some researchers, that reduced the degree of aggressiveness and, as a result, determined the minimum number of victims at the hands of the protesters themselves compared to other shocks of this kind [26].

On the other hand, it was the participation of educated young people in large cities that became the mobilization potential of protests. Moreover, according to surveys conducted by M.Hoffman and A.Jamal, young people in Arab countries really have a serious chance of remaining unemployed: their chances are twice as high compared, for example, with the average age group [10]. A demographic situation in which a significant number of people feel frustrated by their inability to convert their education into productive employment can actually exacerbate existing problems in society.

In the research literature devoted to the causes of the Arab Spring, one can also find mention of such a factor as the increase in the proportion of unmarried men in recent years [27; 28; 29]. This increase is associated with the presence of strict prohibitions on extramarital sexual relations in Arab societies and the existence of a whole complex of marriage and family customs (such as, for example, a substantial "bride price" (kalym), which not all young people can afford, lavish celebrations of weddings, etc.), which, in the context of modernization, rising prices and stimulation of consumer interest, led to the financial inability of young people to get married, thereby increasing the average age of marriage. According to UN Population Division⁹ and A.Korotaev [30], the average age at first marriage among Arab men has increased significantly in recent decades.

The combination of such components as the late age of marriage which becomes a cause of disappointment for young people, strict prohibitions on extramarital affairs, etc., led to the formation of a certain level of radicalism, which can manifest itself, including in the political sphere, and can cause increased destabilization in Arab countries. Thus, unmarried men in this situation are more prone to extremist political actions compared to married men of the same age [27] (both due to a depressed psychological state and sexual dissatisfaction, and due to a lack of responsibility to the family and, accordingly, a fear of leaving outside in conditions of possible danger). All this allows us to indicate the factor of the presence of an increased number of unmarried men as a potentially destabilizing factor during the events of the Arab Spring.

CONCLUSION

This article showed that one of the distinctive characteristics of the Arab Spring was the increased participation of women in protest activity compared to previous historical periods. At the same time, an important observation in this case is that women's participation as such, even coupled with other prerequisites for socio-political destabilization, has become not a reason, but one of the distinctive characteristics of the demographic situation in Arab countries.

It is noteworthy that, if we are talking about the broader context of socio-political destabilization in the Afrasian macrozone of instability as a whole, which includes Central Asia (including Afghanistan and Pakistan), the Middle East, North Africa and the Sahel region, then for example A.Korotayev [30] argue that in this zone certain patterns of increased socio-political instability are observed and at the same time a very low female labor force participation rate is recorded there. According to them, in this case, the functional relationship with the socio-political instability is clear.

Thus, we can talk about a combination of factors, the combined effect of which led to a more active inclusion of women in protest mobilization. In this case, we are talking about a global trend towards an increase in the share of the urbanized population, as well as an increase in the proportion of youth in some of the Arab countries.

In addition, we can talk about the growth of educational opportunities and accessibility of education for women, but, at the same time, significant frustration among young people due to the impossibility of their social realization, unemployment, etc.

⁹ Department of Economic and Social Affairs. Population Division Database. 2011. UN Population Division. United Nations. <http://www.un.org/esa/population> (accessed 03.02.2024)

Also, an important parameter is the active use of new media, which, in the case of such a political minority as women, made it possible for them to safely participate in protest mobilization compared to previous periods and the risks of physical presence on the streets during revolutionary events.

REFERENCES

1. Moghadam M.V., Mako Sh. 2021. After the Arab Uprisings: Progress and Stagnation in the Middle East and North Africa. Cambridge University Press.
2. Nisa E.F. 2021. Internet and Muslim Women. *Handbook of contemporary Islam and Muslim lives*.
3. Shishkina A.R. 2017. Egyptian Women in the Arab Spring: Emotions, Political Participation, and the Internet. *Non-Western Social Movements and Participatory Democracy: Protest in the Age of Transnationalism*. Pp. 161–171.
4. Glasius M., Pleyers G. 2013. The Global Movement of 2011: Democracy, Social Justice, and Dignity. *Development and Change Forum 2013*. Vol. 44. P. 554.
5. Khamis S. 2011. The Arab “Feminist” Spring? *Feminist Histories and Institutional Practices*. Vol. 37. № 3. Pp. 692–695.
6. Grinin L., Korotayev A. 2012. Does “Arab Spring” Mean The Beginning Of World System Reconfiguration? *World Futures: The Journal of General Evolution*. № 68. Iss. 7. Pp. 471–505.
7. Duverger M. 1995. The Political Role of Women. Paris: UNESCO.
8. Inglehart R., Norris P. 2003. Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change Around the World. New York: Cambridge University Press. Pp. 123–126.
9. Burton M.L., Reitz P. 1981. The plow, female contribution to agricultural substances, and polygyny. *Behavior Science Research*. № 16. Pp. 298–300.
10. Hoffman M., Jamal A. 2011. The Youth and the Arab Spring: Cohort Differences and Similarities. Brill. <http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/10.1163/187633712x632399> (accessed 15.01.2024)
11. Retta J. 2013. Consequences of the Arab Spring for Women’s Political Participation. *Journal of Women and Human Rights in the Middle East*. Iss. 1. Pp. 20–30.
12. Lengel L. 2012. Arab Women, Social Media, and the Arab Spring: Applying the framework of digital reflexivity to analyze gender and online activism. *Journal of International Women’s Studies*. Vol. 13, Iss. 5. Pp. 30–45.
13. Stephan R. 2013. Cyberfeminism and its Political Implications for Women in the Arab World. E-International Relations. <http://e-ir.info/2013/08/28/cyberfeminism-and-its-political-implications-for-women-in-the-arab-world/> (accessed 28.02.2024)
14. Korotayev A.V., Issaev L.M., Malkov S.Y. and Shishkina A.R. 2014. The Arab spring: a quantitative analysis. *Arab Studies Quarterly*. Vol. 36. Iss. 2. Pp. 149–169.
15. Mulderig M.C. 2013. An uncertain future: Youth frustration and the Arab Spring. Boston University.
16. Urdal H. 2006. A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence. *International Studies Quarterly*. № 50. Pp. 607–609.
17. LeGrafte D. 2012. The Youth Bulge in Egypt: An Intersection of Demographics, Security and the Arab Spring. *Journal of Strategic Security*. Vol. 5. № 2. Pp. 63–80.
18. Mohr G.A. 1966. Friend of the Wayward Youth. Alexander F., Eisenstein S., Grotjahn M. (ed.). New York: Psychoanalytic Pioneers. Pp. 348–359.
19. Woodman D., Wyn J. 2015. Youth and Generation: Rethinking Change and Inequality in the Lives of Young People. Sage Publications Ltd.
20. Pilcher J. 1994. Mannheim’s Sociology of Generations: An Undervalued Legacy. *British Journal of Sociology*. № 45(3). Pp. 481–495.
21. Mannheim K. 1952. The Problem of Generations. *Essays on the Sociology of Knowledge: Collected Works*. Vol. 5. New York: Routledge. Pp. 276–322.
22. Chesnais J.C. 1992. The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications. Oxford: Clarendon Press.
23. Борисов В.А. Демография. 1999. Москва: Издательский дом NOTA BENE.
Borisov V.A. 1999. Demography. Moscow. (In Russ.)
24. Malthus T. 1778. Population: The First Essay. MI: University of Michigan Press.
25. Цирель С.В. Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна*. 2012. С. 162–173.
Tsirel S.V. 2011. Conditions for the emergence of revolutionary situations in Arab countries. *Systemic monitoring of global and regional risks: Arab Spring*. Pp. 162–173. (In Russ.)

26. Коротаев А.В., Ходунов А.С., Бурова А.Н., Малков С.Ю., Халтурина Д.А., Зинькина Ю.В. Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна*. 2012. Москва: ЛКИ.
Korotayev A.V., Khodunov A.S., Burova A.N., Malkov S.Yu., Khalturina D.A., Zin'kina Yu.V. 2012. Socio-demographic analysis of the Arab Spring. *System monitoring of global and regional risks: Arab Spring*. Moscow. (In Russ.)
27. Marks M. 2011. Determinants of Delayed Male Marriage in Egypt. *The Stanford Journal on Muslim Affairs*. № 2(1). Pp. 22–29.
28. Puschmann P., Matthijs K. 2012. The Janus Face of the Demographic Transition in the Arab World. The Decisive Role of Nuptiality. Leuven.
29. Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Malkov S.Y. 2013. Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring Events. *Central European Journal of International and Security Studies*. Vol. 7. № 4.
30. Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Rudenko M.A., Ivanov Y. 2016. Afrasian Instability Zone and Its Historical Background. *Social Evolution & History*. Vol. 15. № 2. Pp. 120–140.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шишкина Алиса Романовна, к.полит.н., ведущий научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков, НИУ ВШЭ, Москва, Россия; старший научный сотрудник Факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.

Alisa R. Shishkina, PhD (Political Science), Leading Researcher, Center for Stability and Risks Analysis, HSE University, Moscow, Russia; Senior Researcher, Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.03.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 14.06.2024

DOI: 10.31857/S032150750031366-4

Итоги первого 10-летия «Повестки дня 2063»

© Волков С.Н.^{a,b}, Жамбиков А.М.^{a,c}, 2024

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0002-6152-1091; sergey.n.volkov@outlook.com

^c ORCID: 0009-0001-2865-1214; aleksandrzhambikov@gmail.com

Резюме. Важнейшим документом долгосрочного планирования Африканского Союза является «Повестка дня 2063». Её принятие было приурочено к 50-летию создания Организации африканского единства (ОАЕ). Одна из ключевых целей «Повестки» состоит в превращении Африки в динамичную силу на международной арене, что созвучно курсу внешней политики Российской Федерации на построение справедливого многополярного мира.

При реализации «Повестки» в 2013–2023 гг. африканские страны столкнулись с системными проблемами, такими как неудовлетворительные темпы экономического развития, не позволяющие заметно повысить уровень жизни африканцев, вооруженные конфликты и распад государств, деятельность международных террористических организаций и сильная зависимость от иностранного финансирования.

Несмотря на упомянутые серьезные трудности, Афросоюз смог достичь определенных успехов в политической сфере, последовательно добиваясь повышения своей роли в международных отношениях, выступая против западных санкций в отношении государств-членов и за расширение представительства континента в международных институтах.

Ключевые слова: Повестка дня 2063, Африканский Союз, Африканская континентальная зона свободной торговли, интеграция, миротворчество, Глобальный Юг

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Для цитирования: Волков С.Н., Жамбиков А.М. Итоги первого 10-летия «Повестки дня 2063». *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 7. С. 57–65. DOI: 10.31857/S032150750031366-4

Results of the First 10 Years of the Agenda 2063

© Sergey N. Volkov^{a,b}, Alexander M. Zhambikov^{a,c}, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0002-6152-1091; sergey.n.volkov@outlook.com

^c ORCID: 0009-0001-2865-1214; aleksandrzhambikov@gmail.com

Abstract. The crucial long-term planning document of the African Union (AU) is called the Agenda 2063. It was adopted at the AU “jubilee summit” dedicated to the 50 years anniversary of the Organisation of African Unity (OAU). One of the key goals of the Agenda is to make Africa a dynamic force in the international arena, which is close to the key purpose of the foreign policy of the Russian Federation – to build a just multipolar world.

During implementation of the Agenda in 2013–2023, African countries faced such persistent problems as unsatisfactory rate of economic growth, insufficient to ensure significant enhancement in the quality of life of Africans, armed conflicts and failed states, activities of international terrorist organisations and heavy dependence on foreign funding. Despite the above-mentioned serious difficulties, the AU achieved good results in the political field, consequently standing for increasing its role in international relations, opposing Western sanctions against its member states and striving for enlarging Africa’s representation in international institutions.

Keywords: Agenda 2063, African Union, African Continental Free Trade Area, integration, peacekeeping, Global South

Acknowledgement. The article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development № 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

For citation: Volkov S.N., Zhambikov A.M. Results of the First 10 Years of the Agenda 2063. *Asia and Africa today*. 2024. № 7. Pp. 57–65. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031366-4

ВВЕДЕНИЕ

27 мая 2013 г. на 21-м саммите Африканского Союза (АС) в Аддис-Абебе, посвященном 50-летию Организации африканского единства (ОАЕ), было принято решение о разработке «Повестки дня 2063» – долгосрочного плана развития стран континента. В этом документе, утвержденном 31 января 2015 г. на 24-м саммите АС, сформулированы 20 целей в социально-экономической, военно-политической и культурно-гуманитарной сферах и запланирована реализация 15 проектов развития. К 2063 г. Африка, по замыслу авторов «Повестки», должна стать «объединенным и процветающим континентом без вооруженных конфликтов, динамичной силой на международной арене»¹.

Одновременно с принятием этого документа был опубликован и первый 10-летний план – на 2014–2023 гг., разработанный в его рамках. Таким образом, 2023 год стал первым 10-летним рубежом реализации «Повестки», временем для подведения промежуточных итогов, которые заслуживают особого внимания. Оно обусловлено зафиксированным в этом амбициозном плане АС стремлении африканцев к превращению континента в один из центров многополярного мира, который в случае успеха его реализации создаст значительный потенциал для развития взаимовыгодного сотрудничества России с африканскими государствами.

При оценке этих итогов важно учитывать, что прошедшее десятилетие стало временем тяжелых испытаний для Африки и для всего мира.

Во второй половине 2010-х гг. произошел обвал мировых цен на большинство сырьевых товаров, поставляемых африканскими странами, что резко снизило их валютные поступления. Так, например, средние цены на нефть, по данным Всемирного банка, составляли в этот период всего \$55,2 за барр. по сравнению с \$92,7 в 2010–2014 гг.² В марте 2020 г. началась пандемия *COVID-19*, вызвавшая в результате введения строгих карантинных мер экономический кризис, из которого мировая экономика смогла выйти лишь к концу 2021 г. В феврале 2022 г. Россия начала специальную военную операцию, на что коллективный Запад ответил гибридной войной против нашей страны, одним из проявлений которой стали незаконные экономические санкции, нарушившие логистику мировой торговли и спровоцировавшие рост цен на жизненно важные для Африки товары, в первую очередь продовольствие и минеральные удобрения.

Всё это в условиях растущих финансовых проблем вынуждало африканские страны перенаправлять свои ограниченные ресурсы из программ социально-экономического развития, которое является основной целью «Повестки», на кризисное реагирование.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ ПЕРВОГО 10-ЛЕТИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ «ПОВЕСТКИ»

Первой среди 20 целей «Повестки дня 2063» был обозначен «высокий уровень жизни, качество быта и благополучие для всех граждан», чего невозможно добиться без «инклюзивного роста и устойчивого развития»³. О темпах экономического развития африканских стран и его устойчивости свидетельствуют следующие данные ЮНКТАД (см. табл.).

Таблица свидетельствует о том, что в период 2013–2023 гг. темпы экономического развития Африки в целом соответствовали темпам развития мировой экономики и были даже чуть выше них, особенно если принять во внимание, что её данные основаны на пересчете валют в доллары не по паритетах покупательной способности, а по валютному курсу, который во многих африканских странах в этот период имел тенденцию к еще большему занижению (в значительном числе случаев более чем в 3 раза) с целью стимулирования экспорта и сдерживания импорта, что облегчало локализацию производства различной продукции.

Таблица также указывает, что темпы экономического развития отдельных африканских регионов существенно различались в ходе выполнения первого десятилетнего плана «Повестки». Явным лидером в

¹ Agenda 2063. Popular version. African Union. 2015. https://au.int/sites/default/files/documents/36204-doc-agenda2063_popular_version_en.pdf (accessed 08.02.2024)

² Стоимость нефти по годам: 1960–2024. Все о финансах. <https://vseofinansah.ru/servisy/stoimost-nefti-po-godam-s-1960> (accessed 15.02.2024)

³ Goals & Priority Areas of Agenda 2063. African Union. <https://au.int/agenda2063/goals> (accessed 15.02.2024)

течение всего этого периода была Восточная Африка, в то время как её южный и центральный регионы развивались заметно медленнее, чем континент в целом.

Таблица **Динамика ВВП (в неизменных ценах 2015 г.)**
Table. **Dynamics of GDP (in constant prices, 2015)**

	2013 г., \$ млн	2018 г.		2022 г.	
		\$ млн	Рост, %	\$ млн	Рост, %
Мир, всего	70885345	82453517	116,3	89334621	108,3
Африка	2237570	2609051	116,6	2818892	108,0
<i>Северная Африка</i>	732799	859923	117,7	917833	106,7
<i>Африка южнее Сахары:</i>	1504771	1749129	116,2	1901059	108,7
Восточная Африка	289917	385236	132,8	447471	116,2
Центральная Африка	224913	242363	107,8	252914	104,4
Южная Африка	367085	391894	106,8	395320	100,9
Западная Африка	622856	729635	117,1	805354	110,4

Источник: Gross domestic product: Total and per capita, current and constant (2015) prices, annual. UNCTAD, 15.08.2023. <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDPTotal> (accessed 15.02.2024)

Если обратиться к страновой статистике ЮНКТАД, станет очевидно, что успех восточноафриканскому региону принесли в первую очередь Джибути, Малави и Эфиопия. Другие его страны, кроме Южного Судана, а также в определенной мере Мадагаскара и Эритреи, развивались в этот период в целом также довольно успешно, хотя во второй половине 2010-х гг. все они столкнулись с серьезными вызовами, как и вся мировая экономика.

Лидерами по темпам экономического развития среди стран Центральной Африки можно признать лишь ДР Конго и Камерун, в то время как другие развивались либо крайне неравномерно, как, например, Ангола или Конго, экономика которых обвалилась во второй половине 2010-х гг., либо, как в Экваториальной Гвинее, где нефтедобыча, составляющая основу экономики, вышла на плато, фактически отсутствовал рост на протяжении всего десятилетия.

Что касается Южной Африки, наибольший динамизм в ней в течение первого 10-летия «Повестки» продемонстрировали Ботсвана и до определенной степени Эсватини. Экономика всех других стран региона, помимо внутренних проблем во второй половине 2010-х гг., столкнулась с крайне неблагоприятной мировой конъюнктурой и продемонстрировала заметное падение.

Темпы развития Северной и Западной Африки в этот период соответствовали общеафриканскому уровню, однако и в этих регионах были свои лидеры и отстающие. Что касается стран Северной Африки, существенное влияние на их развитие оказали неэкономические причины: последствия раздела Судана на Республику Судан и Республику Южный Судан, гражданское противостояние и последовавшая за ним агрессия стран НАТО против Ливии привели к резкому падению нефтедобычи, которая затем так полностью и не восстановилась, и, наконец, т.н. «арабская весна», прокатившаяся по Тунису и Египту, нанесла сильный ущерб прежде всего развитой в них сфере гостеприимства. Тем не менее не Алжир и Марокко, не затронутые политическими факторами, а Египет благодаря сбалансированной структуре экономики стал самой динамичной страной Северной Африки.

В отличие от других регионов, в Западной Африке дифференциация по темпам развития отдельных стран была не столь значительна. Самые высокие показатели зарегистрированы в Кот-д'Ивуаре, Мали и Гане, минимальны – в Либерии и Кабо-Верде. Наиболее устойчивые темпы прироста ВВП, превышавшие средние показатели региона в период 2014–2023 гг., были зарегистрированы в Бенине и Буркина-Фасо.

Отмечая соответствие темпов экономического развития Африки в этот период среднемировым, следует подчеркнуть, что они оказались не только недостаточны для преодоления отставания от развитых стран, но даже и для сколь-нибудь заметного повышения уровня благосостояния населяющих её народов. Так, если в первой половине первого 10-летия «Повестки» наблюдалось определенное его повыше-

ние, поскольку среднегодовые темпы прироста ВВП были заметно выше темпов прироста населения – соответственно 3,1% и 2,6%⁴, то во второй его половине эти показатели снизились до 2% и 2,6%.

Испытывая острый дефицит финансовых ресурсов для инвестирования, который коллективный Запад и подконтрольные ему международные финансовые организации частично покрывают, но не создают условий для его ликвидации, страны Африки были вынуждены концентрировать их в первую очередь на развитии передовых научно-технических отраслей и пытались прежде всего в них сократить свое отставание от остального мира. Это проявилось в ускоренном развитии на континенте цифровизации, «зеленой энергетики» и «голубой экономики», что повысило темпы внедрения инноваций. Лидерами Африки в глобальном индексе инноваций стали Маврикий (52-е место из 131), ЮАР (60-е), Тунис (65-е), Марокко (75-е), Кения (86-е место) [1, с. 21].

БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ, НЕРАВЕНСТВОМ И ГОЛОДОМ

Незначительный прогресс в сельском хозяйстве, наблюдавшийся в большинстве стран Африки в 2014–2023 гг., оказался достаточным лишь для того, чтобы сохранять относительно неизменным достигнутый ранее уровень калорийности питания растущего числа жителей континента, который существенно уступал всем остальным регионам мира, в т.ч. азиатскому (после 1982 г.). Так, если в 2013 г. средняя калорийность питания африканца составляла в сутки 2584,1 ккал, то в 2020 г. – 2564,8 (для Азии эти показатели составили соответственно 2779,4 и 2913 ккал)⁵.

Поэтому неудивительно, что из 48 стран, которые в 2022 г. запросили продовольственную помощь и/или, по оценке ФАО, в последние годы столкнулись с проблемами в обеспечении населения необходимым количеством продовольствия, 34 – африканские⁶. В крайней форме или затронув значительное по численности населения проблема голода в 2022 г. ощущалась в Буркина Фасо, Кении, Нигерии, Сомали, Судане и Южном Судане.

Учитывая остроту проблемы голода, лидеры африканских стран провозгласили 2022-й годом повышения устойчивости в области питания и продовольственной безопасности на Африканском континенте, укрепления агропродовольственных систем, систем здравоохранения и социальной защиты для ускорения развития человеческого, социального и экономического капитала⁷.

О понимании ими необходимости усиления борьбы с этой проблемой, которая хотя и медленно, но решалась в период с 1960 по 2010 г., свидетельствует ряд серьезных комплексных исследований социальных и экономических последствий голода в Африке, в т.ч. детского недоедания. Одним из них является регулярный континентальный доклад «Цена голода в Африке». По оценке авторов издания, вышедшего в 2021 г., общие потери от недоедания в детском возрасте в 21 стране, в которой проводились исследования⁸, составили более \$30 млрд, причем доля недополученного ВВП колебалась от 1,9% в Египте до 16,5% в Эфиопии⁹.

Обострение проблемы голода в Африке в минувшее десятилетие, помимо снижения внимания к развитию сельского хозяйства, которое является одной из целей «Повестки», в определенной мере было вызвано двумя взаимосвязанными процессами: климатическими изменениями, провоцирующими в последние годы частые засухи, а также нерациональным использованием земельных ресурсов, ведущим к их деградации [2, с. 93].

Следует особо подчеркнуть, что Африканский континент значительно сильнее других регионов мира страдает от ежегодных стихийных бедствий, особенно засух: на него приходится 66% от общего числа пострадавших людей во всем мире. В отчете Управления ООН по снижению риска стихийных бедствий за 2023 г. указывалось, что природные катаклизмы в период с 2015 по 2021 г. вызвали

⁴ <https://countrymeters.info/ru/Africa> (accessed 18.02.2024)

⁵ Caloric supply. Our World in Data. <https://ourworldindata.org/food-supply> (accessed 21.02.2024)

⁶ 2023 Global Report on Food Crises. Food Security Information Network. <https://www.fsinplatform.org/sites/default/files/resources/files/GRFC2023-compressed.pdf> (accessed 18.02.2024)

⁷ <https://au.int/en/theme/2022/year-nutrition> (accessed 15.02.2024)

⁸ Буркина Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея-Бисау, ДР Конго, Египет, Зимбабве, Кения, Лесото, Мавритания, Мадагаскар, Малави, Мали, Мозамбик, Нигер, Руанда, Судан, Уганда, Чад, Эсватини и Эфиопия (прим. авт.).

⁹ https://au.int/sites/default/files/documents/41660-doc-COHA_CONTINENTAL_REPORTEnglish20211.pdf (accessed 19.02.2024)

потери Африкой 12,3% её ВВП (в то время как среднемировой экономический ущерб составил всего 1%)¹⁰.

Голод в Африке является отражением её бедности. По данным Экономической комиссии для Африки, в 2022 г. на континенте насчитывалось 546 млн бедных, или 54,8% их общего количества в мире¹¹, причем если в относительном измерении их доля в последние годы сокращается, то в абсолютном – растёт. Так, в 2022 г. на континенте появилось ещё 18 млн бедных. Особенно велика их доля в сельской местности, а также среди женщин.

По доле населения, живущего ниже черты бедности, которую ВБ определяет в настоящее время в \$2,15 на человека в день, наиболее широко бедность в 2020 г. была распространена в Зимбабве – 72,3% всего населения, на Мадагаскаре – 70,7, в Сьерра-Леоне – 70,2, Нигерии – 70, Гвинее-Биссау – 67, Сан-Томе и Принсипи – 66,2, Южном Судане – 66, Бурунди – 64,6, ДР Конго и Эсватини – по 63% всего населения. Причем африканские страны находятся в числе лидеров по этому показателю: среди 10 стран мира с наивысшей долей населения, живущей ниже черты бедности, 8 африканских¹².

Помимо невысоких показателей национального дохода на душу населения, столь неприглядная ситуация с распространением голода и бедности в Африке, которая в ходе выполнения первого 10-летнего плана «Повестки дня 2063» не претерпела существенного изменения, объясняется также крайним неравенством, прежде всего в распределении доходов. По этому показателю Африка также лидирует в мире, при этом он существенно различается в отдельных её регионах.

Если в арабских странах Северной Африки коэффициент Джини, используемый в качестве главного показателя для измерения неравенства в распределении доходов, не столь велик, то в Южной – достигает максимальных значений. Среди первой десятки африканских стран, где имущественное неравенство было самым высоким, 7 южноафриканских: ЮАР, лидирующая в этом списке, а также Ангола, Ботсвана, Замбия, Малави, Мозамбик и Намибия¹³.

О ВЫПОЛНЕНИИ ЦЕЛИ «МИРНАЯ И БЕЗОПАСНАЯ АФРИКА»

Одной из целей «Повестки 2063» была инициатива «заставить замолчать оружие», которая первоначально предусматривала прекращение активной фазы вооружённых конфликтов в Африке к 2020 г., однако затем срок её исполнения перенесли на 2030 г. Ситуация в области безопасности в Африке по сравнению с 2013 г. ухудшилась.

Остается крайне тяжелой ситуация в Сахельском регионе.

Если 10 лет назад джихадисты действовали преимущественно на территории Мали, то сейчас зона конфликта распространилась на Буркина Фасо и Нигер. Проблемы в области безопасности привели к краху гражданских правительств в упомянутых странах Сахеля, а попытки Экономического сообщества государств Западной Африки (ЭКОВАС) восстановить конституционное правление в Нигере с применением жестких экономических санкций привели к расколу в региональном блоке. 28 января 2024 г. Бамако, Ниамей и Уагадугу объявили о выходе из ЭКОВАС [3].

Более 30 лет идет гражданская война в Сомали. В настоящее время правительственные войска и Переходная миссия Афросоюза теснят аффилированную с «Аль-Каидой» террористическую организацию «Аш-Шабаб». В последние годы наметилось расширение зоны контроля правительства Сомали, однако «Аш-Шабаб» по-прежнему продолжает удерживать значительную часть территории страны и организует теракты в столице.

Несмотря на снижение интенсивности боевых действий, по-прежнему не урегулированы вооружённые конфликты в ЦАР и в Ливии. Продолжаются диверсионно-террористические действия джихадистских группировок «Западноафриканская провинция исламского государства» и «Боко Харам» в Нигерии. В восточных районах ДР Конго действуют множество бандформирований, получающих доходы от добычи колтана, золота, алмазов и других полезных ископаемых.

¹⁰ <https://undrr.org/publication/report-midterm-review-implementation-sendai-framework-disaster-risk-reduction-2015-2030> (accessed 16.02.2024)

¹¹ <https://uneca.org/eca-events/stories/africa-needs-curb-poverty-and-social-inequality-meet-development-goals> (accessed 16.02.2024)

¹² Population below poverty line. Index Mundi. <https://www.indexmundi.com/g/r.aspx?v=69> (accessed 16.02.2024)

¹³ <https://uneca.org/eca-events/stories/africa-needs-curb-poverty-and-social-inequality-meet-development-goals> (accessed 16.02.2024)

Поводом для серьезной обеспокоенности является появление в Африке после 2013 г. новых горячих точек. В 2017 г. экстремистская организация «Ансар аль-Сунна»¹⁴ развернула диверсионно-террористическую деятельность в провинции Кабу Делгаду на севере Мозамбика. В настоящее время в борьбе с ней задействованы миссия Сообщества развития Юга Африки (САДК), а также войска Руанды.

Вооруженные конфликты терзают Эфиопию. Несмотря на заключение соглашения о перемирии между правительством и «Народным фронтом освобождения Тыграй» при посредничестве АС в начале ноября 2022 г., этнополитическая ситуация в стране остается напряженной. Условия перемирия в штате Тыграй спровоцировали мятеж вооруженных формирований «Фано», который вынудил правительство Эфиопии 4 августа 2023 г. объявить чрезвычайное положение в штате Амхара. Ситуация осложняется сепаратистскими выступлениями и в других районах страны.

Наконец, в 2023 г. кровопролитная гражданская война охватила Судан. Несмотря на неоднократные попытки международных посредников прекратить кровопролитие, перспективы примирения воюющих сторон, которые пытаются привлечь поддержку жителей разных регионов страны [4], не просматриваются.

Было бы несправедливым обвинять Африканский Союз в бездействии в контексте неустойчивой ситуации в области безопасности в Африке. Урегулирование вооруженных конфликтов – чрезвычайно сложная задача, выполнение которой требует развитой дипломатии, наличия адекватных военных и полицейских сил, а также финансовых средств. Последнее – проблемный вопрос для АС, вынужденного полагаться на поддержку доноров. Между тем, одна из задач «Повестки 2063» сформулирована следующим образом: «Африка должна принять полную ответственность по финансированию своего развития. Одним из инструментов выполнения этой задачи стала институциональная реформа Африканского Союза».

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РЕФОРМА АФРИКАНСКОГО СОЮЗА

Одной из целей, сформулированных в «Повестке», является выстраивание в Африке эффективных институтов, способных проводить необходимые преобразования. На 27-м саммите Афросоюза в Кигали (17–18 июля 2016 г.), было принято решение о проведении его институциональной реформы для увеличения эффективности АС, повышения политической самостоятельности и финансовой независимости от внешних партнеров [5, с. 60].

В рамках реализации институциональной реформы на 11-м внеочередном саммите АС в Аддис-Абебе (17–18 ноября 2018 г.) были приняты решения о сокращении числа комиссаров и подведомственных им департаментов Комиссии Афросоюза с 8 до 6, о введении специальной импортной пошлины в размере 0,2% от стоимости товаров, ввозимых в государства – члены АС из стран за пределами континента. Кроме того, была предусмотрена сложная многоуровневая система санкций в отношении государств-членов [5, с. 60], в т.ч. за неуплату взносов¹⁵.

И если новая структура Комиссии АС успешно функционирует с 2021 г., то ситуация с бюджетом АС практически не изменилась. Согласно информации, содержащейся на официальном сайте президента Нигерии, бюджет АС на 2023 г. составлял \$654,8 млн. Ключевую роль в его наполнении играли «партнеры по развитию», на долю которых приходилось 67% финансирования¹⁶.

По сведениям транснационального Института исследования безопасности с головным офисом в Претории, в роли основного донора АС выступает Евросоюз [6]. Конечно, нельзя не отметить, что для европейцев жизненно важно финансировать Афросоюз, в особенности его миротворческую деятельность, ведь вооруженные конфликты на континенте уже становились причиной миграционных кризисов.

Достаточно отметить упоминавшуюся интервенцию НАТО в Ливию в 2011 г., которая способствовала разрушению ливийской государственности, что, в свою очередь, позволило незаконным воору-

¹⁴ Организации «Аль-Каида», «Аш-Шабаб», «Западноафриканская провинция исламского государства», «Боко Харам» и «Ансар аль-Сунна» запрещены в РФ.

¹⁵ Decisions of the 11th Extraordinary Session of the Assembly. African Union. 18.11.2018. https://au.int/sites/default/files/decisions/36425-ext_assembly_dec_1-4xi_e.pdf (accessed 08.02.2024)

¹⁶ <https://statehouse.gov.ng/news/nigeria-pays-full-assessment-to-au-for-year-2023/#:~:text=The%20AU%27s%202023%20budget%20of,well%20as%20other%20miscellaneous%20income> (accessed 08.02.2024)

женным формированиям подготовиться к вторжению в Мали в январе 2012 г. и ставшему началом кровопролитной войны в Сахельском регионе, продолжающейся до сих пор.

Миграционный кризис в Европе в 2014–2016 гг. стал одним из последствий дестабилизации Ливии, через территорию которой мигранты из Африки южнее Сахары хлынули в Европу. Однако, поскольку значительная часть бюджетного дефицита АС покрывается иностранными донорами, это не может не сказываться на его политике на международной арене [5, с. 61].

РАСШИРЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА АФРИКИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТАХ

В 2013 г. слабое представительство стран Африки в институтах глобального управления делало актуальным вопрос о месте стран континента в современной модели мироустройства, в т.ч. в рамках построения многополярного мира [7, с. 8]. Однако благодаря согласованным усилиям африканских дипломатов ситуация стала меняться в лучшую сторону.

В 2017 г. на пост генерального директора ВОЗ был впервые назначен африканец – министр здравоохранения Эфиопии Тедрос Аданом Гебреисус. Его деятельность в ВОЗ была отмечена последовательной защитой интересов развивающихся стран в период пандемии новой коронавирусной инфекции. В 2021 г. он призывал к справедливому распределению вакцин от *COVID-19* и к глобальному мораторию на бустерную дозу, чтобы провести в первую очередь вакцинацию наиболее уязвимых людей во всем мире, которые не были привиты вообще¹⁷. В период пандемии Т.А.Гебреисус содействовал укреплению связей между африканскими государствами и КНР, что способствовало укреплению позиций Глобального Юга в ВОЗ [8, с. 30]. В сентябре 2021 г. гендиректор ВОЗ был переизбран на второй срок.

Еще одним успехом Африки стало избрание генеральным директором ВТО Нгози Оконджо-Ивеа-лы – первой женщины и первой африканки, ставшей 7-м генеральным директором ВТО, на срок с 1 марта 2021 г. до 31 августа 2025 г.

В условиях сокращения помощи Африке (что, кстати, стало результатом перенаправления значительной части донорской помощи на поддержку киевского режима и финансирование украинских беженцев [9]) АС удалось добиться повышения представительства континента в международных финансовых институтах. МВФ и ВБ предоставили африканской группе по одному дополнительному посту директора в своих исполнительных советах¹⁸.

Важным политическим достижением АС в 2023 г. стало получение членства в «Группе 20» (до этого единственным государством – членом *G20* от Африки была ЮАР).

В ходе 36-го саммита АС 18–19 февраля 2023 г. была согласована позиция африканцев по реформе СБ ООН (2 места постоянных членов со всеми причитающимися им правами, включая право вето, и 5 мест непостоянных членов), принято решение о формировании единого фронта борьбы за получение репараций и реституцию культурных ценностей, а также подверглись осуждению санкции и ограничения, введенные США, Англией и ЕС против государств – членов АС: Зимбабве, Эритреи и Южного Судана¹⁹.

Таким образом, несмотря на финансовую зависимость АС от западных доноров, представляются значительными успехи АС в выполнении цели «Повестки» по превращению Африки в одного из основных акторов на мировой арене, чего невозможно добиться без увеличения африканского представительства в ведущих международных организациях и на различных переговорных площадках. Всё это свидетельствует о растущей субъектности Африканского континента в международных делах.

АФРИКАНСКАЯ КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ЗОНА СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Наиболее ощутимым результатом выполнения «Повестки» представляются шаги по практической реализации соглашения об Африканской континентальной зоне свободной торговли (АфКЗСТ), которое подписали 54 государства и ратифицировали 47 из них²⁰.

¹⁷ <https://news.un.org/ru/story/2021/09/1409572> (accessed 22.02.2024)

¹⁸ IMF and World Bank boards appoint third director for sub-Saharan Africa – what does it mean for the region? World Economic Forum. 17.10.2023. <https://www.weforum.org/agenda/2023/10/imf-worldbank-raise-africa-representation/> (accessed 09.02.2024)

¹⁹ https://au.int/sites/default/files/decisions/42725-Assembly_AU_Dec_839_-_865_XXXVI_E.pdf (accessed 09.02.2024)

²⁰ https://au.int/sites/default/files/treaties/36437-sl-AGREEMENT_ESTABLISHING_THE_AFRICAN_CONTINENTAL_FREE_TRADE_AREA_0.pdf (accessed 08.02.2024)

АфКЗСТ функционирует с 1 января 2021 г., была запущена panaфриканская платежно-расчетная система²¹, разработан электронный тарифный справочник, издано руководство о правилах определения стран происхождения товаров, а также утвержден ряд других нормативных документов, регулирующих её деятельность. В Африке появилась крупнейшая в мире по количеству государств-участников и совокупному населению зона свободной торговли. Важно и символическое значение АфКЗСТ с точки зрения panaфриканизма, поскольку прежде экономические интеграционные проекты в Африке осуществлялись в основном в рамках её отдельных регионов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги выполнения первого 10-летнего плана «Повестки дня 2063», прежде всего следует отметить их неоднозначность. Какие-то его цели выполнялись относительно успешно, как, например, укрепление африканского единства или превращение Африки в значимого мирового актора, в каких-то сферах (и их большинство) наблюдался крайне незначительный прогресс, а, например, в выполнении такой важной задачи, как обеспечение хорошего питания, был зафиксирован регресс в результате некоторого снижения его калорийности.

Столь же неравномерным было и выполнение этих целей отдельными африканскими государствами, причем постепенно закрепляется их дифференциация по различным группам: стабильно развивающиеся высокими темпами и успешно преодолевающие возникающие проблемы; страны, развитие которых подвержено сильному влиянию различных негативных факторов, в первую очередь внешних; стагнирующие страны.

Главной причиной, существенно сдерживающей социально-экономическое развитие Африканского континента, является прочность созданной странами коллективного Запада системы неокOLONИализма, его зависимое положение в системе международного разделения труда в качестве поставщика сырья и полуфабрикатов и импортера товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью.

Африканские лидеры, как свидетельствует выступление президента Уганды Йовери Мусевени на пленарном заседании 2-го Саммита Россия – Африка в Санкт-Петербурге 28 июля 2023 г., отчетливо осознают, что неэквивалентный обмен между развитыми и развивающимися странами в результате «ножниц цен» на сырье и готовую продукцию, который он назвал современной формой рабства, является главным тормозом на пути их развития.

Более того, некоторые из них, как, например, руководители ЦАР и Мали, готовы активно бороться за освобождение своих стран от остатков колониального господства бывших метрополий, в т.ч. при содействии России. Однако это долгий и непростой путь, хотя он и лежит в русле исторического развития, в русле формирования многополярного мироустройства, в котором Африка превратится в один из его значимых центров.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Фитуни Л.Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 15–24. DOI: 10.31857/S032150750014642-8
Fituni L.L. 2021. Science, technology and innovations in Africa: stereotypes, realities and prospects. *Asia and Africa today*. № 4. Pp. 15–24. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014642-8
2. Новосёлова Е.Н., Лядова А.В. Глобальное неравенство и особенности развития современной Африки. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2018. Т. 24. № 3. С. 87–107. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-87-107
Novoselova E.N., Liadova A.V. 2018. Global inequality and the main trends in development of Africa nowadays. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. V. 24. № 3. Pp. 87–107. (In Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-87-107
3. Niger, Mali, Burkina Faso announce withdrawal from ECOWAS. *Al Jazeera*. 28.01.2024. (In Russ.). <https://aljazeera.com/news/2024/1/28/niger-mali-burkina-faso-announce-withdrawal-from-ecowas> (accessed 09.02.2024)
4. Костелянец С.В. Конфликт по линии «центр-периферия» как перманентный фактор политической нестабильности Судана. *Политические системы и социальные структуры африканских стран: актуальные проблемы и*

²¹ <https://au-afcfta.org/about/> (accessed 08.02.2024)

- векторы развития. Сборник тезисов. М.: ИАФР РАН, 2023. С. 17. https://inafran.ru/sites/default/files/event_file/tezisy_-_politika27.09.2023.pdf (accessed 22.02.2024)
- Kostelyanets S.V. 2023. Conflict on the “center-periphery” axis as a permanent factor of Sudan’s political instability. *Political systmes and social structures of Afican countires: relevant problems and vectors of development. Collection of theses*. Pp. 17. (In Russ.). https://inafran.ru/sites/default/files/event_file/tezisy_-_politika27.09.2023.pdf (accessed 22.02.2024)
5. Немченко В.П. Африканский Союз на пути обновления. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 5. С. 60–61. DOI: 10.31857/S032150750004752-9
- Nemchenko V.P. 2019. African Union on Reformist Track. *Asia and Africa today*. № 5. Pp. 60–61. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750004752-9
6. Financial independence is key to stronger AU partnerships. *ISS Africa*. 13.02.2023. <https://issafrica.org/iss-today/financial-independence-is-key-to-stronger-au-partnerships#:~:text=The%20UN%20and%20EU%20are,contributor%20to%20the%20AU%27s%20budget> (accessed 09.02.2024)
7. Васильев А.М., Дегтерев Д.А., Цвык В.А. Проблемы развития Африки в международном контексте. Повестка дня Африканского союза – 2063 и перспективы российско-африканского сотрудничества. Под ред. Васильева А.М., Дегтерева Д.А., Буторова А.С. М.: РУДН, 2019. С. 5–13.
- Vasiliev A.M., Degterev D.A., Tsvyk V.A. 2019. Problems of Africa’s development in international context. African Union Agenda 2063 and prospects of Russia – Africa cooperation. Eds. Vasilyev A.M., Degterev D.A., Butorov A.M. Moscow. Pp. 5–13. (In Russ.)
8. Аль Асад А., Тимошечен В.А. Прикладной анализ стратегической конкуренции США и Китая в системе ООН 2017–2022 гг. *Конфликтология / nota bene*. 2023. № 3. С. 22–35. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.3.39991
- Al Asad A., Tsimashchenia V.A. 2023. Applied analysis of strategic competition between the USA and China in the UN system. *Conflictology / nota bene*. № 3. Pp. 22–35. (In Russ.)
9. African countries are fed up with being marginalised in global institutions. *The Economist*. 19.06.2023. <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2023/06/19/african-countries-are-fed-up-with-being-marginalised-in-global-institutions> (accessed 09.02.2024)
10. The African Union is joining the G20, a powerful acknowledgement of a continent of 1 billion people. *The Associated Press*. 09.11.2023. <https://apnews.com/article/g20-membership-africa-economy-india-ae58459261bc2722b54da422debc5b83> (accessed 09.02.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Волков Сергей Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, заведующий Центром изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН, Москва, Россия.

Sergey N. Volkov, PhD (Economics), Associate Professor, Head, Center for Russian-African Relations and Foreign Policy of African Countries, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Жамбиков Александр Мунирович, младший научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН, Москва, Россия.

Alexander M. Zhambikov, Junior Researcher, Center for Russian-African Relations and Foreign Policy of African Countries, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.02.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.04.2024

Принята к публикации
(Accepted) 21.05.2024

Христианские общины в политической жизни современного Ирака

© Лучников И.Р.^a, 2024

^a Институт восточных рукописей Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0003-4340-4454; lir-529@mail.ru

Резюме. Статья посвящена изучению и анализу политического участия иракских христианских общин, в ходе которых мы рассмотрели ряд лингвистических, исторических и конфессиональных особенностей, повлиявших на формирование ассирийских, халдейских и ассиро-халдейских политических движений на территории современного Ирака, их связям с единоверцами из сопредельных стран и отдаленных диаспор.

Автор выделяет 3 основные консолидирующие силы, защищающие интересы ассирийцев, халдеев и других конфессий – политические партии, церковь и ополчение. Отмечается, что современные иракские христианские политические партии полностью отражают ситуацию внутри политической системы страны после свержения баасистского правительства силами международной коалиции во главе с США: полная разбалансированность действий, невозможность прийти к консенсусу и дальнейшее дробление основных сил, способных проявить политическую волю, на еще меньшие структурные единицы.

Ключевые слова: Ирак, несторианское христианство, политические партии, ассирийцы, халдеи

Для цитирования: Лучников И.Р. Христианские общины в политической жизни современного Ирака. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 7. С. 66–72. DOI: 10.31857/S032150750031390-1

Christian Communities in the Political Life of Modern Iraq

© Luchnikov I.R.^a, 2024

^a Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0003-4340-4454; lir-529@mail.ru

Abstract. The article analyses the political participation of Iraqi Christian communities. In the context of the research, one explores the linguistic, historical and confessional factors that influenced the formation of Assyrian, Chaldean and Assyro-Chaldean political movements in the territory of Modern post-Ba’athist Iraq. In addition, the paper also investigates their connections with co-religionists from neighboring countries and distant diasporas. One may identify three main consolidating forces that protect the interests of the Assyrians, Chaldeans and other faiths: political parties, the Church and the militias. However, the research states that modern Iraqi Christian political parties fully reflect the situation within the national political system after the overthrow of the Baathist government by the US-led international coalition. There are complete imbalance of actions, inability to reach consensus and further fragmentation of the main forces capable of exerting political will into even smaller structural units.

Keywords: Iraq, Nestorian Christianity, political parties, Assyrians, Chaldeans

For citation: Luchnikov I.R. Christian Communities in the Political Life of Modern Iraq. *Asia and Africa today*. 2024. № 7. Pp. 66–72. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031390-1

ВВЕДЕНИЕ

Анализ участия христиан Ирака в политической жизни страны сопряжен с рядом сложностей. Так, мы подразумеваем движения, основанные по этническому, языковому и конфессиональному принципу; если обозначить первые два не представляет трудности, т.к. мы говорим о носителях новоарамейских языков, претендующих на ассиро-вавилонское происхождение, то с последним речь идет о двух и более конфессиях, разделяющих общую историческую христианскую традицию. Под ассирийцами мы подразумеваем представителей конфессий – наследниц Церкви Востока, а под халдеями – общины, за-

ключившие унию с Римско-католической церковью в середине XVI в. и восстановившие с ней евхаристическое общение в первой половине XIX в. [7, pp. 25–34].

Термин «*ашур*» – арамеи/ассирийцы – несет семантику этнолингвистической общности халдеев и ассирийцев, поэтому мы можем переводить его на русский язык либо как «айсоры», либо как «ассиро-халдеи», чтобы избежать терминологической путаницы [7, pp. 14–21]. Стоит отметить, что под словом «*ашур*» часто подразумевают не конкретную этническую, а культурную общность носителей обозначенных выше церковных традиций, которые были объединены литургическим сирийским языком на территории Леванта и Междуречья вплоть до его вытеснения арабским.

Численность ассиро-халдеев по всему миру колеблется от 3 до 5 млн человек, из которых лишь 1 млн проживает в Ираке, Сирии, Турции и Иране. По данным на 2022 г., из 43-миллионного населения Ирака приблизительно 500 тыс. человек – ассирийцы и халдеи¹.

Дабы перейти к анализу современного состояния ассиро-халдейских политических партий Ирака, следует обратиться к истории формирования ассиро-халдейского национализма и основных факторов разъединения этнокультурной общности наследников западной и восточной сирийской традиции.

ИСТОКИ АССИРО-ХАЛДЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Этническая история ассирийцев и халдеев уходит в глубину веков и имеет преемственность с древними цивилизациями Междуречья. Однако главным консолидирующим фактором, позволившим сохранить их идентичность в иноязычном и полирелигиозном окружении стало христианство – упоминание о первой епископской кафедре в районе современного Киркука относят к 117 г. Христиане Киркука заложили основу Церкви Востока, в период своего расцвета распространенной миссионерами, двигавшимися по торговым путям вплоть до южного побережья Индии и западных пределов Китая.

В самом Междуречье при ранних Аббасидах (750–945) церковь имела сильные позиции. Более того, местные христиане оказали большое влияние на развитие культуры и науки Золотого века ислама. С падением Аббасидского халифата большая часть ассирийцев мигрирует на север, в район Ниневийской равнины.

После завоевания Османской империей регионов Мосула, Багдада и Басры в XVI в. ассирийцы получили те же права, что и остальное христианское население империи, а статус католикоса-патриарха был приравнен к статусу трехбунчужного² паши [3, pp. 55–61].

После Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. был отмечен рост активности европейцев в христианских районах Верхней Месопотамии: британских и американских протестантских миссионеров, а также монахов доминиканского ордена, восстановивших католическую иерархию восточно-сирийского обряда [1, pp. 102–104].

Путешественники отмечали значительное преобладание христианского населения над мусульманским, фиксируя нарастающее напряжение между христианами и курдами, с той оговоркой, что речь шла исключительно о суннитах, но не о езидях: подобные конфликты протекали и в Каджарском Иране. В начале 1840-х гг. произошло несколько крупных стычек, последствия которых старалась нивелировать османская администрация. Попытка Высокой Порты ограничить власть Бадрхана среди других курдских эмиров посредством реформы местного территориального управления привела к восстанию 1843–1846 гг., в результате которого погибло несколько тысяч христиан-ассирийцев [3, pp. 61–67].

До начала Первой мировой войны между ассиро-халдеями и курдами-суннитами сохраняется статус-кво, прерываемый случаями кровопролития в 1850-е и 1880-е гг., инициированными обеими сторонами, однако не достигавшими масштаба описанных выше событий. Отметим и вовлеченность европейских держав в контексте Восточного вопроса, а именно России, Великобритании и Франции, в дела Османов и Каджаров, наращивавших агентурную сеть среди местных христиан, что одновременно с ослаблением курдских аристократических родов и усилением позиций шейхов накшбандийского тариката способствовало росту антихристианских настроений [5, pp. 3–4].

¹ <https://www.assyrianpolicy.org/iraq> (accessed 10.03.2024)

² Бунчук – в тюрко-монгольском мире древко с привязанным конским хвостом, символизирующее статус государственного служащего. Право на ношение трех бунчуков уравнивало положение католикоса-патриарха с губернаторским и министерским (прим. авт.).

Зачастую европейские путешественники констатировали незначительность различий в языке и обычаях ассирийцев-христиан и курдов Верхней Месопотамии. Ряд авторов отмечали существование деревень, населенных курдами-христианами. Этот факт находит подтверждение и в средневековых источниках: трудах аль-Масуди и записках Марко Поло [9, pp. 25–36]. Дать точную оценку распространения христианства среди курдских племен в разные исторические периоды невозможно, однако мы можем констатировать наличие курдско-арамейского двуязычия, характерного для христианского населения обозначенного региона. Отметим, что на сегодняшний день несколько тысяч курдов Сирии и Ирака действительно обратились в протестантизм³.

В рамках становления ассиро-халдейского национализма контакты с европейцами и раскол Церкви Востока на Ассирийскую (несторианскую) и Халдейскую (восточнокатолическую) на территории Междуречья в первой половине XIX в., а также переход в юрисдикцию Русской православной церкви паствы епископа Урмии Мар Ионы в 1898 г. приводят к тому, что постепенно в арамеоязычной среде этнический компонент начинает превалировать над конфессиональным при сохранении общего христианского начала в качестве идеологии. На первый план ассиро-халдейского общества выдвигаются и светские военные политические лидеры, такие как Ага Петрос и малик племени Тйаре Хошаба Иосиф. Прослеживалась также риторика о необходимости создания независимого ассирийского государства [6, pp. 67–68].

Ассиро-халдейский национализм формируется в поликонфессиональной интеллектуальной среде в конце XIX в. на принципах общего этнического и территориального происхождения [5, pp. 2–5]. Помимо обозначенного разделения по принципу различных деноминаций в восточно-новоарамейской лингвистической общности, подобный, но менее явный с идеологической точки зрения раскол присутствует в западной – последователи Сирийских православной (яковитской) и католической церквей чаще отождествляют себя с арамеями. Это церкви западно-сирийского (антиохийского) обряда, общего в том числе и для маронитов, имеют ряд отличий в литургическом чинопоследовании, а также расхождений по богословским вопросам, касающимся понимания божественной и человеческой природы Иисуса Христа и терминологических разночтений вокруг почитания Девы Марии [4, pp. 157–159].

На сегодняшний день в ассиро-арамейских общинах на территории Сирии присутствует раскол другого толка: часть из них поддерживает правительство Башара Асада, другая – курдскую автономную администрацию на северо-востоке Сирии (Рожаву), добившись признания сирийского (западного новоарамейского) в качестве одного из официальных языков Автономной администрации северной и восточной Сирии⁴. В свою очередь, базисом маронитского национализма являются принципы финикизма [2, pp. 67–70], поэтому, с точки зрения самих халдеев и ассирийцев, марониты являются лишь родственным этноконфессиональным сообществом.

Во время активной фазы формирования идеологической основы ассиро-халдейского национализма особое влияние на него оказал периодический светский журнал «Кухва», издававшийся с 1906 г. активистами различных христианских общин Урмии на классическом сирийском языке, который распространялся в том числе на территории Османской империи. Основной акцент издания делался на модернизации единого литературного языка и сохранении общего надконфессионального культурного наследия при попытке создания независимого государства на Ближнем Востоке в ареале основного проживания представителей Ассирийской церкви Востока, Халдейской католической, Сирийской православной и Сирийской католической церквей [5, pp. 3–4].

В годы Первой мировой войны несторианский патриарх Мар Шимун XIX обсуждал подобный проект с представителями военного командования Антанты, в частности с генералом от инфантерии В.В.Смирновым. При поддержке британского экспедиционного корпуса был сформирован легион ассирийских добровольцев. Империалистическое противостояние эскалировало конфликт между курдами и ассиро-халдеями [1, pp. 102].

На Лозаннской конференции 1920 г. делегация во главе с Ага Петросом подает меморандум, излагающий требования о создании автономии, границы которой совпадали бы с линиями водоемов: от бассейна реки Большой Заб до озера Урмия. Однако бывшие союзники не были заинтересованы в реализации данного проекта. Более того, статус ассирийцев и халдеев и вовсе не декларировался Лозанским договором.

³ <https://kurdishpeople.org/christianity/> (accessed 10.03.2024)

⁴ <https://npasyria.com/4335/> (accessed 10.03.2024)

На протяжении 1920-х гг. Ага Петрос вместе со своими сторонниками пытался добиться от мандатных властей особого статуса в ходе обсуждения принадлежности и разграничения нефтяных запасов Мосульского вилайета и прилегающих к нему территорий. [7, pp. 106–110].

В начале 1930-х гг. Лига Наций пыталась решить этот вопрос путем лоббирования программы переселения в британские доминионы, которая окончилась неудачей. Часть беженцев приняли власти французского мандата Сирии и Ливана, расселив их в долине реки Хабур⁵. Ассирийские погромы на севере Ирака 1933 г. вынуждают католикоса-патриарха Мар Шимуна XXI и большую часть ассирийской элиты бежать на Кипр, а затем в США [3, pp. 79–85], поставив точку в вопросе христианской автономии в составе независимого арабского Хашимитского королевства.

Период 1920–1970 гг. был отмечен расколом между ассирийскими и халдейскими общинами Ирака в связи с растущим кризисом идентичности; который продолжал усугубляться в связи с активной эмиграцией в США в 1920–1940 гг.

Так, представители Ассирийской церкви Востока (АЦВ) формируют более замкнутую диаспору, установившую, в отличие от халдеев, тесные связи с арабоязычными католиками, прежде всего с маронитами, однако к 1960–1970-м гг. происходит процесс реконсолидации, в рамках которой этнолингвистический компонент постепенно выходит на первый план после убийства католикоса-патриарха Церкви Востока Мар Шимуна XXI в 1973 г. [7, pp. 114–133].

Стоит отметить раскол, произошедший внутри Ассирийской церкви Востока в 1960 г. в связи с календарной и иными реформами, в результате чего от Церкви отделилась архиепархия в Индии, образовавшая отдельную церковную иерархию и ряд приходов в Ираке и диаспорах, провозгласивших Древнюю Ассирийскую церковь Востока (ДАЦВ) во главе с епископом Мар Фомой Дармо⁶.

Ныне покойный католикос-патриарх АЦВ, сменивший на апостольском престоле Мар Шимуна XXI, Мар Дынха IV (1935–2015) смог в 1990-е гг. преодолеть раскол с индийскими общинами. Подобный диалог выстраивался и с ДАЦВ – в 2014 г. предстоятели обеих церквей выступили с заявлением о начале постепенного воссоединения.

После кончины Мар Дынха IV в 2015 г. новый глава АЦВ Мар Гиваргис III продолжил политику своего предшественника – в мае 2022 г. должна была состояться церемония слияния обеих иерархий, но в связи с уходом из жизни Мар Аддая II (1948–2022) в феврале того же года все соответствующие мероприятия были отложены вплоть до интронизации нового католикоса-патриарха ДАЦВ в июне 2023 г. и до сих пор не были возобновлены⁷.

В свою очередь, АЦВ и Римско-католическая церковь (РКЦ) подписывают в 1994 г. Совместную христологическую декларацию⁸, составленную по аналогии с Декларацией 1965 г. между РКЦ и Константинопольской православной церковью, отменившей взаимные анафемы из-за обвинений в ереси 1054 г., расколовшие единую церковь на Римско-католическую и Греко-православную. Отметим, что современная доктрина РКЦ по взаимодействию с некатолическими церквями, в соответствии с экуменистическими постановлениями II Ватиканского собора 1962–1965 гг., направлена на укрепление связей между церквями-сестрами и проведение равноправного богословского диалога.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ АССИРИЙЦЕВ И ХАЛДЕЕВ ИРАКА

Постепенно ситуация в Хашимитском Ираке стабилизируется, часть ассирийцев и халдеев мигрирует из северных районов страны в Багдад; христианские депутаты представлены в нижней палате парламента, а халдейский католикос-патриарх назначается сенатором верхней.

С установлением бааситского правления в 1963 г. в Сирии лишь несколько христиан вошло в состав правящей партии, в частности, Михаил Юханна (1936–2015), известный как Тарик Азиз, помимо того, что в разное время занимал посты министра информации и иностранных дел, был одним из двух вице-

⁵ <https://oeuvre-orient.fr/breve-histoire-des-chretiens-en-irak-par-christian-lochon/> (accessed 10.03.2024)

⁶ http://fides.org/fr/news/73132-ASIE_IRAQ_Marcher_ensemble_dans_la_foi_des_Apotres_Entretien_avec_Mar_Awa_III_Patriarche_de_l_Eglise_assyrienne_de_l_Orien (accessed 11.03.2024)

⁷ http://www.fides.org/fr/news/73132-ASIE_IRAQ_Marcher_ensemble_dans_la_foi_des_Apotres_Entretien_avec_Mar_Awa_III_Patriarche_de_l_Eglise_assyrienne_de_l_Orien (accessed 11.03.2024)

⁸ https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/speeches/1994/november/documents/hf_jp-ii_spe_19941111_dichiarazione-cristologica.htm (accessed 12.03.2024)

премьеров при правительстве Саддама Хусейна, а также входил в Совет революционного командования⁹. Подобное назначение было элементом политической пропаганды, как внутренней, так и внешней: Баас было важно поддерживать доверительные отношения с Ватиканом, которые, в свою очередь, помогали долгое время поддерживать диалог со странами Запада на приемлемом уровне.

Формирование христианских политических партий относится к концу 1970-х гг., первой из которых стало Ассирийское демократическое движение (АДД), основанное в 1979 г. путем консолидации нескольких студенческих группировок с целью защиты культурной автономии, а также прав и свобод халдеев и ассирийцев, при этом оно осуждало сепаратизм и отвергало идею создания собственного государства на севере Ирака. В 1991 и 2003 гг. АДД тем не менее поддержало интервенцию в Ирак международной коалиции, возглавляемой США¹⁰.

Движение напрямую финансировалось со стороны США как по линии диаспоры, так и по официальным государственным каналам, в частности, согласно положениям Закона № 105–338 «Об Освобождении Ирака» от 31.10.1998¹¹, АДД причислялась к демократическим оппозиционным силам наряду с курдскими и преимущественно шиитскими политическими объединениями, которые имели право на финансовую, гуманитарную и военную помощь.

В результате репрессий со стороны баасистского режима Движение начинает вооруженную борьбу против центрального правительства, выступая союзником курдов, благодаря чему стабильно получает несколько депутатских мандатов в парламенте Иракского Курдистана. Отметим, что преимущественно ассирийское руководство АДД было в значительной мере обескровлено в результате волны арестов и последовавших за ними репрессий в 1984 г., а также во время операции иракской армии против курдских и союзных им антибаасистских сил – «Анфаль», названной так в честь коранической суры «Аль-Анфаль» (араб. «Добыча») в 1988 г.¹²

В 2013 г. в результате внутрипартийного раскола, начавшегося из-за обвинения руководителя АДД Йонадаме Канне в узурпации власти и нарушении демократических принципов, часть членов Ассирийского демократического движения во главе со Срудом Мактдаси (хирургом по образованию) образуют новую партию – Бнай Нахрейн (сир. *Сыны Месопотамии*), являющуюся продолжательницей исконного политического курса Ассирийского демократического движения¹³.

Главным конкурентом АДД на политической арене является Халдео-ассирийский народный совет (ХАНС), основанный на базе «Списка Иштар» – временного объединения христианских кандидатов на парламентских и муниципальных выборах 2007 г. – и возглавляемый преимущественно халдеями. Инициатором создания партии стал Саркис Агаджан, член Демократической партии Курдистана, бывший министр финансов Иракского Курдистана¹⁴. В идеологическом плане партия мало чем отличается от Ассирийского демократического движения. В 2013 г. место в парламенте Курдистана, традиционно принадлежащее ХАНС, занимает партия «Сыны Месопотамии»¹⁵. Предшественником ХАНС является Халдейский демократический союз, основанный в 2003 г. сразу после вторжения сил коалиции во главе с США в Ирак, партия существует до сих пор, но не пользуется особой популярностью [7, р. 70].

Другой халдейской партией является Движение «Вавилон», основанное в 2014 г. одним из полевых командиров отряда одноименного халдейского ополчения, входящего в состав «Отрядов защиты Ниневийской равнины», – Райаном аль-Кильдани, находящимся под санкциями со стороны США за нарушения прав человека и часто критикуемым церковными иерархами как ассирийской, так и халдейской общин, в т.ч. иерархами Халдейской католической церкви [8, pp. 55–56]. Тем не менее аль-Кильдани был главным инициатором пастырского визита Папы Римского Франциска в Ирак в 2021 г. и его последующих переговоров с лидером иракских шиитов аятоллой Али ас-Систани¹⁶.

Отряды Защиты Ниневийской равнины (ОЗНР) были созданы в 2014 г. преимущественно ассирийцами и халдеями сразу после вторжения ИГИЛ на территорию провинции Найнава и отступления под-

⁹ <https://www.aljazeera.net/encyclopedia/2014/12/20/طارق-عزیز> (accessed 14.03.2024)

¹⁰ <https://www.zowaa.org/category/عن-الحركة/> (accessed 15.03.2024)

¹¹ <https://www.congress.gov/bills/105th-congress/house-bill/4655/text> (accessed 16.03.2024)

¹² <https://www.zowaa.org/category/عن-الحركة/> (accessed 15.03.2024)

¹³ <https://www.bnaynahrain.com/عن-الكيان/> (accessed 14.03.2024)

¹⁴ <http://aramean-dem.org/Arabic/Archev/HabebTomi/080805.ht> (accessed 16.03.2024)

¹⁵ <https://www.bnaynahrain.com/عن-الكيان/> (accessed 14.03.2024)

¹⁶ <https://www.syria.tv/?amp> (accessed 13.03.2024)

разделений ВС Ирака из региона. ОЗНР входят в состав коалиции с шиитскими и езидскими ополчениями, образуя Силы народной мобилизации. Официально наиболее существенную поддержку из всех христианских партий ОЗНР оказывает им Ассирийское демократическое движение.

Крупнейшей боевой операцией, в которой участвовали отряды ОЗНР, стало освобождение Мосула в 2017 г. совместно с иракской регулярной армией, шиитским ополчением и курдской Пешмергой. На сегодняшний день эти отряды – единственные боевые подразделения, уполномоченные на несение дежурства и защиту христианских районов на территории Ниневийской долины. В отличие от официальных христианских политических партий Ирака, командование отрядов ОЗНР напрямую заявляет, что его конечной целью является формирование новой провинции Ниневия на правах автономии, аналогичной автономному статусу Региона Курдистан¹⁷.

По мнению американских экспертов, Халдео-ассирийский народный совет может стать иранским прокси. Подобные предположения выдвигаются в связи с поддержкой аль-Кильдани со стороны Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Ключевыми отличиями являются критическое отношение к американскому влиянию в регионе, проарабская риторика и поддержка контактов с шиитскими структурами [8, pp. 56–61]. Движение «Вавилон» проявляет свою активность в Багдаде, Ниневии и Эрбиле. В парламенте Ирака последнего созыва партия имеет 4 мандата¹⁸.

В связи с политической деятельностью обеих партий стоит затронуть вопросы партийной печати и массовой информации.

Важной вехой становления современной айсорской периодики стало основание в 1977 г. Ассирийским фондом Америки англоязычного научно-популярного журнала «Ниневия»¹⁹. В 1982 г. был опубликован первый выпуск главной политической газеты АДД – «Бахра» (сир. *Свет*) на арабском и сирийском языках. До 2003 г. «Бахра» издавалась и распространялась только подпольно благодаря усилиям айсорской диаспоры в Канаде и Швеции²⁰. АДД также принадлежит канал «Ашур ТВ»²¹. Что же касается Халдео-ассирийского народного совета, то ему принадлежит канал «Иштар ТВ»²² и ряд небольших периодических изданий. У других партий есть только партийные сайты и публичные страницы в социальных сетях.

Говоря о политическом участии Ассирийского демократического движения, Сынов Месопотамии, Движения «Вавилон», Халдейского демократического союза и Халдео-ассирийского народного совета, мы должны отметить, что эти партии не имеют в полной мере социальных и экономических программ. Стоит обратить внимание на то, что в парламенте Иракского Курдистана есть депутаты Ассирийского Всеобщего альянса²³, возникшего в эмигрантской среде во Франции в 1968 г., также присутствующего в Исламском консультативном совете Ирана²⁴.

Де-юре эти правоцентристские этнические партии придерживаются парадигмы либеральной демократии, выступая за сохранение сегментарного характера иракского общества, но стремясь к формальному внеконфессиональному единению внутри айсорской культурной общности. В действительности же вместо заявленной консолидирующей позиции руководители указанных партий с начала 2000-х гг. ведут ассирийские и халдейские общины Ирака к нарастающему структурному кризису [6, p. 71], балансируя между крупными политическими силами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя комплексный анализ исторической обусловленности фактора политического участия христианских общин современного Ирака, мы выделяем 3 основные консолидирующие силы, защищающие интересы ассирийцев, халдеев и других конфессий – политические партии, церковь и ополчение.

¹⁷ <https://www.ninevehplaindefensefund.org/about-npu/> (accessed 17.03.2024)

¹⁸ <https://iq.parliament.iq/النواب> (accessed 15.03.2024)

¹⁹ <https://www.assyrianfoundation.org/history-of-nineveh-magazine/> (accessed 15.03.2024)

²⁰ <https://www.zowaa.org/category/لېږد> (accessed 10.03.2024)

²¹ <https://www.tv-address.com/channels/ashur-tv-iraq-television.html/> (accessed 16.03.2024)

²² <https://www.ishtartv.com/> (accessed 13.03.2024)

²³ <https://www.parliament.krd/english/members-and-parties/parties/> (accessed 14.03.2024)

²⁴ <https://en.parliran.ir/eng/en/10th%20Ter> (accessed 16.03.2024)

Современные иракские христианские политические партии полностью отражают ситуацию внутри политической системы страны после свержения баасистского правительства силами международной коалиции во главе с США: полная разбалансированность действий, невозможность прийти к консенсусу и дальнейшее дробление сил, способных проявить политическую волю.

Хотя 5 христианских политических партий Ирака отражают региональные и конфессиональные особенности общин страны, противоречия между ними не позволяют в полной мере отстаивать интересы христиан на федеральном и региональном уровнях. Партии не имеют структурированной политической программы, т.к. воспроизводят традиционную систему представителя и адвоката общины (миллета) при дворе мусульманского правителя, которым на протяжении истории был религиозный, а не политический лидер. На севере страны им важно поддерживать высокий уровень отношений с правительством Курдистана, однако южнее необходимо искать новых союзников: так мы можем объяснить действия аль-Кильдани, наладившего взаимодействие с шиитскими силами.

Между церковными иерархами наблюдается более сплоченная кооперация: если политическим партиям обязательно нужно принимать решения более оперативно и точно, то церкви могут рассматривать многие вопросы на протяжении долгих лет, дабы исключить искажения святоотеческих традиций в угоду веяниям современной эпохи.

Ополчение занимает более радикальную позицию, однако его главное требование – создание равной по статусу Региону Курдистан Ассирийско-халдейской автономии – предусматривает проработку путей решения вопроса об административно-территориальном статусе района комплексного проживания христианских общин Ирака, помимо ассиро-халдеев, армян и нескольких тысяч курдов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Победоносцева-Кая А.О. От поддержки христиан к мировой революции: ассирийский вопрос в политике Российской империи и СССР. *История повседневности*. 2022. Вып. IV (XXII), с. 99–117.
Pobedonostseva-Kaya A.O. 2022. From support of Christians to the world revolution: the Assyrian question in the politics of the Russian Empire and the USSR (In Russ.). *History of everyday life*. № 4. Pp. 99–117.
2. Родионов М.А., Сарабьев А.В. Марониты: традиции, история, политика. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
Rodionov M.A., Sarabyev A.V. 2013. Maronites: traditions, history, politics. Moscow. (In Russ.)
3. Селезнев Н.Н. Ассирийская Церковь Востока: Исторический очерк. М.: Ассирийская Церковь Востока, 2001.
Seleznev N.N. 2001. Assyrian Church of the East: Historical Sketch. Moscow. (In Russ.)
4. Селезнев Н.Н. Христология Ассирийской Церкви Востока. М.: Euroasiatica, 2002.
Seleznev N.N. 2000. Christology of the Assyrian Church of the East. Moscow. (In Russ.)
5. Akturk S. 2002. Perspectives on Assyrian Nationalism. *Hemispheres: Tufts University Journal of International Affairs*. № I, pp. 1–15.
6. Boháč. A. 2010. Assyrian Ethnic Identity in a Globalizing World. *Beyond Globalisation: Exploring the Limits of Globalisation in the Regional Context (conference proceedings)*. Ostrava: University of Ostrava Czech Republic, pp. 67–72.
7. Hanoosh Y. 2019. The Chaldeans: Politics and Identity in Iraq and the American Diaspora. London, New York: I.B. Tauris.
8. Iraq's Stolen Election: How Assyrian Representation Became Assyrian Repression. 2018. Washington, DC: Assyrian Policy Institute.
9. جيفوك م. مأساة قبيلة برزان المضطهدة. ١٩٥٤. أربيل: دار ياراس برس.
Chiyavuk M. 1954. The tragedy of the oppressed Barzan tribe. Erbil: Dar Yaras Press. (In Arab.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лученков Иван Романович, аспирант, Отдел Ближнего и Среднего Востока, Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Ivan R. Luchenkov, Post-graduate student, Department of Near and Middle East, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.03.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 18.06.2024

«Чрезвычайное положение»: интрига невышедшего фильма

© Иконникова Т.Д.^a, 2024

^a МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8859-0532, iron_queen@mail.ru

Резюме. В современном индийском обществе большое влияние на трактовку тех или иных исторических процессов оказывают как профессиональные историки и политики, так и деятели культуры. С их подачи события минувших десятилетий, сотен, а то и тысяч лет обретают не только новое художественное выражение, но и альтернативные смыслы и трактовки. Сложный период истории независимой Индии – годы всеобщего чрезвычайного положения (1975–1977) – постигла та же участь.

На примере новой кинокартины *Emergency* («Чрезвычайное положение», реж. Кангана Ранаут), показ которой в Индии неоднократно откладывался с осени 2023 г., в статье рассматриваются разноплановые интерпретации неоднозначных кризисных событий 1975–1977 гг. и реакция на них со стороны ведущих политических партий страны.

Ключевые слова: Индия, Индира Ганди, кризис 1970-х гг., чрезвычайное положение, Бхарата джаната парти, Индийский национальный конгресс, интерпретации

Для цитирования: Иконникова Т.Д. «Чрезвычайное положение»: интрига невышедшего фильма. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 7. С. 73–80. DOI: 10.31857/S032150750031391-2

Emergency: Behind the Scenes of an Unreleased Film

© Tatiana D. Ikonnikova, 2024

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8859-0532; iron_queen@mail.ru

Abstract. In the contemporary Indian society, not only professional historians and politicians but also artists significantly influence the representations of certain historical processes. Through their efforts, past events gain alternative meanings and interpretations. *Emergency* (1975–1977) – a painful and controversial period in the history of independent India – has been sharing the same fate.

The article examines interpretations of the ambiguous events of the 1970s and the response of India's leading political parties to them focusing on a new film, *Emergency* (directed by Kangana Ranaut), whose release date has been repeatedly postponed in India since autumn 2023.

For the ruling Bharatiya Janata Party (BJP) the legacy of the Emergency remains a powerful tool of social and cultural influence on the Indian society. Rethinking the Emergency in fiction and cinematography has long been under the onslaught of the populist rhetoric of the currently dominant BJP and the opposition parties. Today, the Emergency narrative offers an option for not only describing the past through the new lens, but also for interacting with India's present and reflecting on the country's future.

Keywords: India, Indira Gandhi, crisis of the 1970s, the Emergency, BJP, INC, interpretations

For citation: Ikonnikova T.D. *Emergency: Behind the Scenes of an Unreleased Film*. *Asia and Africa today*. 2024. № 7. Pp. 73–80. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031391-2

ВВЕДЕНИЕ

Ежегодно 25 июня в Индии вспоминают события 1975 г., которые привели к объявлению на всей её территории всеобщего чрезвычайного положения (см. [1, р. 969]).

Почти полвека назад кабинет министров во главе с премьер-министром Индирой Ганди (1917–1984), возглавлявшей партию Индийский национальный конгресс (ИНК) ввел особый режим с целью «спасти индийскую демократию и защитить внутреннюю безопасность страны» [2; 3, pp. 3–5]. Сообщалось, что над страной нависла опасность развязывания внутренних беспорядков со стороны «антииндийских» элементов, или оппозиционных сил, всё активнее призывавших население Индии выходить на улицы в знак несогласия с политикой центрального правительства.

Кабинет министров объявил в стране чрезвычайное положение: деятельность ряда общественно-политических объединений запрещалась, ограничивались конституционные права и свободы (свобода передвижения, совести, собраний и ассоциаций, право на неприкосновенность частной жизни). По этой причине новый порядок был воспринят как «отмена» демократии и усиление авторитарных тенденций во власти.

Введение чрезвычайного положения в июне 1975 г. стало закономерным следствием назревавшего в Индии с середины 1960-х гг. системного кризиса.

На период с 1966 по 1971 г. пришелся первый срок пребывания Индиры Ганди на посту премьер-министра. Для Индии это было время стремительного демографического роста и одновременно – экономического спада, обусловленного в т.ч. неурожайными годами (1965–1967). По статистическим данным, в 1960–1980-е гг. ежегодный прирост населения в среднем составлял 13 млн человек¹. Между тем в стране по-прежнему не была решена проблема продовольственного обеспечения и безопасности. В связи с этим одним из приоритетных направлений развития для кабинета Индиры Ганди стали социально-экономические реформы и ликвидация бедности.

Несмотря на трудности в экономике, в 1971 г. ИНК получил абсолютное большинство (352) депутатских мандатов в нижнюю палату парламента страны. Индира Ганди во второй раз подряд стал премьер-министром Индии.

Блестящая победа ИНК на выборах была подготовлена и внешнеполитическими событиями: в 1971 г. у Индии появился новый сосед в лице независимой Бангладеш. Возникновение нового государства на политической карте Южной Азии было политическим завоеванием правительства Индиры Ганди, поддержавшего в 1971 г. национально-освободительное движение в восточной провинции Пакистана². Как следствие, авторитет премьер-министра как сильного лидера, а также ИНК как ведущей политической организации только возрос, что и продемонстрировали очередные всеобщие парламентские выборы 1971 г.

Однако эйфория от победы была недолгой: мировой энергетический кризис 1973 г. спровоцировал рост цен на продовольственные товары, рост безработицы, способствуя ухудшению и без того тяжелого материального положения жителей сельской местности – подавляющего большинства населения Индии. Доверие масс к Индире Ганди и её правительству оказалось подорванным.

На волне этих настроений в индийском обществе окрепла оппозиция, а ряд штатов на западе и востоке страны охватили протестные настроения. Так, в Гуджарате зародилось «Движение обновления» [3; 4; 5], основной костяк которого составляли студенты и население городов, недовольных быстрым ростом цен на товары первой необходимости, повсеместно процветавшими в стране коррупцией и nepотизмом. По мере вовлечения в протестные акции всё большего и большего количества людей, стало неизбежным столкновение конгрессистских и оппозиционных сил. Действуя на опережение, Индира Ганди при поддержке кабинета министров прибегла к механизму чрезвычайного реагирования³.

¹ <https://www.worlddata.info/asia/india/populationgrowth.php> (accessed 10.02.2024)

² В декабре 1971 г. произошел вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном. Причиной стало вмешательство Индии в гражданскую войну, шедшую в Восточном Пакистане. В результате боевых действий Пакистан потерпел тяжелое поражение, а Восточный Пакистан (Бангладеш) обрел независимость (*прим. ред.*).

³ Индира Ганди попыталась успокоить население в радиообращении 26 июня 1975 г.: «Это кризис Конгресса и нации. Это не кризис, разразившийся внезапно, он назревал в течение долгого времени. Это противостояние между двумя системами взглядов в отношении целей и методов будущего функционирования Конгресса». См. [2].

Новый порядок действовал 21 месяц и стал испытанием на прочность для всего общества. Реакция населения не была однозначной: режим сыскал среди рядовых граждан как надежных сторонников, так и ярых противников. Последние особенно рьяно критиковали новый политический курс кабинета министров И.Ганди и обвиняли её в насаждении диктатуры семьи Неру-Ганди. Кроме того, были и миллионы тех, кто не воспринял правление в условиях чрезвычайного положения как нечто противоестественное и навязанное, а, напротив, отнесся к ограничениям индифферентно.

Среди представителей кино и литературы были и те, кто открыто поддержал перемены в обществе, и те, кто примкнул к лагерю недовольных⁴. Практически сразу начался процесс осмысления событий всеобщего чрезвычайного положения и первые произведения о «темном» периоде стали создаваться уже в период действия режима.

Для современной Индии, где у власти с 2014 г. находится антагонист ИНК – партия индуcского большинства Бхаратия джаната парти (БДП), события 1975–1977 гг. представляют собой мощный социокультурный ресурс и инструмент воздействия на индийское общество [6; 7]. Сюжеты о событиях периода чрезвычайного положения, обыгрываемые в кино, уже давно стали частью идеологического противостояния соперничающих ИНК и БДП. Путем конструирования образов «своих – чужих» партии вырабатывают нужный ей взгляд как на прошлое, так и на место этого прошлого в настоящем, а нередко и в будущем.

Время чрезвычайного положения и сегодня не перестает волновать умы миллионов индийцев и вызывает у них огромный интерес: издаются художественные и публицистические книги, снимаются документальные фильмы, публикуется старая документальная хроника. Всё это свидетельствует о том, что события 1975–1977 гг. – важная веха в истории Индии, требующая дальнейшего осмысления.

Один из последних примеров – ожесточенная дискуссия, развернувшаяся вокруг кинокартины *Emergency* («Чрезвычайное положение», реж. Кангана Ранаут), показ которой в Индии неоднократно откладывался с осени 2023 г. Споры, которые продолжаются вокруг еще не вышедшего фильма о событиях 1975–1977 гг., являются отражением общественно-политических процессов и реалий сегодняшней Индии.

НАЗАД В 1975-й: ИНДИРА И ЕЁ ИНДИЯ

Кинофильм *Emergency* был заявлен как очередная попытка дать оценку неоднозначным событиям почти полувековой давности.

Режиссером и исполнительницей главной роли – Индиры Ганди – выступила актриса Кангана Ранаут⁵. Сюжетная линия произведения охватила конец 1960-х гг. – первую половину 1970-х и поведала зрителям не только о событиях 1975–1977 гг., но и показала Индию после смерти её первого премьер-министра Джавархалала Неру (1889–1964)⁶. Произведение призвано помочь понять социально-политический ландшафт нынешней Индии⁷ тем поколениям индийцев, что родились уже после чрезвычайного положения, – не раз отмечала Кангана Ранаут в своих интервью в преддверии съемок картины.

Как можно понять из выпущенных промоматериалов к фильму, в центре повествования находится история режима 1975–1977 гг., показанная сквозь призму событий, которые привели Индию к всеобщему чрезвычайному положению. Создателями фильма ставилась задача перенестись в далекий от современного зрителя 1975 г. и увидеть собственными глазами Индию Индиры. В официальном описании к

⁴ В частности, среди осудивших чрезвычайное положение были известные писатели С.Рушди и В.С.Найпол. В то же время более 40 именитых литераторов того времени написали коллективное обращение правительству Индиры Ганди, где выразили свою поддержку режиму, в т.ч. Хариванш Рай Баччан, Амрита Притам, Раджиндер Сингх Беди и др. См.: <https://india-today.in/india/story/in-1975-40-prominent-writers-including-harivansh-rai-bachchan-supported-emergency-1556857-2019-06-26> (accessed 31.01.2024)

⁵ Кангана Ранаут (1987 г.) – популярная индийская актриса, известная своими ролями в исторических фильмах (прим. авт.).

⁶ <https://www.amarujala.com/photo-gallery/entertainment/bollywood/kangana-ranaut-on-emergency-said-many-people-do-not-know-the-real-reason-for-doing-this-by-indira-gandhi-2023-06-26> (accessed 11.02.2024)

⁷ См. например: https://www.imdb.com/news/ni63175150/?mode=desktop&ref_=m_ft_dsk (accessed 11.02.2024)

фильму подчеркивалось, что произведение «основано на реальных событиях, имевших место в годы правления Индиры Ганди, одной из самых влиятельных женщин в истории Индии»⁸.

Иными словами, создатели кинокартины изначально представляли свое детище не как результат художественных грез, а как серьезный документальный продукт. И хотя во всех пресс-релизах и промо-роликах фильм был обозначен как «историческая драма», что, по существу, предполагает большую свободу в воспроизведении и интерпретации исторических событий, тем не менее при работе над картиной активно использовалась архивная съемка и старые интервью с политиками – современниками описанных процессов⁹. Одновременно весомая доля экранного времени уделялась закулисной чрезвычайного положения, как бы увиденному глазами Индиры Ганди.

Идея показать чрезвычайное положение через призму взглядов главной фигуры режима – премьер-министра страны – не нова или не революционна для индийского кинематографа. Однако во всех более ранних художественных фильмах об этом периоде¹⁰ Индира Ганди выступала как второстепенное действующее лицо, а главными героями, как правило, представляли среднестатистические индийцы, с которыми обычный зритель мог отождествить себя. Создатели фильма *Emergency* поставили более амбициозную цель – показать, что именно побудило Индиру Ганди решиться на введение этого режима в стране. По словам самой Канганы Ранаут, по мере погружения в события 1975–1977 гг. в ходе съемок кинокартины она пришла к более глубокому пониманию современной истории Индии: «Помимо обретения страной независимости многие считают этот период [1975–1977] самым “темным” этапом, но между тем большинство не знает и не понимает, почему на самом деле Индира Ганди ввела чрезвычайное положение. Мне хотелось показать изнанку этой истории. Верю, что после просмотра фильма мнение многих людей поменяется»¹¹.

В одном из интервью ведущая актриса и по совместительству режиссер кинокартины отметила, что ей удалось по-настоящему перевоплотиться в Индиру Ганди и, по сути, попытаться за неё найти ответы на непростые вопросы: «Мне кажется, будто я пережила все потрясения, случившиеся с Индирой Ганди – особенно смерть её сына и всё, что произошло потом. Всё, что произошло в её жизни после чрезвычайного положения и во время него, оставило неизгладимое впечатление. Я глубоко погрузилась в её историю... Но я не смогла определиться, было ли это её личной трагедией или уготованным предназначением?»¹².

Из видеоряда, постеров и другой рекламной атрибутики к еще не вышедшей киноленте очевидно, что помимо персонажа И.Ганди, в картине представлены и другие политические фигуры того времени, сыгравшие важную роль в описываемых событиях. В их числе – младший сын Индиры и наследник семьи Неру-Ганди Санджай Ганди, лидеры оппозиционного движения Джайпракаш Нарайян, Атал Бихари Ваджапайи, Морарджи Десаи, Баласахей Деорас, сподвижники Индиры – Джагдживан Рам, Сэм Манекшоу и др. Такое внимание в фильме политическим соратникам и противникам Индиры Ганди уделено не случайно. Именно эти общественно-политические деятели задавали тон индийской политике середины 1970-х гг. Справедливо будет отметить, что на них лежал не меньший груз ответственности за вмененные Индире Ганди промахи, допущенные в ходе проведения политических кампаний 1975–1977 гг.

⁸ <https://www.indiatoday.in/india/story/in-1975-40-prominent-writers-including-harivansh-rai-bachchan-supported-emergency-1556857-2019-06-26> (accessed 31.01.2024)

⁹ <https://hindi.news18.com/news/entertainment/bollywood-kangana-ranaut-upcoming-movie-emergency-teaser-released-actress-look-and-voice-over-exactly-matches-india-first-female-prime-minister-6640623.html> (accessed 09.02.2024)

¹⁰ По окончании действия режима чрезвычайного положения в январе 1977 г. индийское общество незамедлительно откликнулось реакцией на события последних лет – не остались стоять в стороне и деятели кинокультуры. Уже с конца 1970-х гг. начали появляться кинокартины, отображавшие настроения определенной части индийской публики того времени. Среди них – *Aandhi* («Буря», 1975), *Kissa Kursi Ka* («Сказание о стуле», 1975), *Nasbandi* («Вазэктомия», 1978) и др. (прим. авт.).

¹¹ <https://amarujala.com/photo-gallery/entertainment/bollywood/kangana-ranaut-on-emergency-said-many-people-do-not-know-the-real-reason-for-doing-this-by-indira-gandhi-2023-06-26> (accessed 09.02.2024)

¹² <https://indianexpress.com/article/entertainment/bollywood/kangana-ranaut-experienced-a-lot-of-upheavals-while-portraying-indira-gandhi-in-emergency-couldnt-figure-if-it-was-misery-or-legacy-8925993/> (accessed 09.02.2024)

Из отдельных интервью¹³ с Канганой Ранаут можно понять, что создатели картины планировали показать, что введение режима чрезвычайного положения не было единоличным решением одного человека. Представление о том, что за злоупотреблениями периода всеобщего чрезвычайного положения 1975–1977 гг. стояли исключительно «мрачные» фигуры премьер-министра и её сына, обосновываются не сухими фактами, а эмоциями.

«ВНЕ ПОЛИТИКИ»: РЕАКЦИЯ НА НОВЫЙ ФИЛЬМ О ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Задолго до выхода на большой экран фильм *Emergency* стал известен на всю страну в связи с развернувшейся вокруг него полемикой.

24 июня 2021 г., в преддверии очередной «темной» годовщины, актриса объявила о начале съемок своего фильма о чрезвычайном положении¹⁴. Новость незамедлительно вызвала реакцию у давних противников – БДП и ИНК. Спорно была воспринята сама идея снять фильм о чрезвычайном положении. Так противники стоящей у власти БДП сразу окрестили фильм «пропагандой правительства»¹⁵, посчитав, что производство новой ленты о данном периоде – это очередная попытка правящих сил навязать свою правду о режиме 1975–1977 гг. Проконгрессистские силы усомнились в независимости создателей будущей кинокартины и обвинили их в работе на заказ в поддержку правящей партии, окрестив её создательницу Кангану Ранаут «агентом БДП»¹⁶.

Масла в огонь подлили и заявления ряда функционеров БДП о том, что партия обеспечит Кангане Ранаут¹⁷ полную защиту на время производства кинокартины. В ответ на это член парламента от одного из округов Праяграджа (бывший Аллахабад), представитель ИНК Хасиб Ахмед пообещал не допустить въезд Канганы Ранаут в город, где, собственно, и должны были состояться съемки о детстве Индиры Ганди. Помимо этого, политик также назвал Ранаут «проводником интересов БДП» и заявил, что сочувствующая правительству актриса «очерняет образ Индиры, которая пожертвовала жизнью ради своей страны» и что он не может представить большего издевательства над демократией, чем происходящее¹⁸.

Несмотря на громкие заявления со стороны представителей двух партий, дальше словесного «обмена любезностями» эта история не зашла, а съемки в Праяградже с участием Канганы Ранаут успешно состоялись. Но нельзя не отметить, что политическая перепалка стала отличной пиар-кампанией к кинокартине: благодаря ей о фильме заговорили в соцсетях задолго до появления первых рекламных видеороликов о нём.

Однако на этом баталии вокруг потенциальной ленты о чрезвычайном положении не утихли. Политические сторонники БДП и ИНК – лидеры региональных партий – также не смогли проигнорировать анонсированный выход нового фильма о событиях 1975–1977 гг. Например, главный министр штата Телангана и представитель региональной партии Бхарат раштра самитхи Р.Чандрашекер Рао в одном из интервью телеканалу *NDTV* заявил¹⁹, что Индира Ганди, в отличие других политиков, обладала достаточной смелостью, чтобы открыто объявить чрезвычайное положение. В то же время, – продолжал Рао, – у лидеров БДП её явно не хватает, и именно поэтому с 2014 г., т.е. с момента прихода к власти такого автори-

¹³ См. например: <https://outlookindia.com/art-entertainment/-mind-of-a-conqueror-kangana-ranaut-s-tribute-to-indira-gandhi-on-birth-anniversary-news-238629> (accessed 22.01.2024)

¹⁴ <https://www.firstpost.com/entertainment/kangana-ranaut-announces-her-second-directorial-project-emergency-based-on-indira-gandhis-life-9748621.html> (accessed 16.01.2024)

¹⁵ <https://timesofindia.indiatimes.com/entertainment/hindi/bollywood/news/kangana-ranauts-emergency-lands-in-controversy-as-congress-objects-report/articleshow/92997560.cms> (accessed 23.01.2024)

¹⁶ <https://timesofindia.indiatimes.com/entertainment/hindi/bollywood/news/kangana-ranauts-emergency-lands-in-controversy-as-congress-objects-report/articleshow/92997560.cms> (accessed 16.01.2024)

¹⁷ <https://twitter.com/TIMES18News/status/1417826415941193735?t=i4ivs1YZI9FRsWuZMw&s=19> (accessed 05.02.2024)

¹⁸ <https://news18.com/news/movies/bjp-congress-spat-over-kangana-ranauts-planned-prayagraj-visit-for-emergency-film-3988226.html> (accessed 05.02.2024)

¹⁹ <https://twitter.com/AnjumChats/status/1547567782170361859?t=gkDDrSxKxhIe9wFXPrDwaQ&s=19> (accessed 05.02.2024)

тарного лидера, как Нарендра Модии, страна находится в состоянии т.н. «необъявленного чрезвычайного положения».

На эпизоде с Праяграджом шумиха вокруг нового фильма о чрезвычайном положении не утихла. Так, по словам пресс-спикера ИНК от штата Мадхья-Прадеш Сангиты Шармы, Кангана Ранаут, «подыгрывая» нынешнему режиму «необъявленного» чрезвычайного положения, взяла на себя роль Индиры Ганди, чтобы запятнать её образ «по указанию правящей партии»²⁰. Более того, Шарма потребовала допустить представителей Конгресса к предпросмотру фильма до его выхода в большой прокат, чтобы лично убедиться, что картина не дискредитирует политику Индиры Ганди, правительства 1975–1977 гг., а также ИНК²¹.

Ответом на обвинения Шармы стал комментарий в газете *India Times* от представителя БДП, члена парламента от штата Мадхья-Прадеш, Раджпала Сингха Сисодии: «Чрезвычайное положение – это черное пятно в истории демократии страны, а Индира Ганди – его главное действующее лицо, и поэтому им [Конгрессу] не о чем беспокоиться». Иными словами, по мнению Сисодии, режим был ничем иным как опасным следствием персонификации власти.

Помимо реакции со стороны противоборствующих БДП и ИНК ряд индийских газет (среди них и *National Herald*²²) провел соцопросы на улицах крупных городов Индии, попросив прохожих высказать мнение относительно того, является ли будущий фильм пропагандой. Несмотря на то, что издания не называли конкретного количества опрошенных, они охотно делились мыслями респондентов.

Как можно догадаться, реакции были смешанные. Кто-то выступал в поддержку ИНК и их союзников по коалиции, разделяя оскорбленные чувства Конгресса и обвиняя правящую БДП в производстве «антиконгрессистских» фильмов, искажающих исторические факты и априори наносящих ущерб репутации партии Индиры Ганди. Кто-то же, защищая БДП от выпадов со стороны оппозиции, называл новую киноленту (заметим, которую еще никто полностью не видел!) необходимой мерой против «конгрессизации»²³ истории, а призывы ИНК бойкотировать просмотр еще не вышедшей картины – попранием свободы слова и нежеланием признавать горькую правду о существовании режима 1975–1977 гг.²⁴

Так же неоднозначно воспринимаются образы Индиры Ганди и её сына Санджая Ганди, которые можно увидеть на постерах и в трейлерах к кинокартине. Дело дошло до того, что некоторые активисты ИНК пообещали не просто бойкотировать показ нового фильма о чрезвычайном положении, но и развязать «правовую борьбу» в высших судебных инстанциях страны против дискредитации истории посредством умышленного искажения фактов²⁵.

На данный момент в Индии не зарегистрировано исковых заявлений с требованиями снять ленту с проката, удалить ряд сцен, «некорректно» изображающих события 1975–1977 гг. и др., однако можно предположить, что по мере того, как начнется массовый показ кинокартины, споры вокруг неё станут громче и масштабнее.

Представитель центрального правительства, давая комментарий на вопросы ИНК о том, является ли новый фильм пропагандой, ответил так: «Если можно снять фильм о правительстве [БДП] и его деятельности, то почему бы не снять фильм *Emergency*»²⁶.

²⁰ <https://timesofindia.indiatimes.com/entertainment/hindi/bollywood/news/kangana-ranauts-emergency-lands-in-controversy-as-congress-objects-report/articleshow/92997560.cms> (accessed 23.01.2024)

²¹ Ibidem.

²² См.: <https://www.nationalheraldindia.com/films/bad-films-good-propaganda> (accessed 04.02.2024)

²³ Конгрессизация (от англ. congressisation) – понятие, под которым понимается приписывание ИНК главенствующей роли во всех политических процессах в период после обретения Индией независимости, процесс насаждения фактически однопартийной системы при формальном сохранении многопартийного уклада. Термин имеет широкое хождение в индийских СМИ, соцсетях. См.: <https://freepressjournal.in/bollywood/kangana-ranaut-to-play-former-prime-minister-indira-gandhi-in-political-period-drama> (accessed 04.02.2024)

²⁴ Ibidem.

²⁵ https://twitter.com/SAJANBHARDWAJ/status/1628989694309724160?t=0yIdwd7_sFwhUkzOo7N8Vg&s=19 (accessed 04.02.2024)

²⁶ <https://twitter.com/PunjabKesariCom/status/1418502870165426178?t=VhmSU53VYrUqUyVLqRxP3w&s=19> (accessed 09.02.2024)

Показательно, что ежегодно в последнюю неделю июня в преддверии «темной годовщины» премьер-министр Индии Нарендра Моди обращается к согражданам с речью, где делится своими воспоминаниями о чрезвычайном положении. Индийский лидер также положил начало традиции говорить во всеуслышание о режиме, а также делиться воспоминаниями своей семьи о событиях 1975–1977 гг. В 2023 г. Моди встретил очередную годовщину следующими словами: «Я отдаю дань уважения всем тем мужественным людям, которые сопротивлялись режиму и работали над укреплением нашего демократического духа. Темные дни чрезвычайного положения никогда не будут забыты в нашей истории.²⁷ Или, перефразируя вышесказанное, индийскому обществу не скоро дадут забыть о событиях 1975–1977 гг., но какой будет эта «память», зависит от того, факт или миф ляжет в основу предлагаемого той или иной партией нарратива.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фильм *Emergency*, премьерный показ которого теперь запланирован на конец весны или начало лета 2024 г., – очередная кинолента в память о политическом кризисе середины 1970-х гг. в Индии. На примере истории с так пока и не вышедшим на экраны фильмом можно говорить о том, что отображение событий 1975–1977 гг. в кино невозможно в полутонах. И взгляды на историю 1975–1977 гг. у индийского зрителя во многом формировали политические силы, стоявшие у власти в конкретный момент (прежде всего, ИНК и БДП).

В современном индийском обществе режим всеобщего чрезвычайного положения, введенный в июне 1975 г., связывается, прежде всего, с образами лишений и страданий, через которые пришлось пройти части населения страны. Появление подобных представлений обусловлено насаждением идей об авторитарической сущности правления Индиры Ганди, нивелированием отдельных достижений её правительства, а также тенденцией к всевозможному, чаще всего голословному, очернению этого периода. Такой взгляд на события почти 50-летней давности не только ставит под сомнение объективность данного подхода к историописанию, но и лишает новое поколение индийцев, которые не были очевидцами событий 1970-х гг., права на собственные взгляд и мнение.

Сможет ли новая картина повлиять на представление индийского общества о событиях чрезвычайного положения, судить рано. Однако нельзя отрицать того, что она не только вызвала бурный всплеск интереса к «темным месяцам диктатуры» в соцсетях, но и уже заставила задуматься зрителей, представителей поколений «пост-чрезвычайного» периода, над рядом вопросов: почему общество до сих пор отмечает «темную годовщину», на кого возлагать ответственность за пресловутые перегибы в социально-политическом курсе страны, и, наконец, кем видеть в этих событиях членов своей собственной семьи – жертвами или соучастниками?

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Jain M.P. Indian Constitutional Law. Generic, Faridabad. P. 2443.
2. The Welcome Ban. 1975. *Socialist India*, Vol. XI, № 6, July 12. Pp. 3–5.
3. Prakash G. 2019. *Emergency Chronicles: Indira Gandhi and Democracy's Turning Point*. Princeton University Press, New Jersey. P. 456.
4. Ghose S. 2017. *Indira: India's Most Powerful Prime Minister*. New Delhi: Juggernaut Books. 344.
5. Jaffrelot C., Anil P. 2020. *India's First Dictatorship: The Emergency, 1975–1977*. London: Oxford University Press. P. 536.
6. Ванина Е.Ю. Индия: история в истории. М.: ИВ РАН, Наука – Восточная литература, 2014. С. 343. Vanina E.Yu. India: History In History. Moscow, 2014. (In Russ.)
7. Tarlo E. 2003. *Unsettling Memories: Narratives of the Emergency in Delhi*. London: Hurst and Company. P. 268.
8. Jaiswal R.R. Kangana Ranaut on Emergency said many people do not know the real reason for doing this by Indira Gandhi. Amar Ujala. 2023. July 26. <https://www.amarujala.com/photo-gallery/entertainment/bollywood/kangana>

²⁷ <https://twitter.com/narendramodi/status/1672832493890813952?t=z-U68k7XGIH0qIPFIAuJaQ&s=19> (accessed 09.02.2024)

- ranaut-on-emergency-said-many-people-do-not-know-the-real-reason-for-doing-this-by-indira-gandhi-2023-06-26 (accessed 16.02.2024)
9. Sharma M. In 1975, 40 prominent writers including Harivansh Rai Bachchan supported Emergency. *India Today*. 2019. June 19. <https://www.indiatoday.in/india/story/in-1975-40-prominent-writers-including-harivansh-rai-bachchan-supported-emergency-1556857-2019-06-26> (accessed 29.02.2024).
 10. Indira Gandhi's Historical Letter to Congressmen of November 8, 1969. *Socialist India*, Vol. I, № 3, June 13, 1970. Pp. 7–8.
 11. Kapoor C. *The Emergency: A Personal History*. India: Penguin Books, 2015. P. 350.
 12. Kumar C. Bad films, 'good' propaganda. *National Herald*. 2023. July 3. <https://www.nationalheraldindia.com/films/bad-films-good-propaganda> (accessed 04.03.2024)
 13. Population growth in India. *World Data*. <https://www.worlddata.info/asia/india/populationgrowth.php> (accessed 10.02.2024)
 14. Mukherjee P. 2015. *The Dramatic Decade. The Indira Gandhi Years*. India: Rupa Publications. P. 348.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Иконникова Татьяна Дмитриевна, аспирантка кафедры истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Tatiana D. Ikonnikova, Post-graduate student, Department of South Asia History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 19.03.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 17.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 18.06.2024